

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

10

2000

В РАСЧЕТЕ НА ГРЯДУЩИЕ ПЕРЕМЕНЫ

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ БУДУЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ

В. ДЁЖКИН,
биолог-охотовед,
доктор биологических наук

В самом конце 80-х — начале 90-х годов в Россию пришла пора концепций. Освободившись от железных объятий социализма, собственными силами планирования отрасли народного хозяйства ощутили настоятельную потребность в осмыслении своих целей, собственных задач и разумных методов работы. А сделать это было можно быстрее всего посредством разработки и принятия научно обоснованных и согласованных концептуальных основ деятельности соответствующих отраслей. Очень большие надежды возлагались на них в те годы...

Автор подключился к общему движению в 1991 году. Казалось совершенно очевидным, что и когда можно и нужно сделать для расцвета охотничьего хозяйства России. Журнал опубликовал статью для обсуждения. Начали поступать конструктивные заинтересованные отклики. Они подтвердили потребность в охотничьей концепции. Любопытно, правда, что наиболее пассивными оказались органы, которые руководили нашей отраслью. Но их можно понять: десятилетия работы по жесткому регламенту отнюдь не способствовали самостоятельности мышления...

Через год после публикации дискуссионной статьи наступило всеобщее отрезвление. Социально-экономические условия изменялись в России настолько глубоко и быстро, что основные предлагаемые положения нашей концепции оказались неприемлемыми. Они предназначались для социалистической системы хозяйствования. Мимо цели шло и большинство откликов. Подводя некоторые итоги дискуссии, автор вынужден был констатировать: «Все еще впереди...» (Дёжкин, 1992).

Последующие годы охотничье, охотоведческое содружество России прошло в поисках и метаниях. Иногда рождались интересные взгляды, высказывались разумные предложения. Содружество ощущало настоятельную потребность в фундаментальных основах деятельности. Ведь невозможно нормально существовать в обстановке полной неопределенности. Упомянутые взгляды и предложения регулярно появлялись и на страницах нашего журнала. Главные итоги?

— У нас до сих пор не принят Закон об охоте и охотничьем хозяйстве. Мне пришлось участвовать в его подготовке еще в рабочей группе Верховного Совета РСФСР (был даже автором одной из версий). Казалось, что еще немного, еще чуть-чуть, и он появится на свет. Но... Сначала его рождение задержали амбиции некоторых членов рабочей группы. Затем наступило безнадежное перетягивание ведомственных канатов, усугубленное подключением к работе непрофессиональных, но влиятельных работников аппарата. Участвовать в создании безграмотного и ненужного документа не хотелось. В публикациях многих охотоведов до сих пор чувствуется тоска по Закону. Но они не знают, что лежит в запасниках Госдумы. Не решит большинства наших проблем принятие такого документа...

Естественно, будучи разбуженной, не затаихет мечта и об охотничьей Концепции. По существу, разработка и принятие Концепции должны предшествовать конструированию Закона. Этот документ категоричен и безальтернативен, все споры и разногласия остаются на концептуальной стадии. У нас все не так, усилия в значительной степени разобщены, работа ведется параллельно, хотя многие специалисты и ученые присутствуют и там, и тут...

Полтора-два года назад контуры новой Концепции появились. Она была коллективно собрана из остатков старых документов, фрагментов публикаций, новых авторских дополнений и уже долго путешествует по инстанциям. Не вижу смысла в ее оценке и подробном анализе (в целом это достаточно добротный документ, приближающийся, однако, по жанру к обстоятельной программе). В его длительном неприятии

виновны, по-видимому, не только ведомственные противоречия и продолжающийся торжествовать бюрократизм. Он недостаточно соответствует имеющимся эколого-экономическим механизмам и ситуации в охотничьем хозяйстве страны. Поэтому вполне обоснована попытка поработать «впрок», в расчете на грядущие перемены к лучшему. Хороший задел никогда не пропадет. Мы предлагаем некоторые элементы будущей концепции, которые кажутся нам необходимыми, и предлагаем подумать над ними...

— «Животный мир в пределах территории Российской Федерации является государственной собственностью... Вопросы владения, пользования, распоряжения животным миром относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». Эта статья 4 из Федерального «Закона о животном мире» может, на наш взгляд, являться конструктивным камертоном Концепции, определяющим содержание ее основных положений.

Сейчас идут бесконечные споры о том, «кто главнее и важнее» в охотничьих делах — Департамент охоты или Россохотрыболовсоюз. Споры непродуктивные, ибо «главных» сейчас нет и быть не может. Государственные органы маломощны, нищие, не обладают достаточными правами и механизмами для их реализации. Сравним: бюджет Службы рыбы и дичи США около 2 млрд. долларов в год, огромные права, прекрасное оснащение, авторитет и т. д. А у нас? ...Важно, чтобы в пору междувременья государственное ведомство не наделало глупостей и не усугубило положение охотников и отрасли в целом. По одежке протягивало ножки и неустанно доказывало правительству необходимость его укрепления (ведь были времена, когда Главохота РСФСР по статусу соответствовала великим традициям российской охоты!). А Россохотрыболовсоюз, накопившему немалый экономический, ресурсный, трудовой потенциал, опыт ведения любительского охотничьего хозяйства в очень непростых условиях, не мешали бы нормально работать, не ускоряли бы отмирание этой полезной (и, конечно, безупречной) структуры.

Настанет на Руси время экономиче-

охота

и охотничье хозяйство 10 2000

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство», 2000

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ского благополучия и хозяйственной упорядоченности, и все постепенно встанет на свои места: государство возьмет в окрепшие руки управление природопользованием, контроль за ним. Российская служба охоты (а лучше — охоты и внутреннего рыболовства) займется восстановлением оскудевших ресурсов, эффективной борьбой с браконьерством, методическими основами рационального охотпользования, откажется от эгоистических хозяйственных забот. Любительской охотой будут заниматься Федеральные и региональные добровольные общества охотников и рыболовов, охотничьи клубы и ассоциации, промысловой — бригады промышленников, промысловые артели, товарищества, предприниматели. Процесс этот длительный, не терпящий революционных методов и «ниспровергательства».

Где будет проложен водораздел между функциями Федерации и Субъектов федерации? Этот вопрос также вытекает из цитированного пункта Закона. Общая тенденция — необходимость перенести в охотничьих делах центр тяжести на места, в регионы, оставить за Федерацией решение вопросов, которые могут быть решены только в столице. Это второй пункт Концепции, к детализации которого мы вернемся чуть позже.

— Смогут ли охотничье хозяйство совершать свой сложный путь в одиночку? Мы не исключаем таких возможностей, особенно — в любительской сфере. Да, на местах могут создаваться условия для возникновения и эффективной работы отдельных охотпользователей, поддерживаемых региональными структурами. Главное, однако, осознать, что охотничье хозяйство — неразрывная часть комплексного биологического природопользования, от состояния которого во многом зависят и общие успехи нашей отрасли. Все законы и принципы биологического природопользования имеют отношение и к охотничьему хозяйству, и главным из них является принцип вечности и неисчерпаемости природопользования, в данном случае — неисчерпаемости эксплуатации ресурсов охотничьих животных. Это — третий и очень существенный компонент концепции. Он требует постоянного согласования нашей деятельности с сельским, лесным, рыбным, водным хозяйством, с общей системой землепользования в стране.

— Четвертый компонент: охотничьи животные являются комплексным ресурсом, имеющим биосферное, социальное, экономическое и эстетическое значение. Лишь часть их «полезностей» идет на удовлетворение потребностей охотников и охотничьего хозяйства. Причем часть незначительная. Несправедливо государству взваливать все затраты на охрану и воспроизводство охотничьих животных на плечи охотников, мы уже писали об этом в нашем журнале. Государство должно постоянно интересоваться со-

стоянием охотничьих ресурсов, более щедро финансировать работу соответствующих государственных структур, не вынуждать их заглядывать в тощие карманы охотников в поисках средств для собственного выживания (Дёжкин, 1998).

Кстати, «разорительна» ли эта функция для государственного бюджета? Нет, конечно. Аналогия до некоторой степени условна, поскольку США имеют более высокий, по сравнению с Россией, природно-ресурсный потенциал, развитую систему природопользования, очень зажиточных охотников с претензиями на комфорт даже в полевых условиях. Но все-таки знаменательно: от реализации товаров, покупаемых охотниками-любителями страны, ежегодно в бюджеты штатов и федерации поступает в виде налогов около 3 млрд. долларов! (Дёжкин и Кузнецов, 1999). Затраты окупаются с лихвой...

Приведенным утверждением проблемы экономики охотничьего хозяйства не исчерпываются. Государство государством, но все-таки очень важно представлять себе, в какой степени и где в нашей отрасли могут быть реализованы возможности самофинансирования. Прежде всего вспоминаются перспективы рентабельного хозяйства на крупных копытных животных и медведя. Они являются «концентратом» потребительской стоимости, заманчивы как объекты охоты и могут служить источниками прибыли. Но можно ли в условиях дефицита крупных и ценных охотничьих животных сделать их субъектами свободных рыночных отношений? Теоретически можно (и этот процесс сейчас происходит), однако добывать их смогут только «новые русские». Ограничение свободы рынка в сфере охоты в интересах массового охотника — необходимый элемент концепции. По крайней мере до насыщения угодий «дефицитными» видами животных, до заполнения пустующей емкости охотничьих угодий.

Несомненно, рентабельной должна быть и охота, продаваемая иностранным охотничьим туристам, иначе ею не стоит и заниматься. Рентабельной не только для соответствующих фирм, но и для региональных и федеральных охотничьих структур, занимающихся охраной, воспроизводством охотничьих животных и определением квот их добычи.

Самое сложное — определение экономических взаимоотношений различных охотпользователей со структурами, ведающими передачей в аренду охотничьих угодий. Нам представляется, что без системы льгот и дотаций многим пользователям охотничьих ресурсов пока не обойтись. Слово за экономической охотоведческой наукой...

Группа важных и сложных положений может составить основу следующего концептуального компонента. Федеральный закон «О животном мире» в статье 12 провозгласил «отделение

права пользования животным миром от права пользования землей и другими природными ресурсами». Это можно считать серьезным достижением охотоведения. Оно пришло из североамериканского опыта, и когда-то, предлагая этот рискованный принцип, мы ожидали серьезного сопротивления ведомств, связанных с биологическими природными ресурсами. К счастью, они «проморгали» его обсуждение и принятие, но в реальной жизни не намерены уступать свои «права». Это очень заметно сказалось при подготовке «Лесного кодекса» России в 1997 году, когда полностью обнаружился аппетиты лесного ведомства. Можно ожидать ведомственной экспансии и сельхозников, и водников, рыбников и т. д. Необходимо стойко оборонять и совершенствовать провозглашенный в Законе принцип.

Огромную и трудную для российской охотоведения проблему представляет адекватная регламентация охоты, установление обоснованных научно повидовых сроков и норм добычи, соответствующих особенностям регионов и состоянию популяций охотничьих животных. Отказ от доминирующих сейчас административных принципов, продвижение вперед связаны с четкой классификацией охотничьих животных, дифференциацией территорий в интересах охоты и разделением функций центра и регионов. Мы уже высказывались недавно в журнале по этому поводу, обсуждая вопросы лицензирования охоты (Дёжкин, 2000). Научные подходы очевидны и успешно применяются в мире. Сложности с их внедрением в российских условиях связаны с большими размерами страны, различием региональных природных условий и очевидной слабостью органов охотничьего надзора и охотоведческой науки. Поэтому следует воздерживаться от резких перемен, но иметь четкую перспективу и постепенно заменять административные методы эколого-экономическими. При этом в регулировании охоты на массовые мигрирующие виды, естественно, должен сохраняться приоритет центра, а управление популяциями остальных видов зверей и птиц должно переместиться в регионы. Целесообразна разработка соответствующей научной программы федерального уровня силами охотоведов, экологов, экономистов, географов. Цели и задачи этой работы также должны найти отражение в альтернативной Концепции ведения и развития охотничьего хозяйства России.

ОХОТА НА БАРСУКА

Е. АНДРЕЕВ

Барсук — скрытный ночной зверь, великий землекоп и строитель подземных лабиринтов. Поселяется он на склонах оврагов, поближе к воде. Норы почти всегда сложные, глубокие, часто многоярусные. Встречаются и запасные норы, менее сложные в местах кормежки на случай необходимости быстро укрыться от неожиданных врагов. Барсука не пугает структура почвы. Он выворачивает кубометры грунта вместе с гравием или камнями, ежегодно углубляет и расширяет нору. Охотники знают, что барсук — чистюля. Поэтому и лисицы, когда барсук спит, охотно пользуются его норой: в ней меньше клещей, она просторнее и комфортней. В сильные и продолжительные оттепели зимой барсук может просыпаться и выходить из норы, но это бывает редко. От норы он далеко не отходит и в это время не кормится, вновь залегая в спячку. Особая пора в жизни барсука — август и сентябрь. В эти месяцы он нагуливает запас жира, необходимого на долгую зиму. Природа к августу готовит всеядному барсuku щедрый стол: много насекомых, съедобных корней и корневищ, зреют желуди, подсолнечник, кукуруза...

В это время легко установить: жилая или нет барсучья нора. От жилой в стороны идут хорошо видимые тропы. Зверь не теряет зря времени, он особенно активен и жиреет не по дням, а

по часам. В конце сентября он достигает максимальной упитанности, и охотники знают это. И все знают о ценности барсучьего жира, которым с успехом лечат простудные и, в особенности, легочные заболевания. Шкура барсука груба и особой ценности не представляет, хотя и ей находят применение для изготовления стелек и даже шапок. Мясо съедобно, но, как говорится, — на любителя. Спрос на барсучий жир приводит к постоянному преследованию этого зверя охотниками, и поэтому в некоторых местах он стал очень редок или вовсе отсутствует. В связи с этим, прежде чем рассказывать об охоте на барсука, хочу предостеречь непомерно жадных охотников, — раскопка барсучьих нор — обычно пустая трата времени. Нора при этом будет загублена, и зверь охотникам не достанется. К тому же нужно иметь в виду и то обстоятельство, что при раскопке может погибнуть целая барсучья семья, а это и вовсе недопустимо. Во имя самой охоты любая охота не может быть истребительной. Поэтому, наверное, можно только радоваться тому, что среди охотников немного тех, кому удавалось добыть барсука.

Многие знают об охоте на барсука с норными собаками со вскрытием норы. Но охотятся так очень редко: занятие слишком трудоемкое, требует уверенности в собаках и многих нервов. Взрослого зверя норной собаке не

взять. Даже особенно злобные, выдающиеся бойцы — ягдтерьеры, берущие в притравочной норе барсука по месту, выдавить его из собственной норы не в состоянии и часто гибнут.

Осенью 1998 г. мне случилось рано утром застать барсука, идущего к норе, посреди скошенного кукурузного поля. Две норные собаки яростно атаковали его, но отскакивали как от стенки горох и взять его не смогли. Кроме мощных зубов барсук защищает себя передними лапами. Их надо видеть, — тогда многое станет ясным. Удар лапой может оставить собаку без глаз, а тело порежет, как бритвой. Лапы помогают зверю в норе быстро закопать собаку в тупике, обойдя ее с тыла. Толстый слой жира защищает тело барсука от хваток собаки. Однако упитанность не лишает зверя подвижности. Однажды, находясь в засидке у норы, я увидел двух одинаковых по размеру барсуков, идущих к норе от ручья. После выстрела по первому на второго я не успел перенести кнопку прицела: с невероятной проворностью он исчез в норе, мгновенно преодолев 20—25 метров.

Чтобы не травмировать собак, не портить нору, охотники изобрели несколько способов более рациональных и более добычливых. Но сначала всегда полезно все хорошо обдумать и подготовиться. Есть охотники, у которых нет норных собак, но они тоже могут успешно охотиться на барсука, ожидая его у норы, хотя такая охота только для того, кто обладает терпением и выдержкой.

Убедившись в том, что нора жилая, по наличию утрамбованных тропок, свежей земле, охотник прибывает к норе за 1,5 часа до рассвета и застаивается в заранее днем выбранном месте. При выборе места учесть надо: направление ветра, мешающие кусты, помня о том, что будет раннее утро и недостаточная видимость. Барсук возвращается в нору очень рано, как только чуть засерет рассвет. Бывают, конечно, и исключения, но мы говорим о подавляющем большинстве случаев. Идет он по тропе бесшумно, будто плывет; у норы, как правило, не задерживается, сразу исчезает. Некоторые охотники ходят на засидку вечером. Из личного многолетнего опыта охот могу сказать, что шансов добыть зверя утром — 90 %, а вечером только 10 %. Помнить надо и о том, что норы есть в лесу, где темнеет раньше, а есть в открытых оврагах, где видимость сохраняется гораздо дольше. И если вы добыли барсука вечером, то это очень большая удача.

Второй способ более активный. Для тех, кто не любит ждать, сидеть, охотиться в одиночку, у кого мало терпения. Он требует участия двух-трех че-

ловек, использования охотничьих собак любых пород, не только норных, наличия хорошего фонаря. Во второй половине ночи группа прибывает к норе и сразу же забивает все отнорки. Лучшее всего это делать пустыми ведрами. Один из охотников с фонарем остается у норы и затаивается. Он стрелок. Остальные отходят от норы не далее 1 км и по спирали, сжимая кольцо и создавая шум, тем более с собаками, приближаются к норе. Им ружья вообще не нужны, — они загонщики. Если недалеко от норы есть поле с кукурузой, подсолнечником, то начинать надо именно оттуда. Барсук в это время вне норы и, зачав неладное, стремится скрыться в норе, попадая под выстрел. Этот способ более добычлив, чем все другие, но надо учитывать все нюансы: погоду, местность...

В нашем журнале № 5, 2000 г., очень хорошо об охоте с лайками на барсука написал И. Шперов. Но, по-моему, он был не прав в том, что добыча барсука капканами очень проста. Барсук более, чем любой другой зверь, умеет распознавать места постановки капканов и даже умудряется спустить их со взвода, особенно если их ставят непосредственно в отнорок. Однажды в ноябре, по чернотропу, я пришел к давно знакомой барсучьей норе с собаками с целью проверить — нет ли лисицы. Поскольку одна моя собака по барсуку не работала и не работает по сей день, чему я очень рад, я смело пускаю ее в барсучьи норы, не боясь потерять. Подойдя к норе, увидел, что рядом с главным отнорком вырыт еще один, совсем близко и необычно. Что за чудо? Присмотрелся, от дерева в отнорок идет тросик, все стало ясно, капкан. Барсук его причуял и выкопал новый отнорок, завалив капкан землею. Ай да молодец!

Капканы лучше всего ставить на тропе, тщательно маскируя их. Удержать барсука не просто, все нужно делать как при постановке капкана на волка. Проверять ежедневно, иначе барсук не успокоится, пока не освободится, чего бы это ему ни стоило. Исключение бывает тогда, когда зверь, попав в самолов, может скрыться в норе, если позволяет это сделать ему трос или цепь. Тогда он не пытается оторвать конечность и успокаивается, видимо считая себя в безопасности. Пытаться вытащить его из отнорка рискованно, сорвется, лучше пристрелить. Как видим, охотиться на барсука можно и без риска потерять собак, и без вскрытия норы.

Однако добыть его не так-то легко и просто, как может показаться. Этот зверь требует уважительного отношения и серьезной подготовки к охоте. Тем, кто настойчив, обязательно повезет. На рану зверь довольно крепок, поэтому выцеливать необходимо по голове; диктуется это еще и тем, чтобы оставался чистым жир. Вытапливать жир надо осторожно, на медленном и слабом огне, чтобы он не потерял цвет и не пожелтел, не подгорел. Хранить в прохладном месте, в холодильнике или погребе.

Барсука желательно положить на месте первым выстрелом еще и потому, что охота происходит у норы. Даже тяжело раненный, он уйдет в нору и будет потерян, а вернее, загублен. Именно поэтому желательно при охоте ночью закрывать отнорки, страховать себя. Патроны должны быть качественные, не вызывающие сомнений, с резким и кучным боем. Дистанция должна быть убойной, не далее 35 метров. Дробь от нолевки и крупнее, но не карточь.

Фото А. Дигилевича

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Заповедники Сибири. Т. 1. М.: ЛОГАТ, 1999. — 2000 экз. 304 с., ил.

Монография продолжает серию научно-художественных книг «Заповедники СССР», издававшуюся в 1985—1996 гг. (М., изд-во «Мысль»). Описание многих сравнительно недавно созданных сибирских заповедников приводится впервые. Книга содержит очерки об охране природы и заповедном деле в Сибири, детальные описания природы 14 заповедников, обширный справочный материал и множество цветных материалов.

Полный каталог пород собак. «Библиотека Американского клуба собаководства». М.: ЗАО Центрполиграф, 1999. — 731 с.

В каталоге представлено 137 стандартов пород собак, признанных и утвержденных Американским клубом собаководства. Даны история происхождения пород, структура АКС и правила регистрации собак в Америке. Описаны требования АКС по разведению и дрессировке, выбору щенка и уходу за собакой. Большой раздел посвящен охотничьим породам.

Охотничий сборник. М.: Издательское Дело «Мурaveйник», 2000. — 2000 экз. 223 с.

На этот раз сборник составили произведения известных писателей — охотников и рыболовов — Виктора Астафьева (г. Красноярск), Дмитрия Дурасова (Москва), Василия Юровских (Курганская область), Юрия Чернова (Новосибирская область) и др. «Изюминкой» номера стали разысканные Еленой Семенович ранние рассказы Юрия Казакова и Георгия Семенова. Появились новые рубрики: «Очерки» и «Добрая старина».

С 2001 г. «Охотничий сборник» будет выходить 2 раза в год. Годовая подписка проводится с 1 сентября по 15 ноября (Каталог агентства «Роспечать»).

Яшин М., Смирнов Н., Оглоблин К. Куда поехать на охоту, рыбалку. Справочник охотника и рыболова. М.: «Аванти», 2000. — 10 000 экз. 250 с.

Основное назначение справочника — помочь в выборе места для охоты и рыбалки. Приводятся описание многих охотничьих и рыболовных хозяйств разных ведомств, адреса и телефоны большинства охотничьих-рыболовных организаций страны и зарубежья. Дается информация для тех, кто хочет сдать экзамен по охотминимуму. Разъясняются правовые основы организации любительской охоты и рыболовства в России, порядок приобретения охотничьего оружия.

Приобрести книгу можно наложенным платежом по адресу: 117513, Москва, а/я 20. Справки по телефонам 245-37-92 и 296-35-15. Там же принимаются заказы на «Словарь охотника-природолюбца».

На приманку для соболя может идти любое мясо: как домашних животных, так и диких зверей и птиц. Однако при возможности выбора сытый зверек весьма разборчив, лучше ловится на приманки из мяса молодых животных, а не старых, из мяса самок, а не самцов. Соболя успешно ловят и на сливочное масло. Для усиления привлекательности и запаха кормовой приманки ее нередко подвергают частичному или основательному разложению, опаливают или поджаривают, смазывают другой пахучей приманкой, пропитывают незамерзающими жидкостями (рыбьим жиром, касторкой, глицерином, спиртом и т. д.), сушат, измельчают, коптят, солят.

Привлекательность наиболее распространенных приманок на соболя опрошенные нами на Северном Урале охотники оценивали следующим образом: рябчик — 5 баллов; глухарка — 4; глухарь — 3,5; белка свежая — 2,5; мясо лося, северного оленя и лошади — 3; кедровка — 1,5; сойка — 1,3; кукушка — 1; тушка самого соболя — меньше 1 балла. На кукуш, попавших в капкан, соболя почти не реагирует, а кедровок поедает. В Саянах на первое место ставят рябчика, на второе — кедр-

ровку и зайца. Амурские охотники из наиболее популярных приманок — мяса рябчика, глухаря, печени лося и косули — отдают предпочтение наживкам из глухарки. В Хакасии в качестве приманки на соболя чаще употребляют мясо рябчика, глухаря, кедровки. На Сахалине и в ряде других регионов некоторые охотники лучшей приманкой на соболя считают тушки ондатры. С успехом используют такую приманку: тушку ондатры рубят пополам, складывают в бочонок, заливают водой довер-

вают на ветру и держат, пока не покроется корочкой.

Из мелких грызунов соболя отдает предпочтение полевкам (зверек с коротким хвостом); мыши для него менее привлекательны. Считают особенно хорошей приманкой красную полевку. Землероек (зверек с «хоботком») соболя большей частью игнорирует. Ловится соболя и на пищу. Мясо хищных птиц, особенно ястребов, — малоценная приманка. В неволе соболя охотно ест яйца любых птиц: осторожно выпивает содержимое, предварительно проделав отверстие в скорлупе. На приманку идут печенье, вареные яйца с запахом разложения, сухенные и перемолотые в порошок, который используют самостоятельно или в смеси с жиром или другими компонентами. Некоторые охотники поступают иначе: три испорченных яйца выливают в пол-литровую бутылку и доливают водой, а затем мажут полученной жидкостью кормовые приманки.

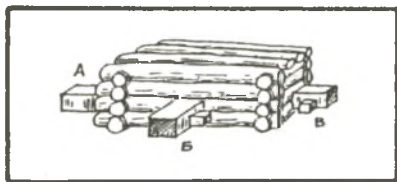
В отношении рыбы мнения охотников расходятся. Во многих регионах рыбные приманки при ловле соболя не имеют успеха, в то же время охотники других мест, например Иркутской области, успешно используют рыбу. Обычно с осени применяют слегка проквашенную рыбу, а с наступлением мо-

ПРИМАНКА НА СОБОЛЯ

ху, ставят на теплую печь и держат, пока не появится запах разложения (примерно через трое суток, иногда больше). Нельзя допускать сильного разложения наживки, иначе с ней будет трудно работать. Когда мясо подойдет до нужной кондиции, его развешивают на ветру и держат, пока не покро-

Фото Ю. Терновской

Амбарчик для приваживания соболя: А, Б, В — приставные живоловушки с боковыми утепленными гнездами

розов — сильно протухшую. Жирная рыба при посоле приобретает своеобразный, привлекающий зверька запах и вкус. Многие приамурские собольяники, имея на путях по 600—800 самоловов, перед сезоном промысла ловят речную рыбу, слегка ее солят, а затем проквашивают в бочках и бидонах. Свежая рыба бывает эффективна в годы, обильные кормами, когда соболь плохо идет на приманки.

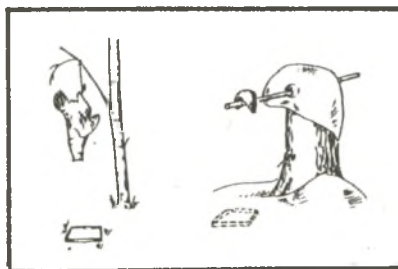
В Томской области соболь успешно ловят на кусок змеи. В Енисейском районе Красноярского края многие охотники лучшей приманкой на соболя считают «змеинный жир», то есть жидкость, полученную из протухшей змеи. Зверьки охотнее берут кормовые приманки, смазанные этим снадобьем. Специально за змеями охотники поднимаются в верховья р. Кеть. Западно-Сибирское отделение ВНИИОЗа совместно с сотрудниками Новосибирского питомника змей выпускают на продажу пахучую приманку «Питон». В основе ее лежат продукты, полученные при гниломстом разложении гадюк, погибших после взятия у них яда. «Питон» неплохо привлекает колонка, горностая и белого хоря, несколько хуже — соболя.

По опытам, проводившимся А. С. Баталовым, у соболей, живших в неволе, наибольший интерес к запахам зверей семейства куницеобразных проявлялся в отношении своего конкурента в природе — колонка и наименьший — к полуводному зверю, обитателю иной экологической ниши, норке. Приманки, несущие запах колонка, манят соболя. Приманка из подвостных желез соболей, разводимых на фермах, при испытании на промысле неплохо привлекала диких сородичей в теплую погоду и в период оттепелей, но действие ее резко снижалось при похолодании. Приманка уступала по эффективности приманкам из частей тушек рябчиков. Капкан и то место, где он стоял, при попадании соболя приобретают запахи лап, шкурки, каловых масс, слюны и крови зверька. Это место становится притягательным для других соболей, поэтому на нем вторично устанавливаются капканы. В конце февраля, с началом ложного гона, соболь на кормовые приманки большей частью идет слабо, однако на мочу и на запах подвостных желез своих собратьев реагирует активно.

Соболь охотно идет на приманки, содержащие биологически активные вещества. Например, голова и шея птиц содержат липиды и гормоны, и, на-

верное, поэтому зверь начинает поедать жертву с головы, а при сытости ограничивается только головой. Известны примеры удачного лова соболя на содержимое желудка зайца-беляка. Ловят соболя и на желудок, и на печень их же собратьев. Соболь в неволе с жадностью поедает бабочек, жуков, стрекоз и других насекомых, которые, обжигаясь о лампу, падают к нему в вольеру. Спиртовая вытяжка из пантов оленя в смеси с желчью медведя считается хорошей приманкой на соболя. Среди охотников ходят разговоры, что мумие — одна из лучших приманок. В бутылке с приманкой неизвестного состава, с которой удачливый охотник добыл больше соболей, чем соседи, были найдены семена конопли.

Мед — хорошая приманка для многих зверей. Его любит и соболь. Когда этот зверек, только что пойманный в ящичную ловушку с медом, был выпу-

Варианты подвешивания приманки над ловушкой

щен, он выскочил, сделал прыжок, остановился и, не обращая внимания на присутствие человека, снова полез в ловушку с медом. Соболь, найдя зимой дупло с пчелами, посещает его до тех пор, пока не уничтожит все содержимое. Запах меда от лап «первооткрывателя», остающийся на снегу, сигнализирует о поживе соседям, а те таким образом разносят приятную весть по всей округе: через 5—7 дней в этом месте собирается некоторое количество зверьков, кормящихся медом. Найдя такое место, охотник в короткий срок может иметь весомый успех. На мед соболь ловится и там, где нет диких пчел.

При подкормке соболей в Баргузинском заповеднике зверьки подходили к привадам нерегулярно, как бы набегом, но, когда было выложено варенье, посещения их стали более частыми и в течение дня повторялись. Однако были особи, совершенно не посещавшие привад. Соболи в ловушках-кормушках охотно ели гречневую кашу, подслащенную сахаром.

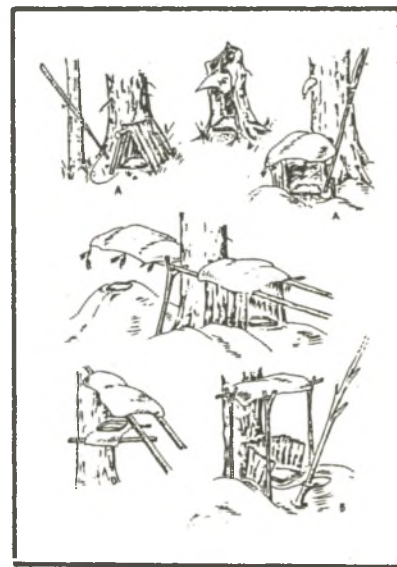
Любой незнакомый запах вызывает у соболя любопытство и может быть использован в качестве приманки. Известны даже случаи, когда соболь ловился на тряпицу, смоченную керосином. Имеются сообщения об успешном приманивании соболя ванилином (это синтетическое вещество, используемое в пищевой промышленности и парфюме-

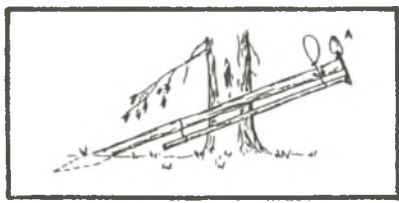
рии, хорошо растворяется в воде и спирте). При подкормке соболей в Баргузинском заповеднике хлеб, обрызганный валерьяной, зверьки поедали лучше, чем простой хлеб. Однако приманки, основанные на любопытстве зверька, нельзя назвать надежными.

Для эффективного приваживания соболя важно предварительно правильно выбрать место. Соболь заселяет различные таежные уголки: и горные, и равнинные, с различным характером насаждений; места его излюбленного обитания разнообразны. В зимний период они отличимы по скоплению следов. Их заранее можно приметить, делая затески на деревьях. Летом следы обнаруживаются по скоплению экскрементов на тропах, валежинах, пеньках и других возвышающихся предметах. На Северном Урале прикорм для соболя обычно кладут по кромкам темнохвойного леса, перед открытым местом — болотом, речкой, луговой; в Восточной Сибири — в вершинах ключей, на месте слияния двух рек или на мысах; в Приморье — по берегам рек и ключей. Есть смысл вести прикормку соболя на таких участках, где добыча его с собакой затруднена каменистыми россыпями, ветровалом, труднопроходимыми зарослями.

На привады, выложенные охотником, соболь ходит не всегда. В годы, когда бывает много ягоды, кедрового ореха и полевок, зверьки отказываются от приманок. Особенно неохотно они посещают прикорм в год изобилия рябины. Значительное скопление соболей у привад случается при расселении молодняка. Однако оседлые особи, особенно самки, охотнее идут на приваду во второй половине зимы. Опыты прикормки соболя показали, что зверьков легче удерживать у привады, если она состоит из разнообразных кормов,

Искусственные укрытия для приманки с ловушками (по А. С. Баталову, 1987): А и Б — применение оцепы и сходного устройства

Петля-самолов на соболя: А — приманка

среди которых не только мясо и рыба, но и кедровый орех, и ягоды. При добывании соболя на крышу прикормочного амбарчика кладут дополнительные куски мяса, и слетевшиеся сойки, кукушки, синицы и поползны своей возней и криками рекламируют приваду. Рекламируют приваду и сами зверьки. Испачкан лапы в жире и мясе, они сообщают запахом следов о своей находке собратьям. Если у тушки кабарги сразу не отловить умертвившего ее соболя, то через 4—7 дней к этой приваде начинают ходить несколько зверьков. Опытные охотники устанавливают капканы лишь после того, как кабарга будет съедена на две трети. Иногда возле одной кабарги удается поймать до семи соболей.

При отстреле лося не всегда удается своевременно вывезти мясо из тайги. К замороженной туше, прикрытой сверху шкурой, быстро приваживаются соболи и живут здесь, пока мясо не увезут. Их не устрашает огородное пугало, не обращают они внимания и на стреляные гильзы, которыми охотники пытаются отогнать незваных гостей. Обычно соболю устраивают временное убежище на расстоянии 100—200 м от туши и прокладывает к ней целые тропы. Вблизи туши на тропах или под самой шкурой охотник ставит капканы и за короткий промежуток времени ловит возле одного лося по 6—8 соболей. Туши коровы, лося или изюбра вместе с внутренностями обеспечивают прикормку-приманку соболей в течение всего промыслового сезона в 5—6 амбарчиках, которые обслуживает один охотник. За полтора осенних месяца соболи съели и растаскали приваду из двух центнеров рыбы. В труднодоступных районах подвозка привады затруднена, поэтому иногда заводят старую лошадь или корову в тайгу к месту промысла и там забивают ее, используя мясо на прикорм. Приваду, не съеденную зимой, убирать не нужно. Пусть лежит и весной — это начало приваживания зверей на следующий промысловый сезон. На Сахалине зверьки мало реагировали на привады в первый год, но после нескольких лет регулярной подкормки они ели практически все, даже тушки собратьев. Охотники добывали соболей в три с лишним раза больше, чем охотники, не применявшие подкормку. На Камчатке к каждой приваде из 20—30 кг рыбы ходили до восьми зверьков.

Практика показывает, что можно приучить соболя к поеданию привады в закрытом сооружении, называемом охотниками «срубом», «сайбой», «ам-

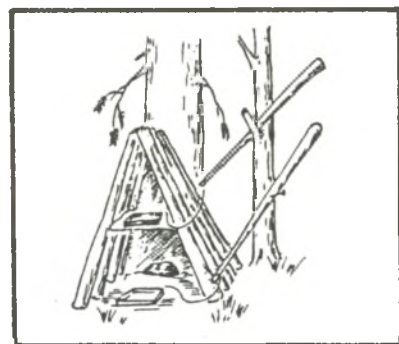
барчиком» или «кормушкой-ловушкой». У одного амбарчика скапливается иногда до 30 соболей. Прикормившийся зверек регулярно посещает «столовую»: некоторые особи ходят ежедневно, другие — с перерывом в один-два, а то и четыре дня; постоянно питающиеся соболи протаптывают тропы. Иногда зверьки устраивают свои убежища в нескольких метрах от амбарчика. Радиус действия прикормки равен примерно 5 км, поэтому можно устанавливать эти сооружения на расстоянии 10 км одно от другого. Некоторые охотники предпочитают меньшие интервалы: от 500 до 700 м. Ловить прикормленных соболей лучше в два-три приема за сезон, по мере накапливания новых особей. При ловле следует оставлять одного-двух зверьков, которые будут привлекать к приваде новичков. Не следует ставить капканы в самом амбарчике или слишком близко от него, чтобы пойманный зверек не отпугивал других. Лучше помещать их на подходных тропах в 300—500 м от амбарчика.

Успех охотника зависит не только от эффективности приманки, но и от того, как он ее использует, где ее располагает. Иногда подвешивают приманку над капканом. Лучше ее привязать на тоненькую ветку, не жестко, на коротком (5—10 см) поводке, чтобы она покачивалась на ветру. Птицу выгоднее подвешивать за ноги: при этом будут лучше шевелиться крылья и перо при дуновении ветра. Часть тушки вешают разрубом вниз. Если зверь осторожен, подходит, но не решается взять подвешенную приманку, на снегу под ней бросают кусочки корма и, когда опасливый посетитель привыкает брать их, ставят капкан. Можно маскировать под приманкой не одну, а несколько ловушек. В год, когда на Северном Урале соболю не шел ни на какую приманку, один из охотников все-таки ухитрился поймать 23 зверька. Он ставил под каждую подвешенную наживку по пять капканов: соболю только потянется понюхать — тут и попал.

«Магия круглой дырки» — так называют американские трапперы неизбывное стремление зверьков обследовать различные норки и укрытия. Отверстие в снегу, в земле, в дереве — уже приманка на соболя. Зверька ловят у естественных и искусственных нор и дупел. Размеры норы должны соответствовать величине тела соболя: глубина — отверстия — 30—40 см, а диаметр 15—20 см. Искусственные норки, «пещерки», «печурки» делают в различных возвышенностях: в снежных шапках пеньков, в имеющихся или нагребаемых бугорках и в других подобных местах. «Шатры», «шалашики» и «балаганы» — так называют охотники различные сооружения для укрытия приманки и капкана — по устройству и назначению аналогичны «пещеркам» и «печуркам» в снегу и отличаются лишь «архитектурой» и строительными материалами. Среди последних: колышки, кора, остатки сгнивших пеньков, ветки хвойных деревьев и т. д. Внешний

вид разнообразен: крыши бывают горизонтальными, односкатными, двускатными, стенки — вертикальными с наклоном внутрь или наружу. При добывании соболя высота укрытия равна примерно 35—40 см, ширина — 15—20, длина — 40—60 см, расстояние между колышками 2—3 см. Их удобно делать рядом со стволами крупных хвойных деревьев с раскидистой кроной, под которой бывает мало снега. Притыкая шалашик к стволу, пеньку, валежине, камню, мы экономим время и строительные материалы. Замечено, что в сырую, дождливую погоду соболю охотно заходит в них, даже когда нет наживки.

Строить лучше, пока земля еще не замерзла и колышки забиваются легко. Капкан обычно ставят у входа дугами наружу. Приманку помещают за капканом на колышке или на перекладине в 20—25 см от капкана, подвешивают на проволоке в 30 см над капка-

«Двухэтажный» шалаш с приманками и ловушками на соболя, справа оцепы

ном или за ним. Если соболю осторожничает и не идет внутрь укрытия, увеличивают ширину входа или изменяют конструкцию: колья забивают не вертикально, а с наклоном, чтобы верхняя часть укрытия была шире, чем нижняя.

Практика соболиного промысла показывает, что за период между двумя проверками капканов мышевидные и птицы поедают приманку: в шалаше почти в 50 % случаев, а в дупле и на жердочке — примерно в 30 %.

Соболю смелее идет в незнакомое укрытие, если в конце его виднеется выход. Поэтому применяют различные тоннели, по обоим концам которых ставят капканы, а посередине кладут одну или несколько приманок. Тоннелем может служить обломок или обрезок древесного ствола с трухлявой, выкрошенной сердцевинкой, берестяные чехлы сгнивших берез, пустота в подмытом водой берегу ручья, прикрытая свисающей дерновиной и т. д. Бугорок также может служить приманкой. Если нет естественного бугорка, делают искусственный. Нередко соболю залезает на бугорок и маркирует его своим пометом, даже если нет никакой приманки. Бугорок с капканом иногда сооружают возле укрытия, где находятся самолы и наживка: не решившись войти в укрытие, соболю

заскакивает на бугорок. Естественный или искусственный бугорок стараются сделать более приметным, для чего втыкают в него крыло птицы, колышек или другой предмет. Следует иметь в виду, что всякий темный предмет на белом фоне и всякий белый предмет на черном фоне привлекают зверька. Приманкой служит не только бугорок, но и всякое возвышение. Например, соболя ловят с использованием пары наклоненных жердей, на приподнятый конец одной из них помещают петлю и приманку. Применяют и другие варианты использования приманки на возвышении. Замечено: чем толще жердь, тем смелее на нее идет соболь. Зверек имеет склонность запрыгивать на жердь с земли как можно выше к ее вершине. Чтобы от толчка жердь не перевесилась на гвозде в другую сторону, на ее конец у земли кладут какой-нибудь груз: валежину или что-то подобное.

Большинство приманок резко снижает свой запах через 3—4 дня, особенно в морозную погоду. Пахучая приманка с запахом разложения сохраняет значительную пахучесть неделю, а в теплую погоду — и дольше. На промысле соболя охотники проверяют капканы и приманки не позднее чем через 7—10 дней, а если много мышей, то через 5—6 дней. Наживка должна иметь запах и «товарный вид». Если пищевая приманка напитала в себя различные запахи при транспортировке в мешке с капканами или другими вещами, если она заветрилась, покрылась пленкой, потеряла «аппетитность», то поймать на нее соболя трудно. Плохо берет этот зверек и приманки, погрызенные мышами, испачканные птицами. Чтобы приманка не утратила свежести, ее приносят в целом виде и расчлениают около мест установки капканов. Бывает, соболь не боится капкана, утаскивает попавшуюся в него белку или птицу, а приманку не берет. Значит, она недостаточно привлекательна, ее надо обновить: добавить свежий кусок или раздробить другим путем — срезать подсохшую поверхность, опалить или обжарить.

Прикрепив кусок рябчика или другой приманки к настожке самолова и приведя в готовность ловушку, многие охотники после этого загибают кусок бересты и опаливают слегка наживку. В результате устраняется запах рук, усиливается запах приманки и удлиняется срок ее действия. Предварительное опаливание менее эффективно, поскольку к моменту настораживания самолова запах слабеет. По этим же соображениям прибегают к обмазыванию приложенной к своему месту приманки пахучим жиром, одеколоном или другими привлекающими жидкостями; к осыпанию порошком, излучающим соблазнительные ароматы. Порошок стараются брать не руками, а ложкой. Скорлупу протухшего яйца, положенного на приманку, пробивают в последний момент.

При испытании различных мясных

приманок на соболя наибольший успех имели те, у которых сохранился кожный покров и шерсть (однако, поедая пищу, соболь обычно оставляет шкурку и голову). По возможности перья и мех на приманке должны быть не помятными, иметь натуральный вид. Более того, перья и мех должны быть сухими: нередко зверьки бракуют мокрые приманки. Такая избирательность понятна: здоровый грызун имеет гладкий, лоснящийся мех. Мокрое, неопрятное опушение — признак истощения и болезней, а упитанная и здоровая жертва вкуснее и полезнее. Одна из причин сооружения охотниками над приманкой укрытия — сохранить у нее естественный вид.

Вес кормовой приманки на соболя примерно 100—200 г. Крупного рябчика делят на 3—4 части, но, если нет трудностей с добыванием этой птицы, размер приманки увеличивают: рябчика расчлениют на две части, а то и целиком кладут. Тетерева разрубают на 5—7, глухаря — на 10 частей. Расчленяя большую приманку на части, охотники предпочитают разрывать ее, если это возможно, а не разрубать. В первом случае увеличивается испаряющаяся поверхность наживки, и происходит усиление запаха, интенсивнее выделяется кровь. Кроме того, разорванная приманка выглядит естественнее разрубленной. Обычно внутренности имеют более сильный запах, чем мускульное мясо, поэтому, разделяя тушку птицы или грызуна, стараются, чтобы в каждом куске оставалась доля внутренностей. Выкладывая свежую тушу на приваду, многие охотники вспарывают брюшину и выпускают кишки.

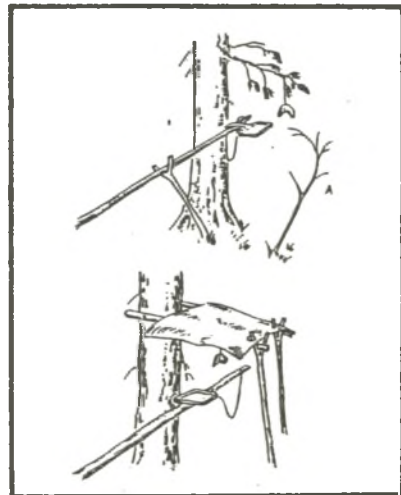
Используя на приманку кедровок, соек, кушек и других птиц целиком, лучше придавать им позу живой, готовой взлететь птицы. Это побуждает соболя к решительным действиям. В годы, когда соболь плохо идет на приманку, некоторые охотники сочетают по три, четыре и более наживок. Например, голову глухаря, лапу зайца, кусок рыбы, сушеную ящерицу и т. д. Расчет на то, что, погнущавшись одной приманкой, зверек соблазнится второй, не понаравится вторая — не устоит перед третьей и щедро оплатит своей шкуркой дополнительный труд охотника за «шведский стол». Разнообразие достигают и другими путями: сочетая кормовую приманку с пахучей или две-три разных пахучих приманки.

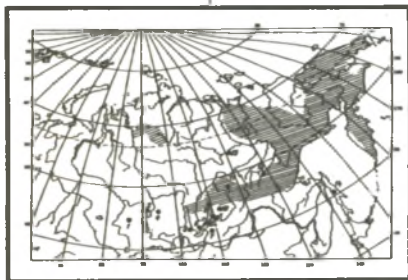
В годы высокой численности грызунов пахучими приманками следует намазывать не куски корма, а куски коры, древесные лишайники и другие несъедобные предметы. При «мышинной напасте» охотники купали капканы в теплом нерпичьем жире и немного капали его на снег сверху, соболь попадался, а грызуны полностью съесть эту приманку не могли. Спасает от грызунов подвешивание приманок над землей, обертывание их металлической сеткой, помещение их в консервные банки с продырявленными стенками и

сжатым до узкой щели верхом. Запах приманки выходит через отверстия, сама же банка не пугает. Спасая приманку от птиц, охотник натягивал на кусок пахучего бобрового мяса шкурку рябчика, благодаря чему приманка приобретала двойную привлекательность и ее не клевали птицы. В Красноярском крае один из охотников закладывал мясной фарш в берестяную трубочку диаметром 5 и длиной 20 см. С одного конца она оставалась не заполненной на 6 см, чтобы птицы не могли клевать мясо. Такие трубочки с наживкой охотник с помощью проволоки устанавливал вертикально возле капканов, помещаемых на жердочках. И поймал таким способом более полсотни соболей. В годы, когда соболь плохо идет на приманку, ее не надо подвешивать или каким-либо другим способом предохранять от посягательства мышевидных грызунов, а, наоборот, класть на землю, чтобы нажились мелкие зверьки. В результате приманка становится не только пищевкусовой и запаховой, но и звуковой, живой — возня и писк мышей слышны издалека.

На приманки обычно попадает больше самцов, чем самок, молодые звери чаще, чем старые. Наилучших показателей в промысле соболя достигают порой на путях перекочевок этих животных. «Ходовой» зверек смело идет в капкан за приманкой. В полномлуние чаще происходят подвиги соболей и ранее пустовавшие капканы срабатывают. В капканы с кормовой приманкой, поставленные на южных склонах, соболи лучше ловятся, чем в капканы на северных склонах. Одна из причин тому: на южных склонах теплее, и мясные приманки сильнее пахнут. При охоте соболя бывалые охотники расставляют ловушки не в местах жировок, а на их окраинах, там, где зверек только что приходил на место кормежки, с расчетом на то, что голодный зверек менее разборчив в приманках.

Варианты расположения ловушки и приманок при ловле на тропе из жерди (по А. С. Баталову, 1987): А — присада для птиц

чительной мере сходен с таковым, установленным по костным остаткам на Мальтинской стоянке человека. То есть наши далекие предки, выжившие на протяжении многих тысячелетий в условиях сурового сибирского климата благодаря обилию охотничьих животных, не уступали в знании повадок зверей таким отменным хищникам, как гиены.

По берегам Красноярского водохранилища на искусственном пляже, обра-

менным заповедным территориям Африки. На противоположном правом берегу Енисея, в пещере Маячная, спелеологи, при участии палеозоолога Н. В. Мартыновича, обнаружили несколько костей конечностей снежного барана наряду с зубами носорога и красного волка, пролежавшими в подземелье не менее 15–20 тыс. лет. В более поздние времена в пещеру забредали рыси, разбивавшиеся при падении в полной темноте с 20-метро-

СУДЬБА СНЕЖНОГО БАРАНА

Н. ОВODOB,
кандидат биологических наук,
Лаборатория археологии
и палеогеографии Средней Сибири
при СИАЭТ СО РАН

В зоологии существует немало примеров быстрого сокращения ареалов животных под воздействием природных и антропогенных факторов. Наиболее яркие и достоверные палеонтологические находки свидетельствуют, к примеру, об обитании в прошлом на территории Украины и Крыма песца и северного оленя. Сайгаки в то же время жили на юге Сибири и в Якутии. Обширный ареал был когда-то и у речного бобра.

Снежный баран в наше время обитает на Чукотке, Камчатке и на значительной части территории Якутии к востоку от реки Лены. Отдельный очаг известен на плато Путоран в междуречье Енисея и Хатанги, вблизи 70° северной широты. Единого ареала, как такового, не существует. По наблюдениям зоологов и охотников, малочисленные группы баранов находят благоприятные убежища на хребтах с выходами скал в верховьях рек, в местах малонаселенных и труднодоступных для человека. Микропопуляции сильно разобщены, что в дальнейшем может послужить основной причиной полного исчезновения этого замечательного вида отечественной териофауны.

В 1937 г. впервые на территории Сибири, в результате раскопок палеолитической стоянки Мальта близ Иркутска, был обнаружен ископаемый череп снежного барана за пределами современного ареала. Древние охотники, поселившиеся здесь около 20 тысячелетий назад, добывали не только снежных баранов. Они умели успешно охотиться на мамонтов, шерстистых носорогов, лошадей, северного и благородного оленей, бизонов. Реже жертвами их становились пещерный лев и бурый медведь. Грот Двуглазка в Хакасии, в котором преимущественно обитали пещерные гиены и лишь изредка — древний человек, также оказался местом захоронения обломка черепа толсторога, возраст которого около 30–40 тысяч лет. Видовой набор млекопитающих, погибших от зубов гиен, в зна-

зованном агрессивным действием воды, подмывавшей высокие террасы, особенно на левобережье Енисея, образовались залежи ископаемых костей и каменных орудий. Настоящее эльдорадо для палеонтологов и археологов. Среди тысяч костей бизонов, лошадей, оленей, носорогов, архаров и других млекопитающих удалось обнаружить несколько частей скелета снежного барана. Растительоядные звери, привлекаемые водопоем и обильным кормом в долине Енисея, гибли здесь не только от хищников и загонных охот древних копеечников на протяжении 100–150 тысяч лет, но и по естественным причинам. Картина животного царства здесь, видимо, не уступала ярким сценам, свойственным совре-

вого отвеса. Всего в пещере найдены останки 40 лесных кошек.

Довольно неожиданной находкой стали кости снежного барана в пещере Останцовая на горе Вайда в центральной части Сахалина. Изучив материалы раскопок археолога С. В. Горбунова, палеонтолог Э. В. Алексеева обнаружила 60 костей толсторога, принадлежавших 8 животным. Наряду с ними в слоях пещерного грунта оказались захороненными фрагменты скелетов северного оленя, лошади, песца, бурого медведя, кабана и изюбря. Все это, по предположению исследователей, — «кухонные отбросы» древних обитателей Сахалина.

Наиболее ранние останки снежного барана были выявлены в Западном За-

байкалье, в долине реки Хилок. Обследовав прорезанный оврагами примыкающий к руслу реки террасоподобный уступ, археолог М. В. Константинов в 1977 г. наткнулся на скопления костей крупных млекопитающих, погребенных в плотно сцементированной щебнистой толще на глубине 6 м от поверхности грунта. Здесь были останки крупных, вымерших около 100 тысяч лет назад, лошадей, кости предка овцебыка, пещерного льва, винторогой антилопы и несколько фрагментов скелета снежного барана.

Помимо этого, установлен еще ряд местонахождений ископаемых костей чубука по северному побережью Байкала, включая остров Ольхон. Немалый интерес вызывает находка черепа снежного барана на бечевнике реки Виллой у села Намцы ниже города Верхневилуйска. Этот пункт можно назвать вехой между современными популяциями чубука в Приленском очаге на территории Якутии и западным изолированным очагом на плато Путоран в Средней Сибири. Все известные точки находок останков снежного барана, как внутри современного ареала, так и за пределами нынешнего его обитания от Кузбасса на западе до острова Сахалин, показаны на схематичной карте.

Всего палеонтологами обнаружено за 50-летний период 15 местонахождений останков снежного барана; большинство из них, как видим, расположены главным образом по югу Сибири, где он конкурировал с более крупным и многочисленным бараном — архаром. Особо надо отметить, что среди найденных ископаемых образцов нет таких костей, которые были бы моложе (в геологическом смысле) 10—15 тыс. лет. То есть снежные бараны, обитавшие в Кузбассе, Хакасии, в долине среднего течения Енисея, в Забайкалье и на Сахалине, исчезли из состава населения млекопитающих этих регионов около 15 тыс. лет назад.

Прежде чем представить возможные причины этого явления в истории фауны Сибири, надо попытаться определить — не в морфологических ли особенностях скелета заключена причина вымирания южных популяций чубука? Благодаря изучению ископаемых костных остатков и сравнению их со скелетными элементами современных баранов, удалось выявить интересные особенности вымерших популяций снежного барана.

Во-первых, древние снежные бараны были крупнее (несколько выше в холке), чем современные. В частности, пястные ископаемые кости длиннее таковых у современных баранов в среднем на 10 %. Во-вторых, известно, что чем короче ноги, особенно их нижние отделы (отношение длины пясти к сумме длины локтевой и плечевой костей; аналогично — плюсы к сумме длины бедра и голени), тем меньше способности у зверя к быстрому бегу. Яркий пример тому — различие в строении

конечностей сибирского горного козла и архара. Первый за счет укороченности ног, точнее, их дистальных (нижних) отделов, великолепно преодолевает крутые скальные склоны, но зато существенно уступает рослым архарам в скорости бега на равнине и по отлогим склонам. Снежный баран по указанным признакам находится между горным козлом и архаром. Измерение и вычисление пропорций костей показало, что обитавший в условиях равнинно-холмистого рельефа на юге Сибири снежный баран был более приспособлен к преодолению крутых склонов, чем его современный северо-восточ-

вых, жесткая конкуренция с численно превосходившим архаром за места обитания там, где ареалы этих двух, сходных по экологии, видов накладывались друг на друга; во-вторых, существовал естественный пресс на баранов со стороны четвероногих хищников, чей ареал к северу от Восточных Саян не простирался: красный волк, пещерная гиена, снежный барс, которым добыть толсторога было проще, чем архара. Помимо этих трех видов, в опустошении южных плейстоценовых популяций чубука, вероятно, играли существенную роль и широко распространенные севернее серый волк, пе-

ный родич, тем самым, как бы приближаясь по своим силовым способностям к горному козлу. Почему мудрая Природа, подготовив естественным отбором и опробовав на протяжении многих тысячелетий великолепную «модель» южносибирского снежного барана, оставила его как бы на заклание, не переместив свое «изобретение» на северо-восток Азии? Вопрос этот пока остается без ответа.

Каковы же причины вымирания снежного барана на юге Сибири? На этот счет существует «вегетарианская» гипотеза, объясняющая этот факт изменением климата и вслед за тем — растительности, пригодной для полноценного питания этих копытных. На мой взгляд, существовали иные, более весомые обстоятельства, не позволившие выжить чубукам-южанам: во-пер-

вый, жесткая конкуренция с численно превосходившим архаром за места обитания там, где ареалы этих двух, сходных по экологии, видов накладывались друг на друга; во-вторых, существовал естественный пресс на баранов со стороны четвероногих хищников, чей ареал к северу от Восточных Саян не простирался: красный волк, пещерная гиена, снежный барс, которым добыть толсторога было проще, чем архара. Помимо этих трех видов, в опустошении южных плейстоценовых популяций чубука, вероятно, играли существенную роль и широко распространенные севернее серый волк, пе-

щерный лев и росомаха. Сколько-то дополнительное значение в истреблении популяций снежного барана могла иметь и охотничья деятельность палеолитических племен бассейна среднего течения Енисея и Прибайкалья. Местонахождения ископаемых останков снежного барана: Кузбасс, Куртак, грот Двуглазка, пещера Маячная, Мальта, пещера Куртун-1, Узурская пещера, Усть-Обор, 8) долина Баргузина, Северо-Байкальск, оз. Баунт, окр. Бодайбо, Дюктайская пещера, Виллой, пещера Останцовая. Заштрихованная площадь на карте-схеме соответствует современному (?-Н. О.) ареалу чубука (по В. Г. Гептнеру и др., 1961).

Фото А. Дигилевича

ПРАВО ОХОТЫ

Проблемы установления, предоставления, удостоверения

Определение понятия «охота». «Правила производства охоты, ее сроки и способы», изданные Наркомземом России в 1922 г., впервые в нормативных актах давали следующее определение этому термину: «Охотой признается добывание диких зверей и птиц не запрещенными настоящими правилами способами и орудиями в законные сроки и вообще с соблюдением всех законных постановлений» (ст. 3).

Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1930 г., устанавливало, что «добывание диких зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы, признается охотой» (п. 13).

Ныне действующее Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР, утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548, устанавливает, что «охотой признается выслеживание с целью добычи, преследование и сама добыча диких зверей и птиц» (п. 10).

Юридический институт, именуемый «право охоты», или «право на охоту», или «право производства охоты», — это совокупность правовых норм (предписаний), вводящих критерии (параметры) наделения, устанавливающих по-

рядок предоставления и удостоверения (подтверждения) легальной (правоммерной, законной) возможности добычи зверей и птиц, являющихся объектами охоты.

Многие принципы регулирования, критерии этого института взяты из до-революционного законодательства. Правила об охоте от 3 февраля 1892 г., имевшие, по современной иерархии правовых актов, статус закона (т. е. обладающие высшей юридической силой), устанавливали (орфография сохранена):

«3. Никому не дозволяется охотиться безъ именнаго охотничьяго свидетельства, выданнаго подлежащей властью.

5. Охотничьи свидетельства, установленной Министерством Внутренних Дель формы, выдаются уездными исправниками и уездными (окружными) начальниками, как по письменнымъ, так и по словеснымъ заявлениямъ.

Примечаніе. Лицамъ, не достигшимъ семнадцатилетняго возраста, охотничьи свидетельства выдаются не иначе, как по просьбе ихъ родителей, опекуновъ или попечителей.

6. Охотничьи свидетельства не выдаются: а) состоящим под надзоромъ

Юридический всебуч

Н. КРАЕВ,
биолог-охотовед,
ведущий научный сотрудник,
зав. отделом «Хозяйство и Право»
ВНИИОЗ, кандидат юридических наук

полиции и б) осужденнымъ за нарушение настоящихъ правилъ, а равно за повреждение и похищение чужаго леса, до исполнения состоявшихся надъ ними судебныхъ приговоровъ.

7. Охотничье свидетельство действительно в том году, на который оно выдано, во всехъ местностяхъ, подчиненныхъ действию настоящихъ правилъ.

8. При выдаче охотничьихъ свидетельствъ взимается по три рубля за каждое свидетельство. При подаче заявлений и выдаче охотничьихъ свидетельствъ не взимается никакихъ другихъ сборовъ (не исключая гербоваго).

Примечаніе. Означенный въ сей статье сборъ обращается в специальныя средства Министерства Внутреннихъ Дель, для образования капитала на усиленіе средствъ надзора за исполненіемъ правилъ об охоте.

9. Бесплатныя охотничьи свидетельства выдаются: а) чинамъ леснаго ведомства и казенной лесной стражи, а также лесничимъ и леснымъ и охотничьимъ сторожамъ частныхъ владельцевъ и охотничьихъ обществъ, утвержденнымъ в сихъ званіяхъ установленнымъ порядкомъ, и б) охотничьей прислуге, по заявлениямъ хозяевъ прислуги.

Фото А. Дигилевича

Примечание. Охотничьей прислужкой признаются доезжачие, псары, егеря и борзятники.

11. Каждый охотник, во время производимой им охоты, должен иметь при себе выданное ему именное охотничье свидетельство, для предъявления его по требованию лиц, наблюдающих за исполнением правил об охоте» (Собрание узаконений и распоряжений Правительства, 1892 г., № 19, ст. 217).

Правовые нормы, устанавливающие те или иные параметры этого института, за советский период претерпевали значительные, а порой и кардинальные изменения:

«охота» — понятие единое, неделимое, затем — спортивная, любительская, промысловая (причем, по крайней мере, в нормативных правовых актах союзного и российского законодательства нет отграничения их друг от друга, как и определения понятий; С. П. Матвейчук (2000) считает, что определения отсутствуют по той простой причине, что определить их невозможно);

возрастной ценз на право охоты с огнестрельным оружием — 18, затем 14, 16, впоследствии 14 или 18 лет в зависимости от категории охотников, в настоящее время 16 или 18 лет;

право охоты предоставлялось бесплатно — за плату (размер платы и ее мотивация менялись весьма существенно);

получение права охоты связывалось с обязательностью членства в обществах охотников, отмена, снова введение, затем опять отмена обязательности вступления в члены общества;

без сдачи каких-либо экзаменов, затем обязательность сдачи испытаний по охотминимуму, в настоящее время — сдача испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием;

без кандидатского срока, с годичным кандидатским стажем, отмена кандидатства;

взаимосвязь и взаимозависимость приобретения, хранения и ношения охотничьего оружия от наличия права охоты (не только ружья, но даже и «мелкашки» одно время приобретались по охотбилетам), отделение права охоты от права приобретения, хранения, ношения охотничьего оружия и т. д.

Трансформация (а иногда и сложно объяснимые шараханья из одной крайности в другую) каждого из указанных выше параметров может быть подробно рассмотрена в историческом ракурсе за столетний и более период. Однако материалы такового экскурса приводим только по ключевым моментам. По большинству составных частей юридического института «права на охоту» рассмотрены лишь действующие правовые нормы и те, что предшествовали им. Это необходимо, по нашему мнению, для правильного восприятия законодательства субъектов РФ и формулирования предложений по изменению федеральных и региональных актов.

В юридическом институте «ПРАВО ОХОТЫ» можно выделить несколько блоков:

— право на любительскую и спортивную охоту с огнестрельным оружием (для российских граждан и лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации);

— право на промысловую охоту вообще и с применением огнестрельного оружия в частности;

— право на безоружийную охоту (без применения огнестрельного оружия);

— удостоверение (подтверждение) права охоты;

— технология получения документов на право охоты.

Право любительской и спортивной охоты.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 5 января 1982 г. № 3 «Об изменении и признании утратившими силу решений Правительства СССР в связи с принятием Закона СССР «Об охране и использовании животного мира» и Закона СССР «Об охране атмосферного воздуха» (далее постановление Правительства СССР № 3), правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием, другими разрешенными орудиями охоты, а также с охотничьими собаками и ловчими птицами пользуются все граждане СССР, являющиеся членами обществ охотников и рыболовов, сдавшие испытания по охотничьему минимуму и уплатившие госпошлину в установленном размере (пункт 2). Аналогичная правовая норма содержалась в российском Положении об охоте и охотничьем хозяйстве, с добавлением возрастного ценза (с 18 лет), и в Типовых правилах охоты в РСФСР, утвержденных приказом Главохоты РСФСР от 4 мая 1988 г. № 1 (пункт 6).

Таким образом, для получения права на любительскую и спортивную охоту необходимо было:

- достичь 18-летнего возраста;
- вступить в члены какого-либо общества охотников и рыболовов;
- сдать испытания по минимуму охотничьих знаний;
- уплатить государственную пошлину.

С 1 января 1991 г. был введен в действие (в том числе и на территории Российской Федерации) Закон СССР «Об общественных объединениях», согласно которому «участие или неучастие гражданина в деятельности общественного объединения не может служить основанием для ограничения его прав и свобод» (статья 4). Правовая норма, связывающая (обуславливающая) получение права охоты с обязательностью членства в обществах охотников и рыболовов, предусмотренная постановлением Правительства СССР № 3, стала находиться в противоречии с указанным законом. Поэтому постановлением Правительства РФ от 23 июня 1993 г. № 594 «О частичном изменении Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» это противоречие было устранено: «Правом охоты с

охотничьим огнестрельным оружием пользуются все граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста, сдавшие испытания по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием и уплатившие государственную пошлину в установленном размере. Граждане, населяющие районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, пользуются правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием с 14-летнего возраста» (пункт 14 Положения в новой редакции).

Право на промысловую охоту. Согласно постановлению Правительства СССР № 3, условия и порядок предоставления этого права должны регулироваться Советами Министров союзных республик. В Российской Федерации этот порядок был установлен Положением об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР. «В районах промысловой охоты охотники, заключившие договоры с заготовительными организациями на сдачу охотничьей продукции, а также штатные охотники промыслово-охотничьих хозяйств и охотники, выделенные на промысел колхозами, получающие право на охоту независимо от вступления в члены общества охотников, уплатив государственную пошлину. Охота для этой категории охотников разрешается с гладкоствольным охотничьим оружием с 14-летнего возраста. Перечень районов промысловой охоты устанавливается Главохотой РСФСР...» (пункт 14). Удостоверением на право промысловой охоты служит охотничий билет с отметками о сдаче испытаний по охотничьему минимуму и об оплате госпошлины (пункт 15).

Таким образом, условия предоставления права на промысловую охоту включали следующие действия:

- заключение договора с заготовительной организацией на сдачу охотничьей продукции или принятие на работу штатным охотником или направление на промысел;
- сдача испытаний по минимуму охотничьих знаний;
- достижение 14-летнего возраста;
- уплата государственной пошлины.

Постановление Правительства РФ 1993 г., изменившее пункт 14 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР (см. текст выше), внесло много новшеств. Во-первых, исчезло деление охоты на спортивную, любительскую, промысловую. Во-вторых, вместо «районов промысловой охоты» введено другое — «районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности». Юридически и территориально это разные территории. Перечень районов промысловой охоты был утвержден Главохотой РСФСР в 1965 г. Он включал, к примеру, территории всех промысловых хозяйств, а также перечисленные административные районы 26 АССР, краев и областей, в числе которых, например, 16 районов Кировской области. Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к

районам Крайнего Севера, был утвержден постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 (с изменениями и дополнениями он действует до сих пор). Ни один из районов Кировской области в этом списке не значится.

По законодательству понятия «районы промысловой охоты» и «районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности» различаются не только по назначению, но зачастую и по местонахождению. Перечень районов промысловой охоты, в соответствии с пунктом 14 прежней редакции Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР, применялся в совокупности с другими правовыми установлениями, для предоставления права охоты с 14-летнего возраста. Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей два. Один из них используется для предоставления трудовых льгот работникам, а другой, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1992 г. № 267 с последующими изменениями, предназначен для регулирования поставки и завоза грузов в эти районы. В Кировской области, например, было 16 районов, отнесенных к районам промысловой охоты, и ни один из них не числится в перечне районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Территории госпромпromхозов, коопзверопромхозов повсеместно относились к районам промысловой охоты, теперь же часть из них лишилась возможности привлекать к охотничьему промыслу молодежь в возрасте от 14 до 18 лет.

В-третьих, произведена замена сдачи испытаний по «охотминимуму» на «испытания по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием», что также, по нашему мнению, не является прогрессивным (об этом ниже).

Право на безружейную охоту. Ранее действовавшее Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР предоставляло охотникам из числа коренного населения, принадлежащего к народностям Севера, право безружейной охоты независимо от возраста (капканами, силками и другими самодельными, с ловчими птицами, с охотничьими собаками и т. п. эта категория охотников могла добывать разрешенные объекты охоты с любого, а с использованием огнестрельного оружия — лишь с 14-летнего возраста). Внесенные в 1993 г. изменения в Положение об охоте отменили такую норму, но, на наш взгляд, не само право безружейной охоты.

Действующее федеральное законодательство ограничивает определенными возрастными рамками лишь право охоты с применением огнестрельного оружия. В отношении права на безружейную охоту никаких возрастных ограничений в федеральных актах нет. Стало быть, теперь все граждане, а не только народности Севера, как это

было раньше, могут получить право безружейной охоты независимо от возраста (сдав испытания и уплатив, в некоторых случаях, госпошлину). Другими словами, получить право охоты на медведя с рогатиной можно с любого возраста, а с огнестрельным оружием — только с 16 или 18 лет! Предписания, вводимые решениями некоторых субъектов РФ, касающиеся регламентации возрастного ценза на право безружейной охоты, незаконны. Так, постановлением губернатора Сахалинской области от 30 января 1998 г. № 42 установлено, что «граждане, населяющие районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, пользуются правом безружейной охоты по достижении ими 14-летнего возраста. Этой категории охотников выдается охотничий билет или членский охотничий билет с отметкой «без права ружейной охоты». Во-первых, не ясно, зачем потребовалось в формулировку вводить районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним, так как вся Сахалинская область входит в их число. Во-вторых, установление возрастного ценза на право безружейной охоты — это ограничение прав граждан. Согласно пункту 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены лишь федеральным (то есть российским) законом (а не актами субъектов РФ) и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Поскольку федеральных законов, ограничивающих возрастную ценз на право безружейной охоты, нет, то это предписание, как и другие, приводимые ниже, в этой части незаконны и подлежат отмене как нарушающие права граждан.

Фото В. Животченко

Формулировка права на охоту, содержащаяся в Правилах охоты на территории Ханты-Мансийского автономного округа, утвержденных постановлением Думы Ханты-Мансийского автономного округа от 4 февраля 1997 г. № 53, также не только неудачна, но и незаконна: «Правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием, другими разрешенными орудиями охоты, а также с охотничьими собаками и ловчими птицами пользуются все граждане, достигшие 18 лет, имеющие охотничий билет установленного образца и сдавшие испытания по охотничьему минимуму. Лица из числа населения, проживающие постоянно в охотничьих угодьях, образ жизни которых основан на традиционных промыслах, пользуются правом охоты с охотничьим гладкоствольным оружием с 16-летнего возраста, а правом безружейной охоты без ограничения возраста». Таким образом, возрастная ценз на право безружейной охоты (самодельными, охотничьими собаками, ловчими птицами) установлен для большинства граждан с 18 лет и лишь для незначительной — без возрастных ограничений. Согласно этой норме правил не все граждане, образ жизни которых основан на традиционных промыслах, а только лица, «постоянно проживающие в охотничьих угодьях», пользуются правом безружейной охоты вне зависимости от возраста. Иначе говоря, если место жительства у гражданина зарегистрировано в населенном пункте (в обывденном значении — прописан), а не в охотугодьях (по тем же правилам охотугодья — это земельные и лесные площади, а также водные объекты, служащие местом обитания диких зверей и птиц; территории населенных пунктов из состава охотугодий исключены), то права таким гражданам на безружейную охоту не положены.

Продолжение следует

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

В. ЧЕХЛЕНКОВ

За многолетнюю охотничью практику много было разных случаев. Иногда заунывная череда дней растягивалась на недели, иногда события спрессовывались в небольшой временной отрезок, как случилось на этот раз.

Товарищ высадил меня у села Обудово, сказав, что подъедет в половине пятого. Энтузиазма в его голосе я не услышал, как не было его и в моем настроении. В последние недели три удачу как обрезало. В капканы не спешили попадаться куницы, грозила пропажей лицензии на кабана, хотя бригада была весьма боеспособной. Но разовые выходы по выходным уходили больше на розыски кабанов. До стрельбы дело не доходило. Поэтому остатки отпуска были как нельзя кстати. Да и лайку хотелось порадовать охотой.

По лыжне двинулся вдоль вала, заросшего старыми елями и соснами, на восход солнца. На слабый взлaid не обратил особого внимания. Но вот снова лай, но какой-то неуверенный. Что бы это могло быть? По белке и кунице лайка работает азартно, весело, по кабану пореже и погорзнее. А здесь не лай, а какое-то раздумье. Продвинулся вперед, увидел, что собачка всматривается в еловую крону.

Ну, если белка или куница там, в такой громаде лапника ничего не увидишь, пока не стронешь колотом. Не таясь, направился к дереву. И вдруг с шумом с ели сорвался здоровенный глухарь. Пролетев метров сто пятьдесят, он уселся почти на верхушке такой же большущей елки. Собака устремилась за ним и снова начала пляску под деревом. Маскируясь за елочками и стволами, начал осторожно подходить к глухарю. Подшуметь было бы непросто. Такие подарки скупая охотничья судьба преподносит не часто. Подошел метров на семьдесят и увидел, что больше маскироваться не за что — оставалось открытое место. Надо стрелять. После выстрела глухарь громко захлопал по веткам. В полной уверенности, что он сейчас шлепнется на землю, пошел к дереву. Но он выровнялся, вымахал на простор и, раскрыв крылья, как планер, с небольшим снижением исчез за деревьями. Собака бросилась за ним. «Никуда ты не денешься, найдем мы тебя», — нисколько не сомневался я. Промаяхнуться я не мог, только вот жаль, что не наповал.

Попутно проверяя капканы, двигаюсь в нужном направлении. Впереди раздался лай. «Вот ты где, голубчик! Далеко утanut». Только что-то лай опять не такой. Может, это так доносится между деревьями? Нет, лай как будто перемещается. Интересно... Вдруг метрах в двухстах быстро замелькало что-то черное, все ближе, ближе. Чу-

деса! Что же это? Пока не разобрать. И вот в фонтане снежной пыли на поляну вылетела лайка, а следом за ней громадный кабан.

Собака сделала полукруг, остановилась и, не спуская глаз с кабана, разразилась зловонным лаем. Бог мой! Мы столько бьем ноги, а тут кабан сам свалился в рюкзаки. Успеть бы перезарядить. Осторожно раскрыв ружье, вынул патроны, но кабан, стоя перед лайкой с наклоненной головой, как будто слегка шевельнул головой в мою сторону. Теперь бы только закрыть ружье. А потом сразу в село, к телефону, чтобы ребята приехали на помощь. А ружье-то как скрипит! Закрою рукавицей. Так, так... Щелк! Мгновенно развернувшись на месте, кабан ринулся в чащу. Кобель за ним, и вскоре лай затих вдаль. Что же за невезуха? Ведь вот же, на мушке был. Поманила удача и обманула. Надо бы хоть одну пулю в стволе держать. Да кто предполагал, что так выйдет. Ведь за глухарем шел.

Посмотрим, откуда взялся кабан? Вот она борозда в снегу. А следы и большие, и маленькие. Да тут целое стадо прошло!

Поднялся из низинки в направлении дуплистых осин. Здесь всегда встречаются куницы следы. Да вот и они. Совсем свежие, утренние. Потропим... Запах-то уже выветрился, может, след к гнезду или дуплу подведет, а там уж она наша! Скачет кунья уверенно, по прямой, будто твердую цель имеет. Здесь остановилась, потопталась, прыгнула еще несколько раз и перешла на шаг. Опять остановилась, вроде даже прилегла в снег. Наблюдает, что ли, за кем в мелком ельнике? Снова осторожные шаги и вдруг длинные прыжки вперед. Метрах в двадцати в том направлении снег как-то резко взбит. А в середине этой взъерошенной полосы четкие следы глухариных лап, а по бокам отпечатки крыльев. Глухарь отчаянно пытался разбежаться и взлететь. Отпечатки лапок куницы обрываются, и на месте следующего приземления округлая вмятина в снегу, частые следы от крыльев и пух. Но снова появились трезубцы глухариных лап, полосы от крыльев и прыжки куницы. Последний прыжок, а дальше вдавленный глухариной грудью снег, несколько следов лап, пытающихся бежать, пух и кровь. А вот и сам красавец-петух, лежащий ногами кверху. На груди перья частично выщипаны и вырвано несколько кусочков мяса. Видно, не утерпела хищница, чтобы сразу не поест. Очевидно, это тот самый глухарь. Но ведь как далеко улетел. Хотя здесь все время под уклон. Заметила куница его неуверенный полет, услышала место посадки и вышла прямо на «скачущего» на земле глухаря. Спасибо тебе, маленькая разбой-

ница, помогла. Разглядывать его некогда, буду щипать, посмотрю, куда и как попал. А пока надо поискать помощницу. Спит где-либо сейчас, переваривает. А петушок пусть полежит. Пойду к машине, заберу.

Куний след петлял между деревьями, кончался у елей, так что приходилось делать круг, обнаруживать скидку и новую цепочку следов. При потере следа внимательно высматриваю в кронах гайно или дупло. Обнаружив то или другое, принимаюсь колотить по стволам, наблюдая за собакой, но пристально разглядывая деревья. Собака ни разу не залаяла. Обмануться она не могла. Сколько раз после ударов по стволу, на бегу, словно пораженный током кобель резко останавливался, изумленно глядя в одну ему известную точку, и заливался азартным лаем. Сейчас все было напрасно. Пора бы ей уже остановиться, ведь сыта. А может быть, она и не ела? Что-то следов вокруг глухаря не натоптано. Может, ястреб подоспел к этому действию, пришлось кунице бросить добычу, а на груди мясо вырвано пернатым хищником? Не стала бы куница так беспорядочно куски вырывать. Но все равно куница далеко от глухаря не уйдет, ночью придет подкрепиться. Надо еще потропить.

Азарт прогоняет усталость, время остановилось. А кстати, солнце-то уже садится, туман какой-то ползет со Скомороховской низины. Хватит, пора бежать к машине. Вот заберу петуха. Следом назад долго петлять, надо срывать напрямую. Вроде бы сюда. Да что там, сто раз здесь проходил, сейчас разберемся.

Что-то долгогонько уже иду до глухаря. А это что еще за следы? Так ведь это же мои. Вот я к дереву подходил. Только почему они по ходу движения? Ведь если к петуху, то следы должны быть навстречу.

А туман-то одурел. Интересно, небо чистое, а деревья до половины как в дыму. К морозу... Где здесь запад, мне ведь туда надо. Машина уже, наверное, пришла. Олешник пошел, черемуха. Опушка, что ли? Просвет какой-то — надо посмотреть, сориентироваться. Просека какая-то заросшая. Так ведь это Разносекская дорога! Это же в противоположной стороне. А петух мой лежит вон там, а домой надо по этой дороге до самого Обудова. Отсюда всего пять километров. Надо же, на пятачке крутанулся! Ладно, глухаря завтра заберу и кунью отыщу.

Обругавший меня сначала товарищ далее с интересом выслушал мои заключения. На второй день, чтобы не испытывать судьбу, я сразу направился к глухарю. Но на этом месте нашел только разбросанные перья и вытопанную лисами площадку.

На выставке, проходившей в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, была представлена коллекция анималистической скульптуры из фондов музея и частных собраний. Эта коллекция формировалась в музее на протяжении семидесяти лет и ранее практически не выставлялась. Значительная часть экспонатов представлена из собрания Т. и А. Шилиных.

До начала XIX века воспроизведения животных в скульптуре не претендовали на роль самостоятельных художественных образов, трактовались условно и обобщенно — начиная с эпохи Возрождения их часто использовали в монументально-декоративной пластике и в художественной отделке предметов быта. В начале XIX века ситуация изменилась, что, очевидно, связано с успехами естествознания.

Впервые термин «анимализм» был употреблен в 1831 году, когда трое скульпторов — Антуан Луи Барн, Кристоф Фраген и Александр Жуйоне — выставили в парижском Художественном салоне свои работы. Один из критиков иронично назвал скульпторов «анималистами» (от латинского *animal* — животное), не подозревая, что дал название целому скульптурному жанру.

Основу экспозиции составляют произведения французской школы. Именно во Франции анималистический жанр пережил блистательный расцвет. Непревзойденным мастером изображения животных был французский скульптор Антуан Луи Барн, основатель анималистического жанра в скульптуре. Если для работ Барна характерен романтизм с некоторым налетом драматизма, то для другого крупного французского анималиста, Пьера Жюль Мена, характерен иной подход. Будучи скульптором реалистического склада, П. Ж. Мен в своих работах стремился правдиво воспроизвести облик животного, запечатлеть его в обыденной и привычной обстановке.

В середине XIX века начинают складываться немецкая, английская, итальянская и русская школы. Отдельную группу произведений составляют работы мастеров русской анималистической школы. Ее основателем считается скульптор Петр Карлович Клодт — именно в его творчестве изображение животных вылилось в русской скульптуре в самостоятельный жанр. Клодту, преподававшему в Академии художеств, удалось воспитать плеяду учеников. Самые известные из них — Иосиф Иванович Юшков и Николай Иванович Либери́х. Излюбленными моделями Н. И. Либери́ха были персонажи охотничьих сцен. За три работы со сценами охоты он был удостоен в 1864 году звания академика. Либери́х — учитель одного из самых известных русских скульпторов-анималистов Евгения Александровича Лансере. Скульптуры Лансере пользовались популярностью, экспонировались на Всемирных выставках в Лондоне, Вене, Париже.

Бальток Шарль. Львица

Мен Пьер Жюль. Кобыла, играющая с жеребенком

Кен Огрет Никола. Две гончих

**АЖУРААУСМУЧЕСКАА
СЖУАБЖМУРА Х1Х -
ЖАЧААА ХХ ВЕКА**

Муанье Жюль. Английский сеттер с фазаном

Мен Пьер Жюль. Играющие лошади

Лансере Е. А. Киргиз с беркутом. 1876

Муанье Жюль. «Охота запрещена»

ЗАЯЧЬЯ ХРАБРОСТЬ

Н. СОКОЛОВ

Если бы сейчас у меня, имеющего полувековой охотничий стаж, спросили, какой из живущих у нас на Смоленщине зверей самый смелый, я, не задумываясь, ответил бы — заяц. Знаю, что такое заявление вызовет улыбку у читателя, некоторые примут это за юмор и подумают: «Заливает, как и положено охотнику». А кто-то скажет: «Решил переплюнуть самого Остапа Вишню».

Ничего подобного! Говорю об этом на полном серьезе. К нашему счастью, природа не наделила этого зверька ни волчьими клыками, ни медвежьими когтями, весом хотя бы в сотню килограмм. А будь все наоборот — он представлял бы при наличии такой храбрости самого опасного для охотника зверя. «Вот дает!» — опять улыбнется читатель, если, конечно, он не охотник с приличным стажем.

В середине семидесятых годов охотились мы с сыном в Городищенском лесу, что в десяти километрах от нашего села. Наш осенистый русский гончий Боец побудил зайца, и гон скоро сошел со слуха. Мы, после долгого ожидания, договорились продвигаться, разойдясь метров на сто друг от друга, в том направлении, куда зверек увел собаку.

Был тихий прохладный день второй половины ноября. Ни мороза, ни снега не было, чернотроп был влажным и мягким. Предзимье. Лучшее время для охоты с гончими.

Изредка пересвистываясь, мы медленно подавались на запад, часто останавливались, надеясь услышать гон. Неожиданно я заметил слева в низине, под кустами, притаившегося зайца. До него было не больше двадцати метров. Я выстрелил, думая, что гонный заяц где-то обманул собаку и запал. Но когда я поднял за задние лапы крупного беляка, понял, поглядев на сильно прижатую лежку, — не гонный.

— Готов? — издали спросил сын.

— Дошел! — крикнул я.

— Гонный?

— Нет, бил на лежке. Иди ко мне!

Я вышел с зайцем в руке на более высокое место к красовавшимся на нем молодым березам и, стоя на усыпанной золотом поляне, ждал Игоря.

Каждому охотнику свойственно желание разделить с кем-то радость удачного выстрела... и в одиночку пережить промах. Противоположные эмоции вызывают противоположные желания. Не будь этого — охота теряла бы свою красоту и смысл... Не дойдя до меня метров сорок, Игорь поднял ружье и прицелился в те же густые кусты ивняка, но чуть левее, откуда я только что вылез.

— Кончай шутить! — только успел крикнуть я, как грохнул выстрел, сын полез в низинку и поднял второго совсем белого зайца, который лежал, как после мы просчитали, в двенадцати шагах от добытого мною.

— Вот это нахал! — закричал я. — Ни мой выстрел, ни наша во весь голос перекличка не подействовали на него. Вот это храбрость! Вот это выдержка!

Наверное, ни у медведя, ни у тигра нервы не выдержали бы, не говоря уж о прочей мелочи.

— Вот эта-то «прочая мелочь» у нас в руках и смотри какая оказалась отчаянная!

Третьего зайца мы скоро добыли из-под гона и уехали в полдень домой.

В следующие годы тоже по чернотропу, в пору предзимья мы по праздничным и выходным дням охотились в очень обширном лесу за рекой Ворей. В то время там было много лисич, зайцев, кабанов, оленей, куниц. Задерживались рыси и волки. В один из пасмурных дней ноября два наших выжлеца с раннего утра ушли за лисцей. Во второй половине дня пробовали трубить, но все напрасно. В три часа пополудни пошли по направлению к дому. За собаку не беспокоились, они хорошо знали местность и часто уже в темноте догоняли нас по следам. Почти на выходе из леса я наткнулся на упавшую среднего возраста осину, которая теперь представляла из себя общественную столовую: все нижние сучки были белыми, верхняя часть ствола обглодана лосями, верхние сучья, до которых не дотянуться зайцам, — оленями. На земле, вокруг осины, полно заячьих «орешков» и уже потемневших и совершенно свежих. Я позвал Игоря, чтобы показать это место и поохотиться в узерку. Возвращаться «попами» из такого богатого дичью леса нам еще не

приходилось. Стоя у погрызов, я смотрел на Игоря, который шел на мой зов. И вдруг — что такое? Он оттянул назад ногу, будто боясь наступить на змею, от упавшей березы, через которую хотел перепрыгнуть, и стал медленно отступать. Отойдя шагов на пятнадцать, вскинул ружье, выстрелил и, вновь подойдя к той же березе, вытащил из-под нее матерого беляка. Оказывается, когда он поднял ногу, чтобы поставить ее на упавшую березу и перепрыгнуть, заметил под деревом и почти под ногой зайца. Заяц лежал к нему головой, плотно прижав уши. Что это? Парализация воли от страха? Как бы не так! Он заранее видел человека, слышал мой крик — и плевать хотел на все это. Отсутствие страха, расчет, что дерево его защитит, — вот чем можно объяснить такое поведение зверька. Не подходит к данному случаю предположение, что зайцы за лето настолько наслушаются криков грибников и ягодников, что перестают на них реагировать, так как этот лес из-за большой удаленности от хороших дорог, от сел и деревень мало кто посещает. Разве что сборщики орехов по осени, но они далеко друг от друга не отходят, и им нет нужды тревожить лес криками.

Как-то пропала на охоте в Городищенском лесу моя русская гончая Тайна, первоосенница, подававшая большие надежды: мы с сыном уже стреляли зайцев из-под нее. Ночь я спал тревожно, а утром с попутными машинами выехал в тот же лес, захватив лайку Гая, ровесника Тайны. Я решил пройти сначала по северной части леса, а затем возвращаться к дороге по южной.

Идя по лесу, часто кричал: «Тайна! Тайна! Вот-вот-вот-вот!! Гон! Гон!» Гай носился вокруг меня и ничего не понимал: вроде хозяин наманивает на дичь, и в то же время он чутьем ничего не

прихватывает. Расстроенный потерей Тайны, я как-то в то время не задумывался, что таким поведением порчу молодую лайку, приучаю к короткому поиску. Побродив с криками по лесу больше двух часов, я решил отдохнуть и уселся на ствол давно упавшей осины. Сажу, наблюдаю, как убыстренным наметом заносился между елок Гай. Вот он остановился около одной, посмотрел вверх и начал лаять. Я долго вглядывался в густую крону дерева, но ничего не смог заметить.

В моей жизни это была первая (и последняя) лайка, и я дивился тому, как в такой густой кроне еловых лапок можно обнаружить крошечную белку? Сейчас ни бинокля, ни топорика, чтоб вырубить колот, у меня с собой не было, но мне ужасно хотелось, чтобы Гай как можно больше лалял. Тайна его голос хорошо знает и, может быть, подвалит откуда-то. В стороне от той елки, на которой затаилась белка или куница, лежала усохшая еще не очень старая ель. Ни одно дерево так надолго не зависает на сучках, как елка, образуя почти по всей длине просвет между стволом и землею. Чтобы не портить живого деревца, я решил вырезать охотничьим ножом грубую лапку из усохших еловых сучьев и только сделал несколько шагов в том направлении, как остановился и замер: под стволом дерева заметил зайца, беленького, как факел, на фоне черной тропы. Что делать? С одной стороны, хочется вернуться домой с добычей, с другой — совсем плохо притравливать лайку к зверю не из ее репертуара. Стоя с готовым к выстрелу ружьем, в который раз дивился смелости зверька. Он отлично видел и меня, и собаку, слышал мои крики, сейчас слышит лай собаки в каких-то тридцати метрах от него и не думает сниматься с лежки...

Перед вечером я вместе с Гаем и добытым зайцем забрался в кабину того же грузовика, с которым утром приехал до леса. Шофер, разговаривая со мной, как-то странно, загадочно улыбался и только у самого села сообщил, что мою Тайну он поймал на дороге, и она уже дома, в вольере. Это был очень радостный день в моей жизни!

В 1983 году я ушел на заслуженный отдых. В тот год по осени я много охотился. Помню 6 ноября в 12 часов дня я вышел на дорогу и вместе с молодым гончим Валдаем забрался в кабину попутно идущей грузовик машины. Доехав до деревни Новое, пошел в лес. Валдай весело пошел в полз. День был теплым и сухим, и Валдай никак не мог побудить зайца. Приблизительно через час я услышал знакомые звуки охотничьего рога и ту же мелодию проиграл в ответ. Через полчаса сын подошел ко мне с двумя молодыми шестимесячными однопометниками Вожаком и Вьюгой. Собаки то играли, то явно что-то прихватывали и тогда азартно вертели хвостами и начинали носиться вокруг деревьев.

— Где-то здесь затаился косой, наверхня видит и нас и собак, а подниматься не хочет, — сказал Игорь.

Три молодых нарядно одетых русских пегих гончих крутились на пятачке в каких-то полторы сотни метров, по неопытности обследовали одни и те же завалы, куртинки молоденьких елочек, но поднять не могли. И мы их не винили: по сухой тропе после листопада даже опытные гончие во второй половине дня часто пасуют.

— Давай будем им помогать, — предложил я, и мы, чуть разойдясь, стали кругами обследовать пространство, где искали собаки. Минут через двадцать я остановился в пяти шагах от зайца, лежащего в развилке двух толстых вышедших наружу корней крупной елки. Подавшись задом в развилку, заяц прижался к елке и слился по цвету с ее корнями, так как был еще совсем серо-рыжий, и выдали его мне белые очки вокруг глаз.

Еще когда мы стояли и наблюдали за поиском собак, я видел, что рядом с этой елкой проскакивали то одна, то другая. Раньше мне неоднократно приходилось наблюдать, как заяц, притаившись в двух-трех метрах от себя, пропускал собак. А однажды по мертвой пороше наши собаки гоняли в Спасском болоте беляка. То в высоких тростниках, то в густых кустах мы никак не могли его перехватить. Охотились мы там редко, лазы плохо знали.

Когда собаки стали крутить в северной стороне обширного болота, мы пошли туда по следам гона. В одном месте сын толкнул меня локтем и, показав вперед, шепнул:

— Вон горностаи.

— Какой горностаи? Это же голова зайца с черными кончиками ушей.

В три прыжка заяц скрылся за кустами. Удивительно не то, что нас напустил на десять шагов, а то, что с громкими голосами в трех метрах от него проскакал по следу два могучих гончака, а он и ухом не повел, будто понимая, что гон не по его следу...

Сейчас же, глядя на лежащего в развилке корней зайца, я раздумывал, как поступить. Я медленно отступил назад шагов на десять и кричу сыну:

— Игорь, я у лежащего передо мной зайца. Что делать?

— Смеешься?

— Нет, серьезно.

— Светового времени остается какой-то час, и с нашими молодыми собачками мы его не добудем. Стреляй! Я выстрелил. Раздали собакам пазанки и в сумерках вернулись домой.

Последние примеры из охоты на русаков. Мой гончий Байкал в начале декабря около часа гонял русака. Пороша была мелкая, и заяц не торопился занять дорогу, где легче сбить собаку со следа. Я занимал верный лаз и решил никуда не дергаться, пока не отстреляю зверька. Вот гон откатился в болото с торфяными карьерами, и голос гонца то проваливался, исчезал, то

возникал, едва-едва докатываясь до меня. Я стоял на канаве у дороги, где прежде часто приходилось стрелять русаков.

Мимо проезжала по зимнему первопутку на санях знакомая женщина из соседней деревни. Она сидела на далеко не полном возу сена, а за санями тянулась, зажатая за край, крупная охапка сена. Мы поздоровались кивками головы. Я хотел крикнуть, что она потеряет частичку сена, но передумал, так как задержка могла помешать охоте. И сколько я видел, пока воз не скрылся на повороте за кустами, тянувшаяся за санями охапка не собиралась отрываться. И тут я услышал, что гон приближается, заяц должен вот-вот показаться. Самые волнующие душу охотника минуты. Уже вижу вдаль Байкала и ничего не могу понять. Неужели заяц в тальниковых кустах и так близко напускает собаку? Ни справа, ни слева он не пересекал дорогу, да и не мог он удержаться от соблазна пробежать по дороге, особенно по свежему санному следу. Может быть, прошел впереди лошади, когда воз мне был виден? Байкал вылетел на дорогу и замолчал. Вижу, носится по дороге, проверяя то одну, то другую сторону, — и ни звука. Я решил ему помочь, но, пройдя метров двести в сторону деревни, не увидел скидки. При мне был бинокль, и я решил посмотреть, не бежит ли заяц впереди воза с сеном. Впереди не было, но, к моему великому удивлению, заяц, сжавшись в комок, сидел на охалке сена, которая по-прежнему волочилась за санями. Не думаю, что женщина не понула лошадь, не шлепала кнутом по ее крупу. Но русак отлично понимал, что это не имеет к нему никакого отношения, и смело ехал («зайцем», без билета), можно считать, на санях. Ищи, собачка, ветра в поле! «Чего-то в этой картине не хватает?» Я вдруг четко представил чего: представил себе — заяц привстал, почувствовав, что за ним наблюдают, приставил одну лапку с до предела ра-

А ПРАВИЛЬНЫ ЛИ ПРАВИЛА ?

стопыренными пальцами к носу, вторую лапку — к первой и сделал широко известный жест, помахав на прощание пальчиками... Тогда еще не была в ходу затертая до дыр фраза: «Ну, заяц, погоди!» — и я перебрал имеющиеся у меня в памяти поощрительные определения, пока не исчерпал весь запас, восхищаясь его смелостью и сообразительностью. Тем временем воз подъезжал к деревне. На пруду, у крайнего дома деревни, гонялись друг за дружкой дворняжки, а школьники — был выходной день — играли в хоккей. Вот заяц привстал, прислушался и огромным прыжком скинулся с охапки сена и зачистил опять в Ивакинское Болото. Мне ничего не стоило наставить на скидку Байкала, но я проникся таким уважением к смелому и умному зверьку, что решил оставить его в покое и пошел в сторону соснового бора, где Байкал быстро натек на лисий нарыск, и совсем уже в сумерках я отстрелял лисицу...

По осени один хорошо знакомый мне охотник пас сельское стадо по дошедшей до него очереди. Бежал по уже изрядно выбитому полю за отбившейся от стада коровой, кричал на нее со всеми выразительными оттенками русского языка, щелкал длинной плетью и чуть не задавил зайца, который в полметре пропустил корову, слышал почти над головой гулкие хлопки плети и выскочил из-под усохших почерневших листьев лопуха, когда нога охотника оказалась в нескольких сантиметрах от него. Заяц не походил на больного, он покатиł во весь дух и трижды присаживался столбиком и осматривался, преследует его кто или нет, пока не скрылся в совхозном саду.

Этот же охотник рассказал, как в предыдущем году, в конце декабря, шел он на лыжах домой с неудачной охоты на лисиц. Был сильный мороз, и ветер гнал вдоль поля поземку. Шел он попутным ветром. Вдруг впереди метрах в пятнадцати из-под снега вынырнула голова зайца-русака, наверное, никогда близко не видевшего человека во всем белом от пяток до макушки. Охотник вскинул ружье и выстрелил. Так как головка нырнула в снег, он подумал, что убил зайца, и раскрыл ружье, чтобы вытащить металлическую гильзу, но ее в патроннике раздуло, и она никак не подавалась.

В это время заяц, пробив снег головой в метре от того места, где выглянул первый раз, стремглав покатиł в сторону. А ружье не закрывается. Так и утек зайчишка. Оказывается, вторых стрелок взял прицел на сантиметр выше, как определил по ямке в снегу от еще не разлетевшейся дробы. Вот вам и трус как заяц! Не верьте такому определению!

Из всех обитающих у нас на Смоленщине зверей есть еще зверь, который не боится человека, это — рысь. Но встретиться с рысью — редкая удача. Зверь этот малочислен и скрытен.

Рисунки Б. Игнатьева

В. ДУДКИН,
эксперт-кинолог II категории

Фото А. Дигилевича

Сознательно используя в заглавии данной статьи тавтологию, я этим хочу привлечь внимание не только специалистов, но и рядовых собаководов к проблемам, о которых скажу ниже.

Значение нормативной документации в работе эксперта-кинолога трудно переоценить. С этим согласятся все. От ее качества, своевременности доставки к экспертам-кинологам, постоянного усовершенствования зависит вся кинологическая деятельность с различными породами собак. Документация эта многообразна, но мне бы хотелось поговорить о той, которая

является основной, базисной.

Начну с «Инструкции по методике, технике и организации экспертизы охотничьих собак на выставках и выводках, проводимых на территории СССР», принятой и утвержденной в 1971 году. Название этого документа и год принятия говорят о том, что он морально устарел. Нужна новая «Инструкция», которая отвечала бы требованиям сегодняшнего дня и в основных своих пунктах коренным образом отличалась от ныне существующей.

В чем суть проблемы? Пункт 12 «Инструкции» регламентирует систему оценок качества экстерьера собак. Я

считаю, что данная система несовершенна, и пытаюсь это доказать.

Недавно я перечитывал «Отчет об экспертизе русских гончих выжлецов на 49-й Московской областной выставке охотничьих собак» 1977 года. Ринг возглавлял в то время эксперт республиканской категории Р. И. Шиян. Вот что он писал, подвергая критике п. 12 вышеупомянутой «Инструкции»: «В превращении оценки «удовлетворительно» в «неудовлетворительно» виноваты в первую очередь не они (эксперты), а выставочные правила, где в «Инструкции» прямо записано: «удовлетворительно» присуждается собакам, типичным для породы, но имеющим в своем экстерьере ряд недостатков или более 2-х пороков, делающих ее непригодной для племенного использования», чем собака исключается полностью из породы. В результате этого эксперты сейчас вынуждены внутри породы пользоваться только тремя степенями экстерьерных оценок («отлично», «очень хорошо», «хорошо»), оставив оценку «удовлетворительно» для безнадёжных уродов, вместо когда-то имевшихся в их распоряжении пяти степеней. Замена термина «удовлетворительно» термином «хорошо» в обозначении низшего приемлемого для породы уровня экстерьера и предостережение эксперту только трех породных оценок очень существенно сократили возможности экспертизы по качественной характеристике экстерьерного уровня и существенно обесценили значение высших оценок экстерьера».

Пожоже, что эта мысль не покидала известного специалиста и эксперта Всесоюзной категории все эти годы, не покидает и сейчас, спустя 20 лет. В своей замечательной книге «Русская гончая» (Москва, 1995 г.) он возвращается к этой теме. «Дело в том, что действующие сейчас правила превратили оценку «удовлетворительно» в «неудовлетворительно» и только «хорошо» считается приемлемым для породы, т. е. «удовлетворительно». Поэтому, воляно или неволяно, везде произошли пересмотры воззрений на оценки, и они, практически, передвинулись на степень вверх: удовлетворительным собакам стали давать «хорошо», а хорошим — «очень хорошо», а очень хорошим — «отлично». Только не нашлось следующей степени для «отличников».

А вот последнее заключение автора оспаривает эксперт республиканской категории Ю. В. Полуйко. В «Отчете об экспертизе русских гончих выжлецов на VI Всероссийской выставке охотничьих собак 1987 года», где он являлся председателем экспертной комиссии. Анализируя результаты экспертизы в экстерьерном ринге старшей возрастной группы, он пишет следующее: «После многочасовой кропотливой и нелегкой работы было принято решение объявить оценки: 33 — «отлично», 23 — «очень хорошо», 5 — «хорошо». Самой многочисленной в ринге оказалась группа «отличников», но она была

неоднородной. Ее можно условно разделить на две подгруппы: первая — это «суперотличники» — 11 выжлецов, вторая — «просто отличники» — 22 выжлеца, немного, но заметно уступающие первым». Воляно или неволяно, но оба эксперта, принадлежащие к разным поколениям, говорят об одном и том же: не хватает еще одной породной оценки уровня экстерьера. Это ощущают многие эксперты, работающие с разными породами охотничьих собак. На основании вышеизложенного предлагаю реабилитировать оценку «удовлетворительно». Я не знаю, как случилось (возможно, исторически), что в данной системе оценок «удовлетворительно» стала отрицательной оценкой. Хотя еще со школьной скамьи все мы знаем, что это положительная оценка, невысокая, но положительная. Я совершенно уверен, что собака, имеющая в своем экстерьере 2 порока и ряд недостатков, не должна получать оценку «хорошо» (п. 12(б) существующей «Инструкции»). Что тут хорошего? Оценка экстерьера такой собаки — «удовлетворительно» и не выше.

Если бы была принята система оценки, которую я предлагаю, то эксперту Ю. В. Полуйко не пришлось бы придумывать свою весьма оригинальную шкалу оценок, потому что «суперотличники», «просто отличники» получили бы оценку «очень хорошо» и т. д. А те 5 выжлецов, расцененные на «хорошо», получили бы свои «удочки».

Решение этой проблемы — решение принципиальное. Все остальное, вытекающее из этого, — чисто технические вопросы. Например: в какой племенной класс должна попадать собака с оценкой «удовлетворительно»? Должны ли существовать какие-либо ограничения при племенном использовании? Я считаю, что должны, и прежде всего в подборе пар с точки зрения уровня экстерьера. Как должна измениться балловая оценка экстерьера при бонитировке и т. д.? Все собаки, аттестованные ныне на оценку «удовлетворительно», должны получить свою законную оценку «неудовлетворительно» с соответствующими последствиями.

Еще хотелось бы сказать о п. 12(г) данной «Инструкции». В этом подпункте говорится о том, что собаки, имеющие в своем экстерьере черты, указывающие на нечистопородность, крипторхи и т. д., оставляются «без оценки». Я всегда при этом задавал и задаю себе вопрос: а какую смысловую нагрузку несет в себе данная оценка и чем она отличается от ныне существующей оценки «удовлетворительно». Обе эти оценки ставят крест на племенном использовании собаки. И это самое главное. Так не проще ли обе эти оценки заменить на предлагаемую «неудовлетворительно»? Все намного бы упростилось и облегчило работу эксперта в экстерьерном ринге.

П. 15 «Инструкции» требует особого разговора. Речь в нем идет о прикусе и зубах. К прикусу и зубной формуле в ринге экстерьерной оценки предъявля-

ются особенно жесткие требования. Это знают все эксперты. Мне придется процитировать часть этого пункта, чтобы читатели поняли, о чем идет речь. «Собака, у которых отсутствует один или несколько резцов, или они сломаны, что препятствует определению прикуса (это решается экспертом), оценка дается так же, как при неправильном прикусе, — «удовлетворительно»...

Часто возникают конфликтные ситуации именно из-за сломанных резцов, и больше всего страдают собаки норных пород в силу специфики работы, и, как правило, рабочие собаки.

Исключая таких собак из племенного использования, мы рубим сук, на котором сидим, сужаем генофонд. Ведь механическая потеря зубов (чаще всего резцов) не влияет на наследственные качества собаки, если изначально прикус у нее был правильным.

По этому поводу я хочу сделать следующее предложение. На выставках уровня области, края или республики при прохождении экспертизы в ринге экстерьерной оценки в справку или свидетельство собаки, получившей положительную оценку, должна делаться дополнительная запись: «зубная формула полная, прикус ножницеобразный», или «прикус правильный, в нижней челюсти справа отсутствует один премоляр» и т. д. с подписью эксперта и печатью. В дальнейшем при различных изменениях в зубной формуле (потере одного или нескольких резцов) собака не должна получать отрицательную оценку. Это не решает проблему, но ее упрощает.

Кто-то скажет, что все это мелочи и, как говорится, данная проблема не стоит выеденного яйца. Отнюдь нет. Я убежден за многие годы, что вся работа эксперта-кинолога с той или иной породой строится на мелочах. Желательно, чтобы эти мелочи не мешали, а помогали. Все, что я высказал в этой статье, не является бесспорным. Я это понимаю. И поэтому приглашаю к разговору экспертов-кинологов, специалистов, собаководов. Надеюсь, что этот разговор будет интересным и полезным. Он поможет разобраться в проблемах, а в результате мы получим новую «Инструкцию», которая удовлетворит как экспертов-кинологов, так и собаководов и послужит дальнейшему совершенствованию пород охотничьих собак.

ПК «ТОНАР»

изготавливает и реализует:

капканы охотничьи

№ 0, № 1, № 2, № 3

Ледобуры рыболовные

диам. 100 мм и 130 мм

Тел/факс (3852) 77-46-12,

тел. (3852) 77-29-21

Наш адрес: 656037,

г. Барнаул, пр. Калинина, 57

Вся

жизнь

с гончими

Фото А. Севастьянова

В полз

Б. МАРКОВ

Там, где живописная река Осетр впадает в Оку, на высоком холме стоит село Городна. Это моя Родина.

Однажды глубокой осенью из окна нашего домика я увидел охотника, Егора Калмыкова. За спиной у него покачивались два целых огромных русака. За охотником текли красивые две багряные в цвет золотой осени русские гончие. Хозяин гончих — высокий, кражистый посельчанин — слыл в округе завзятым охотником, и даже встречные крестьяне останавливались любоваться его смывком, а он самодовольно и важно, глядя на собак, восклицал: «Осенистые!»

Гончие заворожили меня. Смывок был очень удачно подобран по росту и по окрасу, словно из одного гнезда. Оказалось, что собаки были однопометками и однокорытниками, так тогда объяснил нам, ребятам, охотник. Гончие были могучие, на крепких ногах с гонами вокороть и красивыми слезащими глазами. В старину говорили: «Хороши глаза на слезе — большие, умные, выразительные и даже чуть свирепые, от чего гончие казались звероватыми. Собаки были сухие, подбористые — поджарые». Тогда мне нравились такие гонцы. Казалось, что лучше поджарых гончих нет.

Судьба моя была решена. На всю жизнь я полюбил этих милых и дорогих мне четвероногих друзей.

В конце сороковых годов летом мы переехали в Подмоскowie, в Черкизово. Тогда я учился в шестом классе. Однако увиденная и заворожившая меня красота гончих покорила, и я все время думал и грезил ими. После войны очень трудно было достать породного щенка. Поэтому гончатники часто ездили за собаками на Конку, так называли Птичий рынок в Москве. В основном здесь продавали непородных собак с пороками и недостатками. В то время на Конке можно было еще увидеть разноглазых арлекинов мраморного окраса и тяжелых польских гончих, брылястых и лопоухих. Лишь позже я узнал, что ценятся сухая голова с ка-

рими глазами на слезе и уши — тонкие, треугольничком, плотно прилегающие, как упавшие осенние листочки.

Мальчишкой я не знал никакого удержу. Задумал — сделал. Я сразу же поехал на Птичий рынок и привез щеночка-выжловочку русской гончей. Назвал ее Найдой. И начались мои мучения и радости с гончими.

К осени Найда выросла почти во взрослую собаку. Была она чепрачного окраса, на тонких ногах, вздернутая. Про нее наши охотники говорили, что она чыбастая.

Осенью мы ходили в лес шумной и дружной компанией. Ружья тогда у меня не было. Мне было лет тринадцать, однако я ходил со взрослыми и слушал их советы. У Найды оказалось слабое чутье, бывало, она упрется мочкой в землю и пыхтит, как паровоз, без толку. Потому голоса по следу зверя она не отдавала — гоняла молчком. По снегу мы с другом приспособились к молчаливому гону моей первой собаки. Вставали на след зайца, на лаз и нажидали косого. Однажды мой друг заповлевал из-под Найды зайца. Но тут вдруг у моей гончей обнаружился еще один порок — подраненного зайца она так ловко и надежно зарыла в снег, что мы целый день его искали. Вскоре я расстался с Найдой и долго не держал гончих, ходил с друзьями послушать голоса. В Черкизове у нас был большой дружный коллектив гончатников. Самым страстным и заядлым охотником был Николай Маристов. Купил он англо-русскую уже осеннюю выжловку очень нарядного красивого окраса. Маристов расхваливал ее, стараясь особо подчеркнуть достоинства. Охотники стояли молча, как вдруг кто-то спросил: «А ну, покажи прикус». Мы все сразу кинулись смотреть зубы и как глянули, так и ахнули, — нижняя челюсть у гончей была короче верхней. Это порок — подуздость. Гончую так и прозвали Подуздой. Что хорошего было в этой гончей, так это сильный, музыкальный и очень доносчивый голос. Но была она очень пешей. Помню, как

помкнут зверя гончие, сразу заберут переда, а как сколятся, так к ногам, а Подуздая нипочем не подвалится, сама тихо доберет, разберет двойки, скидки и непременно добудет упалого зайца.

Маристов непременно желал оставить щенка от Подуздой. Щенка назвали Трубочом. Вырос Трубоч очень крупным выжлецом. Иногда у гончей бывает какой-нибудь недостаток или порок, скажем брылястая грубая голова или ноги вопреки и еще хуже в размере, а тут в Трубоче соединились все пороки. Его не то что в лес взять, его страшно было людям показать. В нем, видимо, текла кровь старинных гончих — арлекинов, потому что Трубоч был мраморный, со светлым совиным глазом. Гон у него на конце баранкой. Словом, «дворняк» из породы арлекинов. Мы его прозвали разноглазым. Бывало, пойдем в нагонку, а наши охотники сразу насмеются, — пустите, пустите разноглазого, он всех зайцев разгонит. С этими недостатками Трубоча можно было бы смириться, если бы он не был сущим пустобрехом, голосил с напуска по жирам, гнал в пяту и еще хуже был скотинником. Ежели не успеешь возле какого-нибудь села подвезать Трубоча — беда. Постоянно платили за задушенных гусей, овец и кур. Конечно, вскоре расстались с Трубочом.

В 1960 г. в Москве я случайно попал на выставку охотничьих собак на ВДНХ. Каких только собак здесь не было: и сеттеры красные, черные с хвостами, как перо, и пойнтеры с курносими милыми мордашками, и лайки с хвостом в колечке, и маленькие таксы с ушами, как лопухи, и, конечно, мои любимые гончие — багряные, чепрачные, чернопегие в румянах и в яблоках и в чепраке. Блеск, парадность ошеломили меня. Народу видимо-невидимо. Здесь же на выставке я познакомился с большим любителем англо-русских гончих, экспертом В. Х. Браушкиным. И надо же так случиться, что мы с ним работали на одном заводе. Наше знаком-

ство переросло в большую охотничью дружбу. Он привел меня в секцию гончих МООиР. Здесь, на проезде Владимирова, в самом центре Москвы я впервые увидел В. И. Казанского, Э. И. Шерешевского, Н. П. Пахомова, Б. Н. Арманда, Э. Е. Клейна, Б. А. Калачева, А. А. Чумакова, А. В. Платонова, М. А. Сергеева, А. П. Мазовера, Т. Н. Кром, Л. В. Ушакову, В. В. Беделю, Н. В. Мамаеву и многих-многих прославленных знатоков русского собаководства. Тогда все они были в зените своей славы и составляли цвет общества.

С тех пор прошло почти полвека. Но я благодарен судьбе и всем гончатникам, кто тогда в шестидесятые годы помог мне стать экспертом. Низкий поклон и добрая память В. И. Казанскому, Э. И. Шерешевскому, И. А. Пятакову, которые взрастили меня как преданного делу собаководства. С тех пор я проводил экспертизу в Москве, Калинин (Твери), Рязани, Воронеже, Архангельске, Вологде, Туле, в Карелии. И никогда не изменял выбранной породе англо-русских гончих.

Приобрел я тогда англо-русскую выжловочку — Скрипку — дочь знаменитого Карая Н. Г. Брикошина. Карай блистал на всех выставках, а на Всесоюзной выставке В. И. Казанский поставил его в ринге первым. Скрипка рано принялась работать и была очень вязкой, нестомчивой и добычливой, где хочешь побудит зверя. Я тогда был молод, полон сил. Уже по первому полю я сразу же выставил Скрипку на полевые. Испытания тогда проходили в Раменском районе. А судьями были знаменитые кинологи: М. А. Сергеев и А. Г. Рыбин — знатоки и заводчики русских гончих. Мы уходили в леса еще затемно, как на праздник, и возвращались радостные, возбужденные, говорили с юмором и шутками о прибылых зайцах, о вязких гонцах.

Полевого диплома Скрипка тогда не получила. В мелколесье она побудила зверя и зарко повела двойным, музыкальным голосом. И надо же так случиться, гон сразу же увалился и сошел со слуха. В отчете судей было записано: «Скрипка черно-пегая выжловочка по первой осени (первопольница), тогда ей было полтора года, течет без поводка за хозяином. Наброшена в 7 ч 10 мин в мелоча с края дороги. Полаз самостоятельный, заемный. В 7 ч 12 мин отдала голос на жирах, потом справилась, верно стекла возбудный след и залилась ярким, двойным, музыкальным голосом. Помкнула. Гон сразу увалился в крупный массив, но в 7 ч 13 мин через дорогу перелез матерый беляк, круто отсел и скинулся в лес. В 7 ч 14 мин Скрипка верно стекла след и ярко погнала. В 7 ч 18 мин гон сошел со слуха! Без диплома». Тогда я узнал, что добор, не оканчивающийся помычкой зайца, для гончей — порок, так же как гон в пяту.

После скрипки у меня была вязкая выжловочка — Забавка, которая хоро-

шо работала и по зайцу, и по лисе. Девять ее полевых дипломов — награда за мой труд. Очень памятен мне ее диплом III степени, 7 октября 1968 г. на Московских областных состязаниях эксперт и судья Всероссийской категории Н. М. Назаров присудил Забавке диплом по зайцу, тогда это было очень и очень престижно и почетно... Потерял я Забавку на охоте в Ярославской области. Зарко побудила она лисицу и навсегда уткнула с ней в необозримые лесные массивы Ярославщины.

После Забавки были еще вязкие гонцы: Волга, Журка-1, Журка-2, которые также имели полевые дипломы.

Если бы можно было начать все сначала. Как было в том далеком много света, тепла, охотничьих радостей, как прекрасно было любимое охотничье полевание. Помню охоту с В. Х. Браушкиным под Кашином. Я стоял на краю леска. Звенел дружный гон смычка — Дуная и Волги. И вот прибылой белячишка вылезает прямо на меня. Гремят выстрелы. Дошел. Ого-го! Я держу беляка. Гончие вывалили, пасти их раскрыты, они треплют зайца, я бросаю им пазанки. А в ушах все еще звенит очаровательная музыка гона такими голосами, что дух захватывало. Особенно отличался Дунай В. Х. Браушкина. Его голос глушил стаю русских гончих А. К. Лидума, когда мы ходили по ве-

черам в нагонку в Поповке. Это был настоящий зарев — редчайший голос. Представьте к тому же чарующий лес золотой осени, добрые друзья, бирюзовое осеннее небо, волнующие запахи увядающей листвы и далекие звуки охотничьего рога звучали волшебной музыкой...

Из прошлого своего большого опыта желаю молодым охотникам:

Брать щенка от проверенных в поле и в вязках производителей, так как даже дипломированные собаки могут давать нерабочее потомство.

Избегать близкого и тесного родственного спаривания и никогда не вязать дважды с одним и тем же выжлом.

Всегда помнить, что нам нужны только вязкие, нестомчивые и, самое главное, чутыистые гончие, поэтому по возможности делать отбор по чутью.

Никогда не завышать оценки экстерьера, а также рабочих качеств, мастерство, и особо голос. Нечестность ведет к ухудшению породы.

Свято беречь лучшие традиции русской охоты наших предков, их обычаи, обряды, законы, в особенности чистоту охотничьего языка, веками созданного нашими охотниками.

Публикацию подготовила
В. П. Маркова

С добычей

107-ая Московская

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Фото В. Животченко

В Москве прошел ежегодный праздник охотников-собаководов, не регламентированный никакими указами! Просто 24 и 25 июня состоялась очередная 107 Московская областная выставка охотничьих собак.

Владельцами собак всегда руководило желание не только показать своих питомцев, но главное — представить племенное поголовье своей любимой породы. Только при массовом показе возможно составить представление о состоянии породы, как экстерьерном, так и племенном. При сравнении большого количества собак можно выявить те или иные недостатки, оттенить достоинства, выявить наиболее удачных и перспективных производителей. Недаром основным девизом служит заявление, что выставка охотничьих собак является племенным мероприятием. Итак, выставка состоялась. Она проведена в зеленой зоне города Королева Московской области. Выставка открылась общим парадом молодых собак, которых показывали в субботу. С привет-

ствием к владельцам выступил председатель МООиРа В. П. Туманов.

На эту выставку собак привезли охотники из 13 областей России, в том числе из С.-Петербурга, Архангельска, Череповца, Саратова, Воронежа, не говоря уже об окрестных областях: Смоленской, Калужской, Тверской, Ярославской, Владимирской... Кроме того демонстрировались собаки из Белоруссии (г. Минск), с Украины. То есть Московская областная выставка по положению совершенно справедливо приравнивается к Всероссийской, а по сути к Международной.

Всего демонстрировалось около тысячи охотничьих собак 33 пород, из которых 27 уже давно разводятся москвичами и регулярно используются на охоте. Первое место из числа экспонировавшихся занимала группа легавых (около 30 % от всего поголовья выставки), причем четыре породы: две континентальных легавых, английский сеттер и ирландский сеттер выставлены примерно в равных количествах (от 52 до 65 собак), замет-

но меньше оказалось пойнтеров и шотландских сеттеров. 27 % занимали норные собаки, из которых преобладали таксы трех пород (16,6 %). К сожалению, опять на летней выставке было показано мало лаек (19 %). Лайки четырех пород в Москве и области наиболее многочисленны из охотничьих собак и раньше занимали почти половину выставки. Сейчас же летний показ лаек перебивается зимней выставкой и демонстрировалось всего 108 западносибирских лаек, 42 — карелофинских и уж, что совсем нехорошо, — всего 28 русско-европейских.

Борзые пяти пород (в основном русские псовые — 50 собак) и три породы гончих составляли всего по 9 % от выставочного поголовья; 6 % — группа ретриверов. Определены самые красивые собаки в рингах (все они награждены призами), чемпионы и кандидаты в чемпионы по комплексу охотничьих, экстерьерных и племенных качеств, — они свои награды получили на заключительном параде.

«БРАТЬЯ МЕРКЕЛЬ»

И. ТАШИРЕВ,
представитель фирмы «Меркель»

СЕГОДНЯ!

Немецкое охотничье оружие такой же символ незыблемости национальных традиций, как Бранденбургские ворота, баварское пиво или яйцо на завтрак. А традиции фирмы «Братья Меркель» восходят к XIX в.

В 1898 г. зульские оружейники Оскар, Гебхард и Карл Меркель, до этого работавшие самостоятельно, объединили свои мастерские под общей вывеской «Братья Меркель». С 1905 г. наряду с двуствольными дробовиками и одноствольными штуцерами на предприятии начался выпуск «вертикалок». Именно бокфлинты и принесли фирме фантастическую популярность. Эти ружья не просто создали славу братьям, фабрике и оружейной Германии, они совершили подлинную революцию в мировом оружейном производстве. Концепция вертикальных «меркелей» была вскоре повторена (разумеется, с некоторыми конструктивными доработками) в Англии Джоном Робертсоном, работавшим в компании «Томас Босс и Ко», который в 1909 г. взял патент на оригинальный бокфлинт без подствольных крюков, а затем — в 1925 г. — в Бельгии Джоном Браунингом. Не случайно именно эти три конструкции вертикальных двустволок («меркель», «босс» и «браунинг») стали в XX столетии базовыми для подражания всеми оружейниками мира.

У русских охотников немецкие ружья популярны были всегда. Но если до революции в России особо почитались горизонталки Зауэра, то в послевоенные годы наибольший успех, без всякого сомнения, выпал на бокфлинты «Братьев Меркель» (Gebroeder Merkel). Выпускались эти ружья в Зуле народным предприятием имени Эрнста Тельмана. После объединения Германии осенью 1990 г. фабрика была приватизирована. 17 января 1994 г. произошло новое структурное изменение: фирма была приватизирована повторно и получила нынешнее название Suhl Jagd- und Sportwaffen GmbH. Собственником немецкого предприятия выступили знаменитая австрийская фирма «Штайер-Маннлихер» (51 % акций) и Гессенский Земельный банк (49 % акций). Это событие стало как бы точкой отсчета в новом направлении фирмы, продолжающей традиции фабрики «Братья Меркель».

Что такое ружья «Меркель»? Это прежде всего традиционная немецкая классика. Ну и, конечно, баланс, изящество и отменный бой. «Братья Меркель» сегодня — это штучное производ-

ство 30 моделей гладкоствольных, нарезных и комбинированных ружей в самом различном исполнении по калибрам, отделке и применяемым материалам. Новая фирма использует все преимущества станочного производства деталей, сохраняя традиционную выверенность ручной сборки и отделки.

Вертикалки серии 300 всегда отличались элитарностью. Это оружие относится не просто к высокой, а к наивысшей категории качества. Самое главное в бокфлинтах «Меркель 303» — тончайшая ручная пригонка частей и механизмов, что обуславливает ружьям фантастическую живучесть — порядка 100—150 тысяч выстрелов. Ну а штуце-

сальным оружием является тройник. Конечно, трехстволка — не идеальное ружье на все случаи жизни, но, имея нарезной ствол, она позволяет добывать зверя и птицу на расстоянии, не достигаемом для дробы и картечи. Стреляя дичь летом и ранней осенью, охотник привыкает к одному ружью и не испытывает дискомфорта, попав зимой на охоту по крупному зверю. Короче, для дельного охотника-практика трехстволка — незаменимая вещь, на приобретение которой денег не жалко. Впрочем, такое оружие очень быстро окупается, а во-вторых, изделия добросовестных фирм служат не одному поколению.

Дриллинг — изобретение немецкое. В 1868 г. мюнхенский оружейник Петер Оберхаммер создал первый курковый тройник. До конца XIX в. это оружие было довольно громоздким и неудобным для ходовой охоты. Но уже к началу 1930-х гг. трехстволки были доведены в Германии почти до полного совершенства. Сейчас немецкие фирмы, используя достижения металлургии и применив в тройниках новейшие марки высокопрочных сталей, еще более увеличили их живучесть, улучшили баланс и снизили вес ружей до 2,8—2,9 кг.

Как и прежде, лучшие в мире дриллинги делают в Зуле. Немцы гордятся тройниками «Меркель» так же, как англичане изделиями Пёрде или Голланда. Но в своих трехстволках фирма «Зуллер Ягд-унд Шпортваффен ГмбХ» не гонится за эксклюзивностью. Доступность продукции — куда важнее. Ну а промышленная технология здесь так поставлена, что серийные ружья почти не уступают изделиям штучников. Одно из таких изделий — тройник «Меркель 96К».

Модель создана на базе трехстволок известной серии 90/95, появившихся на европейском рынке еще в 1988 г. С тех пор тройники этой серии зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Модель «Меркель 96К» — дриллинг классического типа. Запирание стволов — тоже традиционное: рамкой Пёрде на два подствольных крюка и поперечный болт Гринера. Изготавливают тройник с двумя спусковыми крючками. Гладких стволов — два, делают их они под патроны 12/70, 12/76, 16/70 и 20/76. Нарезной ствол изготавливают под широкую гамму патронов, наиболее популярных у зверовых охотников. Длина стволов — 60 см, вес ружья — от 3,5 до 3,0 кг в зависимости от калибра гладких и нарезного ствола.

ра «Меркель 323» и бокбюксфлинты «Меркель 313» не просто отличное оружие для охоты на крупного зверя. Это еще и предмет вожделенной мечты коллекционера, вкладывающего деньги в вещь, которая никогда не выйдет из моды. В фирме «Зуллер Ягд-унд Шпортваффен ГмбХ» все делается для того, чтобы ружья долго служили охотникам, передавались от отца к сыну, а то и к внуку, становясь семейными реликвиями.

Но не только изделиями высшего класса сильны немецкие оружейники. Неизменным успехом у простых охотников пользуются рабочие трехствольные ружья, или дриллинги, как называют их в Германии.

Универсальное ружье — заветная мечта русских охотников. В угодах, богатых и птицей, и мелким зверем, и крупными животными, таким универ-

Функциональная особенность тройника — отдельный взвод «пулевого» замка. Об этом напоминает литера «K» (от начальной буквы слова Kugel — «пуля» в немецком словосочетании Separale Kugelschlossspannung, присутствующая в индексе модели «Меркель 96K». Как работает механизм отдельного взвода?

Начнем с того, что гладкие стволы обслуживают замки системы «Блиц». Их курки взводятся, а плоские боевые пружины нагнетаются при открывании (переламывании) ружья. Одновременно с курками для гладких стволов взводится и курок нижнего нарезного ствола. Однако его боевая спиральная пружина остается ненагнетенной. Чтобы активизировать ударный механизм для пулевого ствола, сдвигают вперед до упора массивный ползун, расположенный на месте традиционной кнопки предохранителя. При этом поднимается щиток прицела, нагнетается боевая пружина, а передний спусковой крючок переключается с шептала правого замка на шептало замка «пулевого».

Ползун выполняет в механизме несколько функций: он не только нагнетает боевую пружину самостоятельно «пулевого» замка, но и блокирует в нужный момент один или оба «дробовых» замка. Этот ползун имеет три фиксированных положения: **заднее** — ударные механизмы для гладких стволов взведены, но находятся на предохранителе, **среднее** — ударные механизмы для гладких стволов сняты с предохранителя, но «пулевой» замок еще не активизирован, и, наконец, **переднее** (описанное выше) — «пулевой» замок и левый ударный механизм активизированы и готовы к выстрелу, правый замок взведен тоже, но находится на предохранителе.

Если стрелять из нарезного ствола не пришлось, ползун перемещают либо в среднее, либо в заднее положение. Таким образом обеспечивается высокая степень безопасности от непреднамеренного выстрела пуль.

Принцип ручного нагнетания пружины ударного механизма для нарезного ствола в комбинированном оружии не нов. Он был запатентован в 1910 г. зульским оружейником Францем Егером и получил после 2-й мировой войны широкое распространение. Но лишь совсем недавно специалисты фирмы «Зуллер Ягд-унд Шпортваффен ГмбХ» воплотили старую идею Ф. Егера в оригинальную конструкцию самого надежного и безопасного механизма из всех существующих в настоящее время. Хотелось бы подчеркнуть, что тройник «Меркель 96K» в стандартном исполнении — один из самых дешевых на мировом рынке.

Тройник «Меркель 96K», купленный вами, послужит и вашим внукам. По соотношению качества, показателей боя, надежности и цены равных ему пока нет.

Сейчас можно только удивляться тому, что применение тройника было ограничено в России.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРЕХСТВОЛЬНЫЕ И ЧЕТЫРЕХСТВОЛЬНЫЕ РУЖЬЯ

Трехствольное ружье МЦ-30

Не очень-то балуют отечественные производители охотничьего оружия наших охотников трехствольными или четырехствольными ружьями, но вот ЦКИБ этот «рубикон» теперь перешел и сейчас можно заказать или купить трехствольное или четырехствольное ружье с откидными стволами.

Горизонтально расположенные гладкие стволы изготавливаются 12 или 20 калибра, а нижний ствол нарезной под патрон 9х53. У четырехстволки имеется еще один нарезной ствол под патрон калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения, который располагается выше гладких стволов под прицельной планкой.

Тройник МЦ-30-12З, стоимостью 35 000 у. е., имеет два гладких ствола 12 калибра и один нарезной ствол под патрон 9х53. Стволы соединяются со ствольной коробкой посредством ствольных крюков, шарнира, цевья, поперечной планки, а запираение осуществляется рамкой, входящей в паз подствольного крюка. Рычаг отпирания ружья расположен сверху. Ударные механизмы с внутренними курками смонтированы на отдельных основаниях (боковые доски). Передний спусковой крючок универсальный, предназначен для производства выстрелов пос-

Четырехствольное ружье МЦ-40

ледовательно из правого и левого стволов. Задний спусковой крючок предназначен для выстрела из нижнего нарезного ствола. Курки выполнены отдельно от бойков, взводятся при открывании стволов. Предохранители запирают спусковые крючки, имеются интерсепторы. Стреляные гильзы выдвигаются экстрактором.

Четырехстволка МЦ-40 имеет такой же ударно-спусковой и запирающий механизмы, как трехстволка МЦ-30. Это самое универсальное ружье отечественного производства. Нижний ствол может быть изготовлен под патрон 7,62х54Р или 9х53. Такое ружье дает возможность его владельцу добывать мелкого пушного зверя и крупную птицу до 100—150 м, используя выстрел из верхнего нарезного ствола. Нижний нарезной ствол позволяет добыть среднего или крупного зверя на расстояниях до 500 м, а гладкие стволы используются для стрельбы по бегущей и летящей, а также неподвижной дичи дробью и картечью, а пульей по крупному зверю на расстояниях до 70 м. Таким образом, владелец четырехстволки может добывать любую дичь, живущую на территории России. Стоимость четырехстволки составляет 50 000 у. е.

Трехстволка МЦ-140 имеет два верхних гладких ствола 12 калибра, нижний нарезной ствол под патрон 9х53. Соединение стволов с коробкой осуществляется посредством ствольных крюков, осей шарнира, цевья, двух рамок запираения, заходящих в пазы подствольных крюков, и поперечной верхней планки. Ударный механизм с внутренними курками и спусковой механизм с двумя спусковыми крючками смонтированы на едином отдельном основании, а не на боковых досках.

М. БЛЮМ

СЕКРЕТЫ ПЫЖЕЙ

М. БЛЮМ

В связи с большим количеством писем, поступающих в редакцию с просьбой опубликовать материалы о влиянии пыжей на качество выстрела из гладкоствольного ружья, вниманию читателей предлагается ряд статей о конструкциях пыжей и влиянии отдельных их конструктивных элементов на повышение качества выстрела. В статьях будут даны практические рекомендации об изготовлении пыжей в домашних условиях и правильном снаряжении патронов с такими пыжами. Будет подробно разобрано влияние тех

или иных конструктивных особенностей каждого конкретного пыжа на качество боя и предложены рекомендации по правильному выбору материала для изготовления пыжа и его технологической обработки для улучшения обтюрационных свойств.

Еще в 1892 году Л. П. Сабанеев писал на основании опытов, проведенных специалистами по баллистике, о значении пыжей для получения качественного выстрела: «Правильный заряд и хороший пыж единственные условия улучшения выстрела, которые почти вполне зависят

от самого охотника, так как он всегда может подобрать к ружью надлежащий заряд пороха и дроби и самолично приготовить пыжи, оказавшиеся лучшими. И еще, Гражданский Инженер в 1913 г. отметил: «...Следует всегда обратить самое строгое внимание на качество пыжей, употребляемых для снаряжения патронов. Как бы не были хороши ружье, гильзы, порох и пистоны, при скверных пыжах хорошего боя ожидать нельзя».

ПЫЖИ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

Пыжом или пыжами являются устройства в патроне, располагающиеся между пороховым зарядом и снарядом (дробь, картечь или пуля). Основная задача пыжей создать условия для успешного сгорания порохового заряда,

исключения проникновения пороховых газов в дробовый снаряд и выполнения роли поршня, который перемещается под воздействием расширяющихся пороховых газов и толкает перед собой снаряд по каналу ствола, выбрасывая его в направлении цели.

Однако пыжи выполняют не только эти функции. Они являются амортизаторами для снаряда (уменьшают перегрузки в момент выстрела), а при наличии контейнера, в зависимости от его конструкции, выполняют роль укупников или разбрасывателей дробовой осыпи, а также защищают дробь, или другой тип снаряда, от соприкосновения с поверхностью канала ствола (что особенно важно при снаряжении патрона стальной дробью). Наличие контейнера снижает деформацию и истирание периферийных дробинок, которые соприкасаются с каналом ствола и регулируют момент расставания в полете дробового снаряда с контейнером, что позволяет изменять кучность дробовой осыпи и дальность выстрела.

Помимо всего прочего, пыжи уносят с собой некоторое количество остатков гари, скопившейся от предыдущих выстрелов, очищая тем самым канал ствола, но для этого они должны быть осаленными. Неосаленные, особенно войлочные пыжи, сильно грязнят ствол и, обгорая по краям, до некоторой степени пропускают пороховые газы в дробь, а также плохо очищают нагар со ствола, оставленный от предыдущего выстрела. Кроме того, к каналу, смазанному осаленным пыжом, нагар от предыдущего выстрела не так прочно пристаёт к поверхности канала ствола, а значит, легче удаляется последую-

щим выстрелом, обеспечивая единообразие результатов стрельбы. Отсутствие осалки у войлочного пыжа, как указывает Гражданский Инженер, снижает начальную скорость дробы на 72 м/с.

обтюраторы на порох

Пыжи, помещаемые непосредственно на порох, можно подразделить на пороховые прокладки и прокладки-обтюраторы.

Пороховые прокладки, представляющие собой простые, высеченные из плотного картона кружочки, препятствуют проникновению пороховых газов в дробь через толщу основного, к примеру войлочного пыжа.

Диаметры прокладок выбираются так, чтобы они подходили для всех подготовленных к снаряжению гильз. Для этого вначале определяется максимальный внутренний диаметр отобранных гильз. Затем следует принять за минимальный поперечник прокладок величину несколько меньшую максимального внутреннего диаметра. Такое допущение связано с тем, что гильзы имеют на внутренний диаметр определенный допуск при изготовлении, поэтому диаметр у них не является одинаковым. Конечно, при этом некоторые прокладки будут досылаться на порох с большим натягом, а другие будут входить с некоторым зазором, но с этим придется мириться, так как иначе прокладки не полезут в гильзы с минимальным внутренним диаметром. С. А. Бутурлин предлагает следующие величины этого уменьшения: «...Для бумажных гильз в 10 калибре я предложил бы уменьшить на 0,1 мм, в 12 и 16 калибрах — на 0,15 мм, а в меньших калибрах — на 0,2 мм. В металлических же гильзах в 10 калибре — на 0,15 мм, в 12 же — на 0,2 мм, а в 16 и мельче — на 0,25 мм».

Поскольку пыж играет роль поршня, то, как известно, хотя бы на примере обычного насоса, следует иметь надежную манжету, которая минимально снижает проникновение воздуха из камеры сжатия в атмосферу. Роль такой манжеты в патроне играет пороховая прокладка, помещаемая непосредственно на порох перед основным на-

бором пыжей. Эта прокладка должна быть прочной и не успеть разрушиться от большого давления или воспламениться от высокой температуры пороховых газов до вылета снаряда из канала ствола. Неплохим материалом для изготовления таких прокладок является плотный, но не жесткий картон толщиной от 2 до 3 мм. Вообще, чем толще, тем лучше. Прокладка в 3 мм дает более стабильные результаты по бою от выстрела к выстрелу.

Конструкция и материал пороховой прокладки должны обеспечить передачу, кроме всего прочего, равномерно по всей площади пыжа усилия воздействия пороховых газов на весь набор вышележащих пыжей и снаряд. В некоторой степени картонная прокладка предохраняет от воздействия влаги и проникновения осалки в пороховой заряд от основного порохового пыжа.

Прокладки-обтюраторы выполняют не только роль прокладок, но и создают условия для максимального уменьшения возможности проникновения газов через зазор в районе соприкосновения пороховой прокладки с каналом ствола. Прокладка-обтюратор представляет собой кружочек из картона с загнутыми краями или полиэтиленовую чашечку.

В целях дешевизны и простоты изготовления охотники обычно вырубают с помощью специальной высечки кругляши из плотного картона толщиной от 1,5 до 2 мм и помещают их непосредственно на пороховой заряд так, чтобы их общая толщина была не меньше 3 мм (больше можно). Но поскольку для лучшей работы пороховой прокладки желательно, чтобы ее края несколько напозлали на поверхность ее соприкосновения с внутренним каналом гильзы и ствола, то прокладку лучше изготовлять в форме чашечки, загнутые края которой направлены в сторону порохового заряда. В момент выст-

рела они прижимаются пороховыми газами к стенкам гильзы и канала ствола, увеличивая тем самым обтюрационные способности всего набора пыжей. Наиболее рациональная высота такой чашечки равна 4 мм.

В настоящее время такие чашечки изготавливают из полиэтилена отдельно или заодно с пыжом. Раньше их делали из плотного картона. Поскольку полиэтилен при низких температурах теряет свою эластичность, то для зимних охот следует использовать только картонные чашечки или просто круглые картонные прокладки. Надо отметить, что отсутствие картонных прокладок снижает начальную скорость снаряда при использовании пороха «Сокол» и войлочного пыжа на 45–60 м/с, а иногда и больше. Отсюда ухудшается и эффективность самого выстрела. Кроме того, отсутствие прокладок увеличивает прорыв пороховых газов, из-за чего повышается дульное давление до 90–104 кгс/см², что снижает равномерность дробовой осыпи и кучность боя.

Несмотря на вышеприведенный отрывок из книги С. А. Бутурлина, в настоящее время рекомендуется картонную прокладку в зависимости от гильзы (бумажная, пластмассовая или металлическая) брать на 0,2–0,4 мм больше, чем внутренний диаметр гильзы, что создает лучшие условия для обтюрации. Этот вопрос оставляется на усмотрение охотников, так как не всегда удастся загнать прокладку увеличенного диаметра в гильзу. Следует обратить внимание на качество картона, из которого вырубается прокладка на порох. Картон должен быть плотным, но не жестким.

Если в качестве манжеты-обтюлятора применяется чашечка из полиэтилена, то заряд пороха «Сокол» следует уменьшить на 0,2 г по сравнению с патроном, комплектуемым обычной картонной прокладкой.

Фото Т. Баженова

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22.
E-mail: chief@brush.kirov.ru

* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ *

ПРО БОСОВОГО ДЕДА

Борис ПЕТРОВ

— У нас тоже в одной геологической партии такой случай — как говорится, нарочно не придумаешь. Жена проводника пошла за водой, а там медведь. Она как заорет! Недалеко рабочий оказался, схватил карабин — и к ней, выстрелил, да разве на бегу попадешь. Миша — на него, карабин выбил, самого подмял. Следом бежит студент, Генка Цветков, сдуру-то прыг зверюге на спину и ну за уши оттягивать! Глупый, разумеется, но не сдрейфил... Тот, естественно, его скинул, завертелась куча мала. И тут подоспел проводник, звенк Гриша Потэ — единственный не растерялся. Подобрал карабин, момент улучил — рраз прямо в ухо зверю! Ему потом от руководства именные часы подарили: «За спасение двух геологов». А он их в тот же вечер пропил. С медведями у звенков проще, вот с зеленым змием никак, м-да...

— От этой черной немочи в тайге никогда полного спокойя нету. Чо только не бывает...

— «Черная немочь»? Ха, что-то новенькое. Вот «черный нал» — это мы в курсе, ха-ха-ха!

— Да пошто новенько, деды еще так выражались, в досельные-те поры. По имени называть остерегались: кто знат, чо у него на уме...

Четверо случайно сошлись на берегу таежной реки у осеннего костра. Геолог Владимир Петрович Брешин не выезжал в поле уже несколько лет, соскучился по тайге, вот и пожаловал к старому приятелю, местному промысловнику Ивану Никандровичу Носкову поохотиться с лайкой на глухарей. А радиожурналист Юрий Зайченко с другом из новоиспеченных коммерсантов средней руки Артемом Калюжным проводили отпуск, потихоньку сплавляясь по реке на резиновых лодках; Артем больше рыбачил, а Юрий иногда бродил по берегам, постреливал рябков. К вечеру сплавщикам западмигивал дружелюбно чей-то костер на галечной косе, они и пристали до кучи: с народом веселее коротать долгую осеннюю ночь. Артем между прочим заметил, что видел у воды медвежий след — ох и здоровенный прошел босой дядя! На что Иван Никандрович ответил: мол, у деревни вон все поля сёгоды перерыли. Тут у них и посевов-то — баба урожай в подоле унесет, дак еще эти топчутся — овес мнут, мышинные норы на межах шуруют.

— А никого не трогали? — по профессиональной привычке закинул удочку Зайченко. — Какие-нибудь интересные истории?..

— Борони Бог! — пробормотал Носков. — Это вам — истории, а нам одна докука...

Иван Никандрович с виду являл возраст изрядный, но не совсем опреде-

ленный, обличье худощавое и легкую просвечивающую бороденку, которую, к тому же, имел привычку то и дело подтеребивать.

— Лонись вон мы с напарником на участок заплывали перед рекоставом. В сумерках уже добрались, продукты, одежду на берег к избушке взнесли, остался в лодке мешок с сухарями, надо идти. А показалось мне, когда по тропе шли, будто кто фукнул в стороне, дак я жаканы-те и заложил. Подхожу к воде и... спиной, паря, почувал что-то позаде. Оборачиваюсь, а он уж вот он! Ладонью сразу по обем куркам махнул, откинул и — в упор. Он горлом захоркал и повалился. Напарник бежит: «Ково стрелял?» — «Ково, ково — сам, мол, посмотри». Осветили фонарем, а там гора темная лежит.

— Это, значит, шатун был? — с пониманием уточнил белобрысый журналист; даже мягкие «пшеничные» усы не могли придать ему должной солидности.

— Да ково те шатун! Они еще и не легли. Просто сказать, лодырюга. В нашем зимовье, оказалось, городские рыбаки отпуск проводили. Оно ничо, шибко не набедокурили. Ну там потроха рыбы выбрасывали, кашу, что осталось, банки со сгущенкой — считай, прикормили. Привык, нахлебник, разязви его, вот и осерчал, что уехали. Сапоги дырявые, лопотину прогнали и оставили — всё в ремки изодрал, разметал! Тут как раз я и попался под настрой. Этта у него привычка: на тропе пропустит и кидается со спины.

— Но ведь обычно так себя ведут только шатуны! В принципе медведи стараются избегать встречи с человеком. Ну, если жиру не накопил — может, раненый или больной...

— Вот ты и поди угадай, како у него здоровое-то.

— Ага, температуру надо сперва смерять, ха-ха-ха! — в голос закатился Артём Калюжный, парень упитанный, с артистическими бакенбардами на несколько одутловатом лице. — Шатун — это ведь по-сегодняшнему бомж, ага? Эточно, чего от них ждать, никто не знает, ха-ха-ха! У нас два парня крутыми себя считали — решили заняться охотничьим туризмом, баксы с иностранцев стричь. Приезжает какой-то итальянский туз на медведя, а у них зверя нет. Лохи ведь полные, совершенно в этом деле не волокут. День проходит, два, три — контракт трещит, неустойка в «зеленых». Что делать?! Они совсем оборзели и выпросили козолога в цирке: мы, говорят, вернем, нам только для съемок. Сажают, ага, этого мафиози и выпускают своего медведя на тропу. А в это время, ха-ха-ха! — Калюжный, надо заметить, имел невыгодную привычку самому хохотать прежде, чем рассказ доходил до нужной точки. — Там мужик ехал на велосипеде, нарисовался в самый неподходящий момент. Увидел медведя и свалился со страха, в кусты пополз. А этот их зверюга, ха-ха-ха! Сел на велосипед и покати!..

— Прикольный ты у нас парень, Артём! — весело покачал головой Зайченко.

ко. — А я было всерьез настроился слушать.

— А чего прикольный, чего? Ездят же они на велосипедах!

Остальные двое у костра вежливо поулыбались. Вроде тема всем интересная, но нет здесь лопухов, которым можно вешать лапшу столь грубого приготовления. Геолог Владимир Петрович пошевелил дровины — металл его вставных зубов приглушенно вспыхивал в редких сполохах пламени; задумчиво проговорил:

— Смех смехом, а в Эвенкии всякий сезон гибнут охотники. Да нередко с каким зверством! Голову отгрызет, труп корягами завалит, сверху — что останется: одежду, котомку, патронташ. И сам ляжет. Не только шатуны зимой. Многие зависят от ситуации, в которой столкнулись. Может статься подранок: все зажило, но обиду помнит. Или когда охраняет потомство, или, скажем, в период гона — тут ему каждый соперником представляется. А то, говорят, есть особая порода — людоеды.

— Это не порода, просто который человечины отведает, его уж после не отгадать, — пояснил Иван Никандрович, задумчиво перебирая волосенки своей худорослой бороды. — Есть ведь, которые мурашами да корешками пробавляются, а то — скотинники, коров дерут, хотя вокруг всякого корму выше глаз. Просто звери завсегда по характерам разные. Один злой, другой трусоватый, бывают хитры, ино просто хищные...

— А вот у белых медведей совершенно отсутствует чувство страха, оно у них в генах не заложено, — козырнул широтой осведомленности по обсуждаемому вопросу Юра Зайченко. Журналисты, как известно, знают все. Только недостаточно точно. — Им ведь бояться некого, нет у них в Арктике соперников.

— ...И любопытные тоже попадают, как же. Две репы с одной грядки сорви — всё разные, а тут жива тварь. Как люди же: один сызмальства труженик, а иной спокойно пройти не может, чтобы не своровать. Да как его заране-то определить, что у него за нрав?

— Это вы, батя, верно трактуете, характеры у медведей разные! — поддерживает идею Калужный. Он хоть и был бизнесменом, однако сибирской заправки: например, никаких граничных кризисов не признавал, в отпуск ладил «оттянуться» только в тайгу. — Я по молодости много с туриками ходил. Раз в Саянах топал маршрутом, видим — впереди пять горных баранов. Эх, подхватились и вверх от нас, ага, камни градом посыпались. Потом глядим в бинокль — только четыре! Подходим — медвежий след, кровь, шерсть. Все ясно! Он одного сгреб и бросил вниз, а сам нас испугался и дал тягу. Ну, мы спускаемся — баран еще тепленький, мясо парное! А турики почти всегда на подсосе ходят, потому как человек может сожрать больше, чем унести. Тут

же лытки, голову отрубили, потроха там, шкуру — все в кучу сложили, а мясо по рюкзакам и дальше двинули, радуемся. Так он, блин, три дня за нами тащился! Ночью вокруг палаток бродит, фырчит, девки наши совсем застрессовали.

— Дак обида кака, — с пониманием молвил старый таежник, — добычу у него отобрали...

— А что же было — оставлять?! Парное мясо на халяву. Нынче все так: кто сумел, тот и взял, ага! Короче, заколебал нас совсем этот миша. На третий день выходим к речке, там тувинцы сень попасли. Говорят: вы ступайте на ту сторону, он вечером на камешнике появится, станет у воды ваш след искать. И точно, вышел на них, замочили. Жадность фрейра сгубила! Потому — злопамятный оказался.

— Это еще вам повезло, — заметил геолог. — А вот на Нижней Тунгуске... — Брешин еще раз пошевелил коряжиной в костре, искры снопом прыгнули вверх. По всему было видно человека основательного, говорил он неторопливо, а если перебивали, вовсе умолкал. — Эвенки вообще стараются, если можно, медведей не стрелять. Это среди русских — убивали и по сорок, и по пятьдесят, а у тунгусов — редко кто десяток, у них обычай другой. И называют медведей ласково: «амикан», по-нашему значит «дедушка». А взять кетов — у них свое поверье: если идут вместе брат с братом или сын с отцом, никогда не нападет, потому что эти будут друг за друга стоять. А если просто знакомые, тогда он не боится.

Никандрович согласился:

— Я же говорю — жива тварь. То-то у них заведение: перво-наперво оружие у тебя отнять... В запрошлом годе тоже у нас Венка Стихин нашел берлогу и никому не сказал, дескать, чо я буду делиться? Вроде вас вот молодой, дак еще со звоном в головушке. Приходит. Собаки в голоса, а зверь от ворчит, да не вылезит. Чо делать? Вот он совсем близко подступил, стволом туда сдуру сунул, а тот лапой — хват! — и выбил ружье да к себе утащил. Право слово, и смех и грех случаются. Ну, Венка наш осерчал, но, правду молвить, не отступил. Видит, ремень-от ружейный сверху глянется. Думает, надо как-то выручать, а то позорище на все село. Дотянулся до края берлога и хочет валенком ременную петлю подцепить. А собаки голосят рядом, ну заливаются! Венка тянулся, тянулся, а тот вдругорядь хлесь лапой! — и сорвал с него обутку. Ну что ты будешь делать! Дак пришлось бежать в деревню в одном пиме, мужиков скликать. Собрались пятером и управились. Сколь хохоту после было над Венкой-то: пожадничал, мол! Только ему все нет ништо, така забубенная головушка...

Юра Зайченко хмыкнул:

— Вот еще интересный случай... А то все твердят: «Берлога, берлога...» Я как-то услышал: наши из охотуправления собрались на берлогу. Ну, думаю,

дам репортаж — закачаются! И что? Да ничего: подошли, медведь то-олько голову приподнял — бах, бах из двух эскадрон! И вся охота. Ну, какой тут репортаж?

— А тебе надо, чтобы интереса были полные штаны! — захохотал приятель-весельчак. — Целое сражение — с арт-подготовкой, с «ура!», «За Родину, за Сталина!». Иначе что на магнитофон писать, ага?

— В самой берлоге через чело стрелять вообще не положено, — солидно приговорил Брешин, — дурное дело. У нас однажды большого столичного начальника привезли на медведя — вертолеты, вездеходы, все было организовано по высшему разряду. Подошли к берлоге, и вдруг этому шишке помешалось, что там шевельнулось. Он — в чело: раз! раз! раз! — весь магазин из карабина высадил. А зверь в стороне лежал, его лишь слегка задело. Выскакивает — и в чашу. Да так все стремительно проделал, никто не успел выстрелить. Смотрят, кровь в следу, подранок — опасно! Этот замминистра — на «вертушку» и восвояси, с него острых впечатлений хватило. Вся челядь, конечно, за ним. Пришлось местному охотнику, который берлогу показал, самому по следу идти. Так тот петлю сделал и залег на своей тропе, караулил. Хорошо, что собаки были верные, не допустили до трагедии. Вот как с этими залетными-то стрелками.

— Ну, это на берлоге, когда его специально будят, — возразил Юра. Он упорно отставивал свою точку зрения — возможно, потому, что бродить по тайге с верой в медвежью доброжелательность — оно как-то спокойнее. — А мы обычно ездим летом или осенью — все сыты, в такое время медведь, как правило, на человека не нападает.

— А вдруг он этого правила не слышал? — сумрачно усмехнулся геолог.

— Как вы сказали?..

— Мало ли... Урок, к примеру, прогулял.

— Вам же серьезно говорят! Я материал делал с одним научным сотрудником, так он проанализировал двести пятьдесят случаев и пришел к выводу, что неспровоцированные нападения большая редкость. Иногда приближаются, встают на дыбы, но чаще ради любопытства.

— Вот-вот! Любознательный, добренький, морда кругленькая курносая, улыбается — прямо тебе весь плюшевый! — Чувствовалось, что рассудительный Владимир Петрович заводился всерьез. — А у него, во-первых, и обличье не такое, как рисуют, — вытянутое, собачьего типа! Глазки маленькие, совершенно невыразительные, не то что у какого-нибудь комнатного пуделя — все эмоции на личике! И характер — ну совсем не «олимпийский»!

— А как же еще песня есть: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» — весело и слегка приклатненно изобразил Артем.

— Н-ну... Что касается морды, тут вы правы, — честно согласился журна-

лист, — в мультиках рисуют какого-то выдуманного зверя. Я, когда настоящего в зоопарке увидел, сам удивился. Но и вас, Владимир Петрович, не понимаю. Инженер, реалистическое мышление — и не верите в данные науки?

— Просто вы, Юра, оперируете статистическим материалом на очень низком уровне. Это не наука: настоящая математика сложнее. И практические выводы ваши недостоверны. Представьте себе: из десяти грибов действительно только один может оказаться ядовитым — разве вам от этого легче, ежели он попадет именно в вашу скорородку? А тут не гриб — живое существо с высокоразвитой психикой, со всеми ее колебаниями.

— А говорят, медведи человеческого взгляда боятся? — бесцеремонно встрял в ученый спор Артем Калужный. — Дескать, если встретишься в упор, ага, не беги — смотри ему прямо в глаза и...

— Ну абсолютно неверно! — убежденно воскликнул Зайченко. — Наоборот, нельзя смотреть ему в глаза! Прямой взгляд на критической дистанции как раз и может спровоцировать нападение! Это все точно доказано, есть специальное направление — этология — о поведении животных, там даже свои нобелевские лауреаты уже появились. К примеру, женщины обычно визжат и убегают — тоже провоцируют: пробуждается инстинкт преследования.

— Бабы — они такие! И нас теми же приемами берут!

— Непрово... внеприворот... Как это у тебя там, паря? Не облизнувшись, не выговорить. — Старый таежник молча слушал, слушал, перебирая пальцами сухонькую бородашку, да и не вытерпел. — Ишь, все-то они доподлинно ведают и объясняют... Любопытный, мол, забавник. Я тоже кое-что, паря, читывал: один у них на пустой бочке играет, другой — лесной пожар тушит... А третий все камни вниз сбрасывал и слушал, как оно там грохочет. Дак пошла приволок эдаку кокорину с суком, спихнул и ее, а суком-то самого зацепи, и он — за ней, под обрыв! Целый спектакль, гляди-ко. Интересно мне, где этот зритель о ту пору сидел да наблюдал? Я, чай, дома у себя, на диване. У него-де и ружья при себе не было, они всегда в тайгу с одним фотоаппаратом являются. А потом всяко разное вры городят, и статейку назовет: «Как я дружил с медведем». Прямо те кореш не разлей вода...

Очень, чувствовалось, был сердит Никандрч. На присяжных баснописцев — они возмущали его природное чувство справедливости.

— Ему бы хоть раз его живье посмотреть!.. Сёгоды мы в покос ходили старое зимовье подправлять, собачка с нами была. И надо же, угодили на медвежью свадьбу. Она спереди идет, коричневая, невысококая, за нею — сам, черный да здоровенный, комодом! А позади еще двое, молодые.

Нас и не заметили, не до того им, видать. А собачонка-то их одушнила, ветерком нанесло. Дак еще возьми, подлая, твякни со страху, враг ее перекобь! Они все — за ею. Куда собачонке деваться — только к хозяину под защиту. Бегают вокруг нас, к ногам жметса, а он, комод-от, за ею. Эдак три круга те «кореша» коло нас проделали, наконец мы ныр наружу! Еле высочили да в чашу, чуть ноги унесли. Работать ведь ходили, в покос, одна малопулька при себе...

— Это еще что! — опять опережая собственный рассказ, заржал неунывающий коммерсант. — Раз, ага, тоже два геолога решили шкуру подстроить своему приятелю. Увидели в избушке медвежью шкуру, один ее надел и пошел по тропе встречать третьего друга. А тот сидел наверху и все в бинокль видел. Ну, думает, я вас перехитрю! Залезает на дерево и ждет. Вот появился под ним медведь, он как прыгнет с сука и в ухо ему: «Ку-ка-реку!» А это... настоящий косопалый шел, ага! Ка-ак рывкнет! Мужик — в отруб. Но главное, гражданин Топтыгин еще больше ошалел: метров сто отбежал и подох!

— Ну, это известное дело — «медвежья болезнь», — уверенно объяснил Юра Зайченко. А Иван Никандрович покряхтел и проговорил:

— Опять, однако, анекдот... Напрасно вы, ребята, эдак над хозяином потешаетесь, нехорошо. Нешто это баловство?

— А как же раньше — один на один с рогатиной в руках, и ничего особенного? — продолжал заводить задорный журналист.

— Раньше, паря, народ совсем другой был...

— Ты, Юра, хоть раз видел эту рогатину?

— Не приходилось. Что-то вроде вил, по-моему. — Зайченко был в принципе парень честный, вранья не любил. И глаза у него светились по-девичьи голубые.

Старый таежник улыбнулся в редкую бороду, Владимир Петрович откровенно рассмеялся.

— М-да, лихой медвежатник. Я, правда, рогатину тоже лишь по журналу знаю: такое мощное древко и лезвие, как бы короткий римский меч на конце. А вот эвенкийскую пальму встречал. Это, собственно, та же рогатина, только полегче — эвенки народ малорослый. И на пальме нет поперечины, этой крестовины, как ее?..

— Кляп старики называли, — уточнил Никандрч. — Зверь, он хоть сам уже на рожне, а все тянется человека загрести, дак этот кляп упирался.

— На каком рожне?

— На шесте-то, на котором рогатина.

— Послушай-ка, Иван, — вспомнил вдруг Брешин, — а вот я слышал, будто из берлогу зверь всегда налево выскакивает?

— Не знаю, такого не примечал...

Ну никак не мог дожидаться Юра от Носкова какой-нибудь настоящей сногсшибательной повести! Встретил-

ся коренной чалдон, и обстановка не-принужденная, а все не то, все у него в рассказах буднично, без смака. Пришлось идти на тему в лоб:

— А вы сами, Иван Никандрович, много медведей добыли? Расскажите интересный эпизод, а? Страшно на берлогу идти?

— Нет, паря, тут дело тако: коли страшно, дак лучше вовсе не ходить. Только спокойно, как к себе в стайку к корове, иначе беды не миновать. И все заранее приготовить по пути. Карабин мы не признаем. Это кабы зверь дале-че да надо попасть — другое дело. А близко он шьет насквозь. Или, глядишь, патрон закосит. Мы обычно с тулкой. Кладешь на столешницу круглую пулю и сыплешь на нее порошу, пока бугорок всю не покроет, — самый верный заряд, от стариков еще веде-ся. Тако жеребье его ровно обухом бьет...

— Останавливающего действия! — воскликнул журналист. — Как у крупнокалиберного кольта!

— А главное, чтобы самому со спокойным духом, иначе всяко может повернуться. Со мной как-то парень наш попросился. С Афгана пришел, даже раненый был — с этим, думаю, можно. А он переволновался и внутри затаил. И что получилось? Медвежиха встала, и мы ее в два ствола хорошо взяли, сразу выдать — лежит, уши не прижаты... И в этот момент оттудова выскакивает пестун! Порядочный такой, лончак по-нашему. Главное, никто не подумал! И прет промеж нас на прорыв... Афганец мой вскидывается и с разворота — черные дырки стволов прямо в меня — хлесь! Хорошо я еще на взводе был, успел пасть мордой в снег, пуля повер-ху прожужжала. Еще бы малость друг-от меня рядом с нею бы и уложил. А все от нервов.

— Верно, батя! Все болезни от нервов, только две от удовольствия, ха-ха-ха!

Брешин заметил с легкой усмешкой:

— Понимаете, очень уж много вокруг хозяина в тайге поверий, легенд всяческих и суеверий — сложился особый психологический климат. Человек еще в лес не ступил, а уж настроен.

— Это ты правильное объяснение даешь, — согласно кивнул Иван Никандрович. — Особенно городские: начинают всякую всякосты и друг друга запугивают.

— В газете, я согласен, всякое может быть, — еще раз благородно признал чужую правоту голубоглазый Юра. — Но у нас-то, на радио, особенно не пофантазируешь! Нужно ведь дать живой голос, человек сам говорит, а не что я придумал. Особенно когда прямой эфир. Помню, классная передача была про медведей, наш корреспондент привез запись из Туруханска. Там зверь корову задрал, и мужики решили на приваде подкараулить. Помост на дереве делать не стали...

— Лабаз по-нашему.

— Да-да, лабаз! Просто привезли старую плетеную кошевку и привязали

наверху к сучьям. Вот сидят вдвоем, ночь темная, ничего не видно. И слышат: внизу чавкает. Друг друга толкают: давай залпом! Ка-ак грохнут! Только у одного ружье не выстрелило, осечка получилась. А медведь с перепугу — куда деваться?! — и полез на то же самое дерево! Шум, гам, рёв — переполох в темноте. Один хватается топор, да вместо чем по медведю — хват по веревке! Кошечка рухнула, оба подхватываются и делают ноги, кто быстрее. И вдруг слышат: сзади в темноте им вслед — ба-бах! Ну, они еще, как могли, поддали. Убежали в деревню. Наутро решили глянуть, что там? А медведь, оказывается, со злости стал ружья об ствол разбивать...

— Этта он завсегда...

— Так вот, в котором остался осечковый патрон, оно и выстрелило! Миша, видимо, за ствол держал, курком сук зацепил — пуля ему прямо в сердце попала. Вот это действительно интересный случай!

— Дак мало ли чо народ брешет... А ваше дело незамысловатое: болтуна какого безостановочного сыскал, особенно депутата, и радуйся. «Живой голос»... Нравится, дак и сочиняйте хоть чо, вон сколько сказок в миру. А пошто за правду выдавать? Как, паря, про тот же коммунизм на земле...

— Красиво жить не запретишь, батя!

Что верно, то верно, медвежий истории не только нынешние борзые журналисты придумывают — они существовали всегда. Обычно истинное от вымысла в них отличить не так-то просто: все смешалось — кислое с пресным, божие с грешным. Ни один охотничий зверь не породил столько передаваемых из уст в уста сказаний, поверий и притч: «медвежий фольклор», безусловно, самый богатый и живописный в тайге! Соберутся в избушке или у костра — обязательно зайдет речь о Михал Иваныче. Будут звучать веселые байки, вполне фантастические мифы, а то и по-настоящему драматические повествования. Где там правда, где легенда? А может... и не надо стараться различать?

Звучит у костра обстоятельная нетопливая речь бывшего геолога Владимира Петровича, громкогласно хох-

чет над очередной побрехенькой хохмач Калужный, взыскует истины молодой журналист...

— Ис этими сороковыми, я подозреваю, тоже больше суеверия, чем реальных событий, — задумчиво рассуждал Брешин.

— Да просто в рифму пришлось: «сороковой — роковой!» — бросил догадку сообразительный Юра Зайченко. Геолог продолжал:

— На речке Вельмо я встречался с одним кержачком, Родион Мартемьянович звали. Мужичонка из себя — посмотреть не на что, как говорится, метр с шапкой... Пятьдесят два медведя убил! Причем, говорит, никогда на них специально не охотился, все по случаю или из необходимости. Так вот я спросил про сорокового, а он смеется: «Этот, однако, сам мне свою шкуру принес!» У них поселок стоит в тайге, вдруг за окнами корова как заревет! Жена выскочила — тоже в крик. Родион хватается ружье и на крыльцо. Из лесу скачет в галоп буренка, а за нею «хозяин». Прямо у ограды после выстрела и упал. Зато, говорит, сорок первый костоправ чуть самого не прикончил. Тоже телушку задрал, но соседскую. Пока ее искали, мясо уже испортилось, как они говорят — прокисло, и оставили его на приваду. Вот наш Родион Мартемьянович приходит, а они там пируют. Пестун сразу забрался на дерево, а ее что-то не видать. И собака — крутится под тем деревом, а лает в сторону. Никак он не поймет... И всего на миг, говорит, не сориентировался, а она — сзади, из чащи! Оборачивается, да поздно — сам метра три летел от плуки и ружье — в другую сторону. Выхватывает из-за спины топор и обухом ей между глаз! Та, говорит, села. Тут кобель подоспел — она на него, закрутилась клубком. Наш Родион-медвежатник под суматоху-то — в сторонку, подобрал ружье и ударил. Вот ведь «не в рифму» пришелся, да чуть не стал последним. И что самое примечательное: об этом случае и в окружной газете писали, и в московской было. Но столичный журналист малость перепутал: тот, что во двор за коровой прибежал, у него оказался сорок первым, а медведица, которая чуть Роди-

она не заела, стала якобы сороковой!

— Не-ет, Владимир Петрович, он не перепутал — это нарочно! — обрадованно воскликнул Зайченко. — Можете мне поверить! Это такая удачная авторская находка — чтобы сюжет заострить. Чуть-чуть авторского домысла всегда делает материал интереснее, закон творчества! Слушайте-ка, братцы, я еще историю вспомнил! В одной газетке проходила информация — мы на радиокомитет много районок получаем. Так там медведя прямо на ферму приволокли, вот был переполох!

— Как это — на ферму?

— Запросто! Зарод на покосе трое сами зацепили и потащили. На скотный двор приволокли — что такое? Скотины вдруг вся в рёв, собаки брешут... Трос освободили, а он и вылезает — здрасьте-пожалте! Сено с себя отряхивает. Видимо, зимовать в зароде устроился.

— ...Турики убили медвежонка и бросили, охламоны, он же им ни к чему был! А ночью один мальчик вылез из палатки пописать и видит: катит черная гора... Он прыгнул на дерево, а медведица всех пятерых, которые спали в палатке, задрала. Мстила за детеныша. Только мальчонка на дереве и уцелел.

— Говорите, это с туристами было?

— Ну! Они по Бий-Хему сплавлялись.

— Надо же, я слышал совершенно подобную историю, только про геологов, и случилось в Эвенкии.

— А какая проблема? Запросто возможно.

Как и положено в настоящем фольклоре, немало медвежьих сюжетов коучет из края в край, из времени во время.

— Ха-ха-ха! — снова заколыхался Артем Калужный. Судя по всему, должна была последовать очередная таежная байка...

Но мы с вами на этом месте прервем бесконечную цепь медвежьих приключений. Длинна осенняя ночь у охотничьего костра, но все их никогда не пересказать, не переслушать.

Рисунки Бориса Игнатьева

48645

Анвар БИКУМЛЛИН

Светлой памяти моего дорогого отца
Хамзи Хусяиновича Бикмуллина посвящаю

Льдистые лезвия плотничьего «струмента» стали притягивать мой взор, едва я начал воспринимать окружающее. Родители строились. Сколько помню себя, отец постоянно тюкал топором, устилая двор щепой, строгал, фуговал, пилил, долбил, фальцевал, вязал рамы, набирал двери. Не Хамзя, а библейский плотник Иосиф! Меня манило взять долото со стамеской, полужуфанок, так мягко льющий из себя пахучую сосновую стружку, или фальцовку, завивавшую кучеряво серпантинные завитушки, но силенок не хватало.

Однажды, когда никого не было дома, я наконец-то завладел острейшим плотничьим топором. Родитель накануне вечером тесал им по черте отбитые мелом половицы. Выдержанный, с раскачкой, из колоды топор был тяжелый, плоско-лещеватый, стиснутый с боков: лезвием отец точил химические карандаши лучше всяких перочинных ножичков с точилками, и моя попытка первого знакомства с этим инструментом кончилась для меня весьма плачевно. Указательный палец левой руки повис, перерубленный чуть не напроочь. Пришедшая от соседней матушка «успокоила» меня крепкой поркой, а когда увидела забрызганную кровью кучу стружки под верстаком и полуютрбленный палец, то обмотала его застиранным мешочком из-под манной крупы и поволокла в больницу. Уколы и швы я перенес молча, а за «геройское» поведение мама купила мне в газетном киоске мою первую детскую книжку с картинками. Я заставлял читать ее всех приходящих к нам взрослых и вскоре выучил книжку наизусть. Имитируя чтение, ориентировался по картинкам и шпарил как по писаному: «...Наступило жаркое лето. У лесных зверушек подросли малыши...» (Так, на слух, я познавал русскую речь. Когда пришло время и меня привели в первый класс «к Илье»*, то чистота речи, к удивлению моей самой первой учительницы Александры Григорьевны, была выше, чем у природных уличных руса-

ков, дразнивших меня «татарин гололобый». Дома же мы говорили только на татарском.)

Палец вскоре зажил, оставив первую мету шрама, но неудачный урок с топором не остудил мою тягу к столярному инструменту, и я вновь и вновь тянулся к рубанкам и ножовкам. В сильных умелых отцовских руках все завораживающе пело и играло. У меня же все шло кривь-вкось и не так, как хотелось, но мало-помалу с годами прибавлялись мальчишеские силенки и кое-какой навык. Все деревянное «вооружение» в наших уличных ребячьих «войнах» было сделано моими руками в отцовской столярке. Свежие порезы и «пролитая кровь», естественно, не шли в расчет. Расходуя заготовленные отцом доски, брусья, рейки, тупя инструменты, я создавал свой «арсенал» на чердаке бани. Отец, кинувшись на розыски пропавших штапиков, которые пошли на «стрелы каленые», залез на чердак в тот самый момент, когда я упоенно красил голубой нитрой «булатный меч».

Милый родитель! Да пребудет душа твоя в раю! Ты никогда не думал, что от этого детского увлечения ниточка потянется через всю мою жизнь и заставит писать эти строки.

Он только крикнул и, ничего не сказав, принялся осматривать мое «вооружение», коего могло хватить, по словам брата, «на всю куликовскую рать». Я обреченно ждал самой страшной нахлобучки: и за краску, и за погубленные доски, фанеру, рейки, и за все-за все, что в ребячьем понятии означает запрет. «Будет толк», — сказал отец, слезая с чердака, и вскоре стал доверять мне вырезать узоры пилкой-лобзиком для оконных наличников, а потом и на отделку всего домового фасада.

После книг и леса столярка стала одним из закутков, где я любил тратить свое время. Шутка шуткой, а помощь отцу была немалая. Он лишь размечал по шаблонам резьбу узоров на досках, а сам уходил на работу. После работы шел к кому-нибудь еще плотничью и приходил вусмерть усталый поздним-поздно. Кузнецк рос, строился. За день я помимо прочих своих дел управлялся с заданием и вечером про-

сил отца оставить на завтра работы побольше. Дерево манило своей податливостью перед сталью инструмента. Я строгал, пилил, сверлил, наслаждаясь лесным запахом стружек с опилками, и матушка порой еле дозвывалась меня обедать.

В лето 1966 года отца командировали старшим над бригадой плотников с ремстройучастка, где он в то время работал, в соседний Камешкирский район в село Большой Умыс отделывать дом какому-то колхозному начальнику. «Оставляю тебе заготовки, режь узоры на целый дом. А осенью куплю тебе ружье», — пообещал мне при отъезде родитель. Я старался, отказавшись от самых жгучих соблазнов лета, вплоть до купания в Долгушинском пруду. Забросил все свои дела, кроме ходьбы в библиотеку, книжный и охотничий магазины. Истекая потом, порой чуть не падая в обморок от жары и духоты, выпиливал с утра до вечера замысловатые змейки, венгерки, голловки, травники, упорно точил дерево, подобно жуку-древоточцу, подгоняя длинные, как год, дни и торопя приход осени. Да и было ради чего стараться. Ружье! Понимай. Не гармошка, не ботинки и не конфеты. Настоящее ружье!

Будущая мать, очевидно, не ожидает так своего первенца, как я ждал своего первого ружья, мысленно лаская его тряпочками, зеркала ствол шомполом и любя заранее даже за то, что оно стоит в застекленной витрине или лежит на складе охотничьего магазина (по цене 16 руб. 20 коп.)

Отец приехал за резьбой, когда я, давно управившись с узорами, увлеченно перечитывал библиотечную «Лесную газету» Виталия Бианки. Привез целое ведро меда и, погрузив ажурную резьбу на колхозную машину, вновь уехал, обещая теперь уже скоро вернуться насовсем.

Недели через три, по первым заморозкам и впрямь вернулся, навьюченный «струментом». Кончили работу. Привезла его незнакомая «Волга» с важным шофером за рулем, а с ними же приехал фотокорреспондент районной газеты. Сделав несколько снимков, он уехал, а отец через некоторое время получил пакет с газетой и фотографиями, где он стоит возле нашего

* «к Илье» — деревянная ильинская церковь на бывшем дворянском кладбище старого Кузнецка. В ней и была наша 2-я начальная школа. — (Бик.)

дома. (Уж так был доволен тот начальник своим изузоренным теремком, что решил на весь район похвалиться приезжими мастерами. Газета не сохранилась, фотографии растерялись, кроме одной, которую я намертво приклеил в своем солдатском альбоме.)

Было как раз самое время вальдшнепиных высыпок. Мы с другом Саней каждый день пропадали после школы на горе, бродя и вышугивая время от времени днюющих вальдшнепов. Хорошо бродилось в тех пригородных перелесках, никуда не торопясь, ни от кого не завися, наслаждаясь полнейшей беззаботностью, видя ежедень ветхого деда Дербента, пасущего свою коровенку на последних осенних травах, пекущего картошку в скудном костерочке из дубового сушняка. Крупный русак, спугнутый в один из сереньких дней, переполошил дедову корову, подкатив той чуть не под самое вымя, и долго после дедок смеялся вместе с нами над перепуганным зайцем.

Раз мы встретили охотника с полной сеткой вальдшнепов, с двустольной бескурковкой и породистым крапчатым сеттером.

— А где же ваши ружья? — в шутку спросил он нас с другом.

— Нос не дорос, — огорченно ответил Саня, и мы брели дальше, грудя сапогами палую листву, а в пяте нашего следа, в той стороне, откуда мы только что пришли и куда ушел этот счастливый охотник, слышались его то одиночные, то дуплетные выстрелы. Оказывается, затаившиеся вальдшнепы пропускали нас мимо, и лишь самые нервные из числа стреляных и пуганых, близ которых мы проходили, изредка взлетали, волнуя нас треском крыльев и рыжим промельком пера в гуще сучьев и поределой листвы.

— Это сколько же патронов он сегодня выпалил? — размышляли мы с Саней и сходились на том, что никак не меньше сотни.

— Вот бы нам хоть по одному добыть! — завистливо мечтая, поворачивали мы ближе к вечеру домой, где нас ждали любимые, по несколько раз читанные и перечитанные книги про охоту и, увы, невыученные уроки.

Саня расправлялся с домашними заданиями, как матадор с быком на арене. Раз два — и готово. В алгебре он, например, ничего не смысля, как и я, тем не менее не терялся и, пуская пыль в глаза своей матери, лихо переписывал несколько раз условие примера на уравнение, переставляя числители в знаменатели, знаменатели в числители, кроил все, как брала рука, подставлял ответ, если таковой был на задворках учебника, а если не было, махом сочинял «от булды» свой и минут за десять, самое большее, рассчитывался с «царицей наук», напрочь игнорируя мнение великих мужей, что «математика — гимнастика ума».

В русском языке Саня, будучи прирожденным русаком, тем более не тусовался. Самым главным для тети Тони было сегодняшнее число и номер до-

машнего упражнения в тетради. А уж подлежащие со сказуемыми страдали безропотно сами по себе, или вовсе не подчеркнутые, или, наоборот, выделенные под одно с изрядным куском предложения, как строй стриженных под ноль новобранцев. Людовики Благочестивые, Генрихи Капетинги, Филиппы Красивые, Валуа и Стюарты, кардиналы и герцоги, магистры и рыцари из средних веков, видя такое небрежение к своим славным деяниям, с тщетной мольбой взывали к Санину милосердию со страниц учебника. С остальными «географиями» было еще проще: «Не задали!» — был весь Санин сказ. Или же, когда особо напирала тетя Тоня, врал наудалую о папуасах, переселял их оптом куда-нибудь на Мадагаскар или в Танзанию. Поди проверь. А Гринвичский меридиан у него упорно приходился на Новую Землю и шел по Уралу вниз по карте аж до самой Персии.

«А вот блинчики с кисельком, — несла нам тетя Тоня угощение. — Бедные детки! Ничего хорошего не видят с этими уроками». «Бедные детки» быстрее за «Таежные рассказы» Николая Устиновича или смирновских «Вальдшнепов» в двадцать третьем альманахе «Охотничьих просторов».

Худо-бедно, но Саня выходил все школьные годы из положения. Самое главное, человек что-то корябал в тетрадь. Со мной было намного хуже. По математике я был еще «дубовее». Меня прикрепляли к лучшим «лобачевским» класса, но, увы, слишком все было запущенно мной с самого начала ненавистных дробей и уравнений. Куда приятней было листать под партой что-нибудь арсеньевское про знаменитого гольда Дерсу Узала, славного звенка Улукиткана из федосеевских «Тропий испытаний» или же что-либо историческое про Рюриков, князя Владимира, Дмитрия Донского или Ивана Грозного с Петром Великим. «Не знал, да забл», — говаривал покойный матема-

тик Яков Иванович, годами не вызывая меня к доске, ставя в повседневной тетради «см» и вывода лебединошеие двойки в журнале после контрольных. «Ты не дурак, Бикмуллин, только не знаю, чем твоя голова забита», — подытоживал он тягостный для меня разговор.

Спасался я за счет гуманитарных дисциплин, в которых был изрядно начитан и мог порой вырвать у педагогов целый урок, рассказывая о той или иной стране, королях, царях, епископах, миклухо-маклаях, дикарях, пиратах, отважных капитанах, ермаках, дежневых, знаменитых путешественниках, астрономах, писателях и поэтах. Все умещалось в моей «мусорной корзине» благодаря феноменальной памяти, и мне не стоило большого труда выдавать пересказы близкие к тексту. На уроках литературы я был как рыба в воде, а мои школьные сочинения из «бархатной тетради», куда попадали лучшие из лучших, до сих пор зачитывают новым поколениям школьников, показывая пожелтевшую фотокарточку с моей лопухой физиономией.

На переменах мы с Саней могли говорить лишь о лесе и охоте, стоя где-нибудь у окна, словно тайные заговорщики, зная наперед, что после восьмого класса нас ждут ГПТУ с заводом, а второгодничать нас в любом случае не заставят.

Все наши помыслы, весь неистраченный жар души были направлены на одно: ружье, охоту, и если бы от этого неистового стремления уделялась хотя сотая часть обрыдшим математикам, то, вполне вероятно, нынешним президентам пришлось бы иметь нас своими помощниками.

Одним словом, мы были в «вольной накатке», в упорительном состоянии принадлежности самим себе, ради которого даже российский император Александр I ушел «в народ», превратившись в сибирской глуши в старца Федора Кузьмича, променяв дворцы на бревенчатую избушку, пышность дворца на уединение.

В двадцатых числах ноября отец, придя с работы, сообщил головокружительную новость: «Завтра получаю охотничий билет и идем покупать ружье».

Ночь я не спал в ожидании того счастья, что должно было обрушиться на меня поутру.

Отец долго брился, чистил кремом порыжелые кирзачи, а я мысленно торопил его: «Ну, быстрее же! Быстрее. Что ты копаешься? Вдруг что-нибудь случится? Или заболит председатель райохотобщества или магазин не откроют, да мало ли что».

Но все оказалось буднично просто. Дмитрий Кузьмич Колесников, сунув ручку, ткнул пальцем в бумаги:

— Распишитесь здесь, здесь и здесь. Вручив отцу новенький охотничий билет и запоздало заметив океан ликования в моих глазах и радости, не сходящей с моего лица, озабоченно спросил:

— А вы, случайно, не сыну ружье покупаете?

— Нет! Нет! — поспешил успокоить его отец от дверей. — Ни в коем случае. Пусть сначала подрастет.

Кузьмич! Кузьмич! Ты был тысячекратно прав в своих подозрениях, а я никудышный конспиратор, но что сделано, то сделано, и из всех действующих лиц в этой сцене в живых остался только один, ради которого, собственно, и была вся кутерьма с билетом и покупкой ружья.

Мы бодро зашагали в магазин союза охотников, где скукающий продавец равнодушно подал нам одноствольную ижевско-бескуровку в промасленной бумаге, брезентовый ремень, упаковку новеньких латунных гильз шестнадцатого калибра, пачку дымного пороха «Медведь», тяжелую коробочку капсюлей «Центробой», весело сиявших медным блеском, и отвесил по несколько килограммов семерки с тройкой.

Пока Говляк вписывал номер ружья в охотничий билет и книгу продажи оружия, отец собрал туго открывавшуюся одностволку, вскинул к плечу, а я тем временем запихивал в сумку все остальное богатство, лучась радостью, как ни разу не стрелянный латунный патрон.

Так с ружьем под мышкой мы ввалились в соседний гастроном, где полагалось купить традиционную всякой новокупке обмывку. Никаких чехлов! Никаких сейфов! Никаких справок и разрешительных систем! Купил мужик ружье, несет домой, ну и хрен с ним, значит, все законно. Даже в кассу отец сунулся по-простецки с ружьем наперевес, протянув кассирше пятерку: «Милая! Пробей-ка бутылку водки, а на сдачу конфет шоколадных». И никто не замахал руками в ужасе, не завопил истошно, не кинулся к телефону.

Этот ноябрьский день с облетевшими тополями, высоким прозрачным небом и примороженной к асфальту палой листвой остался в моей памяти на всю жизнь. По родным до боли улицам мы гордо шествовали домой, где топилась баня и по всей избе пахло ароматом лапши с бараниной.

Третью часть века прошло с того безумно счастливого для меня дня. И до сих пор, уже изрядно битый сединой, выходя в пору чернотропа из охотничьего магазина, шагая мимо старой гостиницы и зубной поликлиники, я вновь живу той давней радостью, вижу тот далекий невозвратный день с ясным морозным небом, мое первое ружье, живого отца, и восторженно омытая душа омывается невольно светлой грустью.

На все про все, начиная от госпошлины за билет, ружья, боеприпасов и кончая обмывкой, было потрачено около 40 тогдашних рублей.

«Малайне берчея юлдан яздерасэн (мальчишук совсем с пути сбиваешь)», — ворчала мать на добродушно расслабленного обмывкой отца, пока я очищал от густой смазки ружье, знакомился по паспорту с действующими механизмами, разбирал и вновь собирал пахнущую заводской краской ненаглядную одностволочку.

«Мне чтоб учебу не забрасывать и в столярке мало дело помогать, — внушал родитель незрящие из века в век истины. — С ружьем будь осторожнее. Раз в год и грабли стреляют. В людей не целясь, «наобум святых» в кустах-камышгах не пали, зря патроны не жги, ну и инспекции не попадайся, а то меня за шкуру возьмут».

Все это давным-давно было знакомым из охотминимумов, настольных книг охотников-спортсменов, из серии «Библиотечки начинающего охотника» номера четвертого за 1957 год, где А. Э. Кун в «Технике безопасности на охоте» доходчиво объяснял правила обращения с ружьем, из плакатов, развешанных в охотничьем магазине, но и родительские советы были не пустопорожними.

Я сбегал за Саней, и в радостном ознобе души мы уселись набивать патроны, собираясь назавтра за дроздами в химвроновский сад. Весь вечер прошел в счастливых грезах о будущих охотах. Мы попеременно брали ружье в руки, вскидывали на прицел, переламывали бесчисленное количество раз, смотрели кольца в стволе, учились делать плавный спуск, привыкали к пипке указателя взведения и пуговке предохранителя, и я на всю жизнь запомнил заводской номер — 48645. Номера остальных своих ружей я вспоминал, лишь глядя в свои дневниковые записи, а этот врезался в память намертво, как номер военного билета, пока я был в солдатах.

По странной случайности все ружья, купленные мной за мою охотничью жизнь, приходились на позднюю-позднюю осень, на ноябрь месяц. И курковые тулки, и ТОЗ-34, и ИЖ-43, что приобрел для подрастающего сына. Лишь ИЖ-43 с эжектором случайно угодила на летний месяц июнь, нарушив тем самым негласную традицию, идущую с легкой руки родителя.

Утром мы были в садах, где лениво перелетали с дерева на дерево редкие стайки заживевших дроздов. Крупный

рыбинник, сраженный моим первым выстрелом семеркой без всяких предварительных пристрелок на кучность, резкость и точность боя, дал знать за неимением стодольных мишеней — ружье то что надо! Мы еще попробовали его по пустой консервной банке и вышли к совхозному гумну, куда во множестве садились стаи сизарей. Стреляли в сидячих, пробовали влет, но мазали и, вспоминая того осеннего охотника с полной сеткой вальдшнепов, все больше и больше начинали понимать, что стрельба навскидку по летящей — дело очень непростое, как может показаться со стороны.

Добыв пару голубей, вернулись домой вдоль железной дороги, пряча разобранную ижевку под пальто (ремень через шею, ствол с цевьем в штанину, ложу, колодкой вниз, в другую).

Тогда, в 66—67 годах, не было в наших лесах ни охотхозяйств, ни зеленых зон, ни егерей, ни аншлагов, не приходилось опасаться, помня об отцовской «шкурке», охотоведа Губчанского и внештатных инспекторов с лесниками, которым, в сущности, было наплевать на таких, как мы, пацанов. Однако мы постоянно держались настороже, видя опасность даже там, где ее не было, и принимали все меры предосторожности, дабы не попасться кому-либо.

С этим, самым первым ружьем ИЖ-18 все у меня было впервые: первый дрозд, первый голубь, первый чирок, первый вальдшнеп на высыпках, первый заяц, первый глухарь, первая одинокая ночевка в лесах у клюквенного болота, куда я, заплутавши, вывалил под вечер, первая встреча с дедом Максимом, на чей лесной кордон я вышел в следующий день по петушину крику, уже совсем отчаясь выбраться к людям, без куска хлеба, с пятком последних патронов и заеденный злым лесным комарем.

С этой же одностволкой выползал в 70-м году в прогоревшей со спины фуфайке с глухариного тока, влача за собой погибшую борозду следа, полнившуюся черной подснежной водой, к знакомому кордону.

Ввалился в створожку, пьяно цепляясь за дверные косяки, смог только прохрипеть от порога встающему из-за стола встреч мне деду Максиму одно тучее: «Пи-и-и-ты!»

Вошедшая со двора Демьяновна, всплеснув руками, ужаснулась: «Да нечистый дух! Страш-на-а-ай! На тебе лица нет. Ай стряслось что?!»

Я не мог говорить. Пил коровье молоко, пил холодный чай, пил квас, пил холодную воду и не мог напиться. Между глотками сумел снять с себя ружье с патронташем, скинуть опостылевший запленный сидор, выдраться из пропахшей дымом и гарью мокрой одежды. Лишь тогда, сидя на сундуке, торча мослами, с пятого на десятое поведал о своих мытарствах.

Потерял я свою «первую любовь» до обидного глупо. Не зря в народе говорится: «утром не знаешь, где будешь

вечером». Да что к вечеру? Через минуту, через час!

Генка Чернов, непутевый, деда Максима внук, живший неподалеку от нас на Белинской улице, попал под дурное влияние. Уважая просьбу старого лесника, я стал брать несовершеннолетнего Генку с собой на охоту, чтобы он поменьше отирался возле Кучеренкиных, которые то по очереди, то все враз «гамузом» садились на тюремную пайку.

Я уже получил к тому времени охотничий билет, достигнув восемнадцати лет, купил себе штучную тулку (ШТ 9817) шестнадцатого калибра и охотился по-настоящему без оглядки. Одностволка числилась за отцовском охотничьим биле, и я все собирался перевести ее на свой.

В начале зимы 72-го мы возвращались с Генкой из Елхов с добытой лисой, с двумя моими ружьями и у мяскокомбинатского переезда нос к носу столкнулись с райохотведом Губчанским, вынырнувшим из-за железнодорожной буташки. В лесах ему было слабо геройствовать, вот он и ошивался то на пригородных болотцах, то у совхозного гумна, подлавливая мальчишек безбилетников. Он и охотником был так себе. С целой оравой холуев не мог отстрелять лося и, когда «догорала» лицензия, приехал на поклон к деду Максиму на кордон: «Максим Герасимыч! Выручай. Помогли лося добыть!»

О том, чтобы он вывел на чистую воду злостных браконьеров, как те доблестные инспектора из славного журнала «Охота и охотничье хозяйство», не было и речи в нашем райохотбщество. Просто числился человек на должности, получал приварок к военной пенсии, а чтобы отработать занимаемый охотоведческий стул, нет-нет да и ловил зазевавшихся пацанов с отцовскими ружьями. Ему и хватало этого для отчета перед областным начальством.

Но и я был непростоительно «хорош», утратив по случаю законного охотбилета ту постоянную «сечку», спасавшую меня во время дичайшего безбилетья. Нельзя было мне расслабляться. Ох нельзя! Да и с переводом одностволки на себя не нужно было тянуть. Числилась бы на мне, и разговор с Губчанским вышел бы другой.

Лиса, оба ружья, Генка и я пошли в протокольную «портянку». Мою кровную одностволку с Генкиного плеча Родионич снял и поставил отдельно. «Отцова? — строго переспросил он меня. — Вот пусть завтра он и придет в райохотбщество. Да и ты приходи. Подпишешь протокол. Тогда и билет верну». И мы ушли, унося свою добычу и штучную тулку.

Назавтра я был в конторе, представ «пред грозные очи» Губчанского и Колесникова. Мне дали прочитать протокол, исписанный даже на полях. Не протокол, а криминальный роман, где я был расписан в самых жутких красках. По молодости, боясь лишиться охотничьего билета, я подписал ту «портянку» (хотя многие пункты мож-

но было оспорить), думая, что этим все кончится. Но напрасно. Не кончилось. Билет Родионич с Кузьмичом мне не вернули. Пригласили на дисциплинарную комиссию, вклеили штраф. И когда я его заплатил, лишь тогда после долгих нотаций вновь обрел утерянный по своей глупости дорогой документ.

Отец в контору не пошел, не захотел краснеть за грошовую одностволку. Через месяц из области на имя отца пришла грозная казенная бумага с печатями облохотинспекции за размашистой подписью какого-то неведомого Наумова и с полусотенным штрафом, но отец, посоветовавшись со мной в нашей столовке, плюнул на это дело: «Шестнадцать рублей ему новому цена была, а за полсотни двустолку купить можно. Эх сынок, сынок! Как же ты влип? Ну да ладно! Не человека убили, не по милициям таскают. Бог с ним. Жизнь без убытка не бывает. Давай забудем этот вонючий случай. Дорого же тебе эта лиса обошлась! В контору я больше не пойду, билет мой скоро просрочится, а у тебя свой теперь есть. Охотись, как охотился, раз душа к этому делу лежит».

Так и сгинул мой самый первый 48645. Жалел я его, когда понял, что больше не увижу. Ночей не спал поначалу. Стояло, поди, где-нибудь у чужих людей в чуланах, не чищенное, не смазанное, пока не реализовали, а куда оно пошло, я так и не узнал по сей день. А когда однажды прочитал шекспировские строки:

Когда на суд безмолвных тайных дум
Я вызываю голоса былого,
Утраты все приходят мне на ум,

И старой болью я болею снова...
принял это на свой счет. Будто про меня сказал бессмертный Шекспир, как есть про меня!

Да и Генку я зря таскал с собой. Вскоре он порезал ножом подгулявшего мужика из СМУ, отнимая у него бутылку водки, и получил свой первый срок. К нынешнему дню в его «активе» уже пятая «сидка» («каждому свое», все мы сами выбираем свой жизненный путь).

Тот протокол, составленный на меня, сожрали где-нибудь в архивах канцелярские мыши. Давным-давно спят вечным сном и отец, и Колесников, и Губчанский, и дед Максим с бабкой Демьяновной, а на месте того кордона осталась лишь горючонься одичавшая яблоня, и только попавшая мне на глаза отцовская пила, которой я выпиливал горы деревянной резьбы, порой дощемающей боли в сердце напоминает «дела давно минувших дней», храня как бы тепло отцовых ладоней, как и весь остальной «струмент». Беру в руки, мысленно разговаривая с отцом, и вижу тот далекий ноябрьский день и как мы шли с ним из охотничьего магазина домой с моим самым первым ружьем.

Рисунки Бориса Игнатьева

ПРИНАДЦАТЬ ОСЕННИХ ВАЛЬДШНЕПОВ

Ю. ШЕВЯКОВ

Небольшой катер медленно пробрался среди торчащих пней по мелководному заливу Московского моря и бочком прижался к борту старой баржи, которая, отслужив положенное на воде, теперь «работала» пристанью около небольшой деревушки Перетрусово. Нас трое охотников — я, приятель Михаил Степанович и его черно-пегий спаниель Бой. В прошлом году в начале октября мы отлично поохотились здесь на бекасов по берегам залива и на пролетную северную утку из шалашей. Ровно год мы мечтали снова попасть в эти края — и вот мы здесь! Но уже по дороге сюда мы поняли, что поспешили — ни одной стайки уток не увидели, а в прошлом году они то и дело срывались с воды, освобождая дорогу катеру. Торчащие же пни в заливе показали, что уровень воды очень низкий, берега сухие и бекаса не будет.

На базе егерь Володя, знакомство с которым в прошлый приезд переросло в настоящую мужскую и охотничью дружбу на долгие, долгие годы, подтвердил наши печальные выводы. «Год на год не приходится, воды маловато, пни торчат по заливу, сами видели. Грязи нет, бекасу кормиться негде, не придет он сюда, другие места надо искать. И утки нет — рановато приехали. По лесу походите, может, найдете чего-нибудь — собака-то у вас толковая. Зато как в прошлом-то году повеселились!» — весело закончил он. Все помнил, даже количество взятых уток и бекасов назвал. Мы тоже хорошо помнили, поэтому и приехали. Быстро разместились, перекусили и пошли по знакомым местам, благо до вечера еще немного времени было.

Бой трудился изо всех сил, мотаясь челноком по зарослям травы, кустам, пролезая все куртины и куги камыша... пусто! Дошли до мелководного заросшего заливчика и решили постоять на вечерней зорьке. Темнело быстро. Далеко, еле видимая на фоне неба, прошла стайка кряковых, вселив в души какую-то надежду. Но на этом все и кончилось. Стало совсем темно и холодно. Большие торчать у заливчика смысла не было. Вылезли на тропинку, зажгли фонарик и потопали к базе. Там хоть свет горит и тепло. И, действительно, было и светло и тепло. Володя ждал нас, в печке потрескивали дровишки, самовар стоял на столе. За ужином, выслушав наши стенания, егерь предложил с утра пройтись по мелколесью, заросшим полянам с кустами, по мокрой низине, которые тянулись вдоль лесной глухой дороги. «Может,

тетеревишка какой дурной попадется, хоть и строгие они сейчас, далеко от собаки вылетают, но на охоте ведь всяко бывает. А вдруг и вальдшнепишку найдете, в это время иногда хорошие высыпки случаются. Дороги придерживайтесь, чтобы не заблудиться, места здесь глухие, для вас незнакомые, компас, если есть, возьмите, к заливу всегда выйдете, — наставлял Володя. — А катер, как вы сказали, только на третий день придет. Дома-то сидеть одна тоска». Тетеревишки, вальдшнепишки, как нежно называл их наш друг, стали какими-то далекими, недоступными, расплывчатыми... призраки, а не птицы. Убедил он нас — сходим, дома-то чего делать?

Встали рано, позавтракали, взяли с собой поесть и пошли, еще раз расспросив о маршруте и уточнив детали. До дороги, которая начиналась у залива, было километра три; дошли, не спеша, заставив Боя идти рядом, что его тяготило. Володины места понравились — явно тетеревиные и вальдшнепиные. Протопали немного по дороге, обходя большие лужи, оставшиеся после прошедших дождей, и пустили Боя. И он заработал. Еще на предыдущих охотах меня всегда удивляла и восхищала великая работоспособность этой в общем-то небольшой ушастой собачки. Он старался изо всех сил, не халтурил, не отлынивал от своих обязанностей. «Надо — значит надо», — показывал весь его решительный вид. А какой охотничьей страстью и отменным чутьем обладал этот ушастик! Дело было за малым — за дичью. Несколько часов мы старательно обыскивали самые, казалось бы, заманчивые для тетерева и вальдшнепа места. Нет, пусто! Судя по поведению Боя, даже и набродов птиц не попадалось. Устали, ружья сделались тяжелыми, неудобными, с плеч сползали, патронташи давили на живот, липкая паутина лезла в лицо, в сапоги насыпалось какой-то колючей дряни... Уши у Боя, набитые

репьем, уже не висели, а торчали. Отдых! Прилегли на поляночке, перекусили и сморило нас — заснули. Разбудил ушастик, тыкаясь мокрым и холодным носом в лицо. Посмотрел на часы — до вечера оставалось часа три, а занесло нас далековато, до дома шагать и шагать... Разбудил Степаныча, нацепили на себя амуницию и двинулись на базу, правда, решили идти по другой, заросшей дороге, тянувшейся вдоль мокрой низины, густо покрытой уже пожухлой травой и кустами.

Я шел впереди. Бой трусил сбоку, подчинившись команде «рядом». Чего мучить пса? Степаныч немного отстал. Так унылой «толпой» и тянулись мы по дороге. Мысли в голове были печальные и серые, и я забыл про Боя. А когда вспомнил, то его рядом не обнаружил, а увидел ушастого метрах в пятнадцати от дороги, вливающего хвостиком и осторожно подбравшегося к большому кусту, густо поросшему ржавым бурьяном. «Прихватил!» — только и успел подумать я, срывая ружье с плеча... Рыжий вальдшнеп каким-то полумесяцем взметнулся из куста и повалился, сбитый выстрелом. Второй вылетел низом, на мгновение мелькнув на чистом. Выстрелить успел, поймав драгоценную птицу концами стволов. Упала она или нет — не видел. Все произошло мгновенно. Подскакивал Степаныч. «Кого стрелял?» — только и успел спросить, а Бой уже подходил к нам с вальдшнепом, подал в руку и умчался. Через несколько минут вернулся со вторым. Осмотрели птиц — плотные, тяжелые, — красивы своим неповтори-

мым узором пера... Даже понюхали — и решили, что пахнут лесом, листвой и осенью. Пока разгладывали и нюхали, прозевали третьего. Услышали шум крыльев и заметили мелькнувшую за кустом тень. Сразу и силы появились и азарт охотничий — полезли по низине, продираясь между кустами в направлении полета птицы: далеко не должна была уйти. Так и оказалось. Метров через сто Бой заработал, короткая подводка к куртине бурьяна... Вальдшнеп поднялся красиво, даже как-то медленно, не спеша. Наши выстрелы слились в один, облачко перьев повисло в воздухе, и третий драгоценный трофей попал в ягдташ. Больше решили ни себя, ни собаку не мучить: надо было до темноты выбраться к заливу, откуда путь к базе шел по берегу, и мы его знали.

К деревеньке подошли в темноте, она уже спала, и только на базе приветливо светились два окошка — нас ждал Володя. За ужином атмосфера была совсем другой — шел сладкий охотничий треп с многочисленными повторами: как Бой их, как мы их... И не в этом ли одно из великих удовольствий охоты? Было ясно — попали на высыпку, и теперь все зависело от ушастика и, конечно, от нас. Стрельба по вальдшнепу бывает и простой и очень сложной — в зависимости от того, где поднимется птица и как. Охотники это знают.

Раннее утро застало нас на дороге у залива. Приятные неожиданности начались сразу, как только мы дошли до первой большой лужи. Берега лужи были все истыканы длинным носом лесного кулика, который кормился тут ночью. Бой прямо от нее прихватил след и метров через семьдесят из куста бурьяна на поляне поднял вальдшнепа. Мы не оплошали. Луж было пять и только на одной никто не кормился. Работа собаки была одинакова по исполнению: от лужи подводка по мелкоколесью от тридцати до ста метров до ближайшей поляны с бурьяном и небольшими кустиками — подъем, и вальдшнеп летит практически по-числовому. Однообразие нас не огорчало: все четыре золотые птицы попали в ягдташ. Правда, удивлялись мы поведению лесных куликов: они не улета-ли, а все уходили пешком, выбирая для отдыха относительно чистые поляны. Но, может, после сытного ужина им было приятно прогуляться по ночному осеннему лесу? Птичья душа тоже потемки! В общем, охотничья удача повернулась к нам своим красивым лицом, а не тощим, костлявым задом...

На подходе к низине Бой заработал совсем по-другому: энергично, с каким-то особым азартом короткий хвостик вращался пропеллером — мы еле поспевали за собакой. «Старый петух-черныш удирает», — мелькнула мысль. Перезарядили ружья патронами с «пятёркой» и, не добежав до густого невысокого березняка, остановились — сплошная стена зарослей, петух нас

обманул... Бой тоже куда-то исчез. Вот и стояли мы у березняка, сжимая ружья в руках, и слушали тишину... И вдруг впереди лай собаки, тут же тугой грохот крыльев в самой чаще — и старый петушина, сверкая черным и белым, вынесся над верхушками березок прямо на нас... Развернулись мгновенно, ударили в угон. Тетерев, сложившись в воздухе, врезался в кусты. Бой, вырвавшись из чащи, стремительно промчался мимо ликующих охотников, нырнул в кусты и, притаив петуха к нашим ногам, стал тыкать в него носом, к которому прилипло несколько пушистых перьев, придававших морде ушастика очень игривое выражение. Но это был триумф победителя, и мы восхищенно гладили нашего любимца, говоря ему самые ласковые слова, не забыв отлепить перья с носа. Момент был торжественный.

Этот день был днем удачи! У Боя получалось все и у нас тоже. Еще семь вальдшнепов сработал ушастый, и пять из них мы взяли. Два раза просто лупили по кустам, куда стремительно ныряли птицы, а потом смотрели на Боя... Он лез в чащу и оба раза приносил завидную добычу. Бывает и такое на охоте по вальдшнепам! Девять штук золотых птиц взяли за один день, да три вчера, да еще и петух-черныш приятно оттягивал ягдташ. Все! Мы иссякли и физически и духовно. Вышли на дорогу и тихонько пошли к дому. Но оказалось, что это еще не все! Когда мы вышли к заливу, я решил подойти к небольшому заросшему плеснику. Шум крыльев — и метрах в сорока от меня из камыша поднялся табунок кряковых. Торопливый дублет — и стайка пошла вдоль берега. «Эх, далековато подня-

лись», — подумал я, провожая летящих уток глазами... И вдруг увидел: одна кряква вышла из стайки, резко потянула вниз и исчезла за кустами. «Подранок, надо добирать», — сказал Степаныч, и мы вдоль берега направились к месту посадки или падения утки. Вышли точно. Я только увидел, как она метнулась к куртине куги и нырнула, но выстрелить не успел. Бой бросился в воду, доплыл до места, где исчезла утка, и... исчез. «Степаныч, Бой тонет!» — закричал я и полез в воду спасать нашего любимца. Но из воды уже показалась голова собаки с крякухой в зубах, которую он поймал, нырнув. Пес подплыл к берегу и положил утку — тащить ее к нам, видно, уже не было сил. Я подбежал к нему, схватил его, мокрого и грязного, на руки и прижал к себе. Слов не было! Бой сделал нам потрясающую охоту!

До базы оставалось совсем близко, когда из куста на берегу вырвался просто шумовой вальдшнеп и полетел над полем, мелькая рыжими крыльями. Мы успели сдернуть ружья... Это был тринадцатый. Сели на поваленную березу, разложили в ряд трофеи во главе с петухом и крякухой и, молча, любовались... Было тихо, тепло, залив сверкал спокойной гладью в лучах заходящего солнца. Золотая, багряная, русская осень была во всей красе перед нами. Хотелось смотреть, дышать и радоваться жизни. Великий охотник растянулся рядом и заснул. От тихонечко взлаивал, лапки у него дергались: он и во сне работал, поднимая золотых, как русская осень, птиц.

Рисунки Бориса Игнатьева

В австрийских Альпах

В доме охотничьих трофеев Макса Шустера: Манфред, Владимир и Макс

Фото автора

В. КОСТРОМИН

В очередной раз я получил приглашение от Макса поохотиться вместе с ним в его охотугодьях, находящихся в австрийских Альпах. Макс Шустер — известнейший баварский охотник. Ему 62 года, с 14 лет он занимается охотой. Много охотничьих дней и ночей мы провели с ним вместе на охоте у нас в России и Казахстане. Охотились на сибирскую косулю, сибирского козла — козерога, марала, медведя и, конечно, на глухариных и тетеревиных токах. Макс — истинный охотник, неутомимый рассказчик и душа любой компании. Где бы мы ни охотились, всегда слышали от наших друзей-охотников только самые теплые воспоминания и пожелания увидеться вновь. Сам он живет в пригороде Мюнхена и уже около 20 лет арендует небольшую территорию в австрийских Альпах. Ежегодно с друзьями занимается проведением всех биотехнических мероприятий, организует в трудный зимний период подкормку копытных и делает всю работу, какую обычно делают наши егеря по воспроизводству и охране животного мира. Естественно, за аренду охотугодий он выплачивает ежегодно сумму, равную примерно полугодовой зарплате обыкновенного служащего в Германии.

Ежегодно он имеет право и даже должен отстрелять (так как копытные поедают молодые посадки хвойных) 10 оленей, 15 косуль, 10 горных коз — серн, по 2—3 глухаря и тетерева. Мясо отстрелянных животных он может взять себе или сдать производителям мясных деликатесов. Продукция из мяса диких

животных высоко ценится и охотно готовится в различных ресторанах. Каждый второй житель Австрии или Баварии является охотником или каким-то образом причастен к охоте как член семьи охотников или друзей охотников. Лицензии на отстрел, как таковые, не выдаются, а выдается лишь годовая квота на отстрел, которую необходимо обязательно выполнить на 100 процентов.

Территория охотугодий — это Альпы высотой до 2300 м, поросшие хвойным лесом, — ель, лиственница, сосна и различные кустарники. Так как внизу у подножья гор расположены знаменитые курорты Бадвармштайн, а в зимний период известнейшие горнолыжные курорты и трассы, то летом проводится очень большая работа по укреплению склонов гор от схода снежных лавин с помощью железобетонных конструкций, а также высаживается большое количество молодых елей и лиственниц, что является источником пищи для копытных. Поэтому численность животного мира строго регламентируется, и выделенную квоту на отстрел необходимо строго выполнять.

Мне всегда очень хотелось побывать там, увидеть все самому, поохотиться, так как очень много интересного я слышал от Макса. И вот наконец появилась эта долгожданная возможность, рейсом Екатеринбург — Франкфурт-на-Майне — Мюнхен я вылетаю 5 октября. Стою у трапа «Боинга» компании «Люфтганза» с легкой сумкой, так как все необходимое для охоты я получу у друзей в Германии, да и меньше проблем с вывозом своего охотничьего оружия. В огромном самолете, летя-

щем до Франкфурта, было много свободных мест, и за 4,5 часа полета можно было хорошо отдохнуть. Во Франкфурте часовой перерыв, снова в самолет и через 45 минут я уже в Мюнхене. Мюнхенский аэропорт — это красивейшее здание. Все таможенные и пограничные процедуры настолько просты и быстры, что даже не замечаешь, как оказываешься уже по ту сторону границы. В аэропорту меня встречают мои друзья Макс и Манфред. После дружеских приветствий и охотничьих церемониалов усаживаемся в «мерседес» Манфреда и едем к нему домой. Времени уже 23 часа, поэтому застолье и разговоры были короткими, решили утром подробно все обсудить и готовиться после обеда к выезду в горы.

После обеда через красивейший город Мюнхен, мимо Олимпийского стадиона едем к Макс. Сборы заняли около 40 минут, и все необходимое для охоты загружено в вездеход «мерседес». «Владимир! не забудь взять цепи для колес. В горах уже зима, снега около 50 сантиметров», — несколько раз предупреждает меня Макс. В 16 часов мы готовы и выезжаем. До места примерно 2,5 часа по автобану Мюнхен—Зальцбург. Что такое автобан, в Германии многие, наверное, знают. Это три полосы движения в одном направлении, где скорость не ограничена. С какой скоростью может ехать ваш автомобиль и как вы себя сами чувствуете, например, на скорости 200 км в час. Разрешается все, есть только ограничения в опасных местах — это съезды с автобана, выезд на автобан, ремонтные работы и т. д. Но после 16 часов автобан превраща-

ется часто в огромную пробку, сотни автомобилей возвращают своих хозяев с места работы домой. В подобную ситуацию мы примерно и попали. Проезжаем мимо живописных баварских полей с типичными для этих мест крестьянскими домами, на полях часто видим пасущихся косуль, на загороженных сеткой участках встречаются стада ланей и даже страусов. Проезжаем вдоль красивого озера Химзее с двумя островами — Женский остров и Мужской остров, там находятся соответствующие монастыри. На озере, вдоль дороги, сидят тысячи из утиной брани, особенно много нырковых — красноголовые нырки, чернеть. «Зимой, когда озеро замерзает, мы охотимся на уток на впадающих в озеро реках загоном. Два человека на лодках делают по реке загоны, стрелки стоят по берегам реки. Прошлой зимой командой из 10 охотников мы отстреляли примерно 500 уток в один день», — рассказывает Макс в перерывах телефонных разговоров. Его соновый телефон не умолкает: то звонят с работы, то друзья и коллеги-охотники из Австрии, интересующиеся планами на сегодняшний вечер.

«Владимир! Есть два варианта на сегодняшний вечер. Можно ночевать в горах, но домик не протоплен, можно ночевать у моего старого друга. Он владелец небольшого гостхауза — гостиницы возле гор. Там тепло и уютно, а утром поедим в горы», — советуется со мной Макс. Решаем, что лучший вариант все-таки в горах, это мне больше нравится, и хочется быстрее оказаться на месте, ближе к природе, охоте, неизвестному. Макс соглашается и прибавляет скорость, чтобы засветло приехать на место. Проезжаем сквозь огромный туннель около двух километров длиной, идущий под горами, и выезжаем в долину. Слева и справа от нас огромные горы, внизу поросшие лесом, со снежными шапками наверху. На лугах, высоко над дорогой мирно пасутся альпийские красно-белые коровы и вислухие белые овцы.

«Это уже Бадгасштайн! Видишь слева огромную гору, уходящую в облака, а на правом склоне черную точку? Это моя гора, а черная точка — моя охотничья хижина», — говорит Макс. Очень красиво и интересно, как в сказке. Внизу настоящее лето, зелень, тепло, слева мирно течет река, а сверху зима — таинственная и, кажется, суровая, и где-то в этой неизвестности сверху на нас тоже смотрят олени, серны, косули. Следов косули меньше, видимо предпочитают оставаться в зеленой зоне. Примерно минут через сорок подъезжаем к охотничьему домику или, как говорит Макс, хижине.

Небольшой домик стоит на плато, на высоте 1800 метров, слева, уходящий вниз крутой склон до самого городка, огни которого хорошо видны сверху. Когда-то это был старинный дом семьи лесорубов, осталась каменная ограда вокруг дома, остальное построено уже заново 20 лет назад. Возле дома стоит

охотничья вышка — неудивительно, так как вокруг видны следы оленей. Под навесом возле дома стоит генератор «Хонда», который запускается со второй попытки, и веселый свет приветствует нас. На дверях читаю табличку «Охотничья хижина Макса». Входим в дом, в прихожей стоят две двухъярусные деревянные кровати, слева дверь, ведущая в кухню, огромная кухня с печкой, возле которой лежат в пластмассовом коробе сухие дрова, слева через дверь спальная комната для двоих, на кухне красивый кухонный гарнитур с уголком мягкой мебели, на стенах охотничьи картины и цветные фото, трофеи. В спальне комнате тоже печь, в холодной части расположены: склад для продуктов, туалет и ванная тоже с отдельной печью, есть дверь, ведущая на другую сторону дома к огромной деревянной колоде, в которую постоянно бежит вода.

Кухня охотничьей хижины Макса

Система холодного водоснабжения интересна по своей конструкции. Примерно в 50 метрах выше хижины, буду так называть этот нормальный дом, протекает горный ручей. В русле этого ручья установлена 200-литровая бочка-фильтр, из которого по трубе вода подается к хижине, на кухню, ванную и постоянно на перелив к деревянной колоде для мытья и чтобы система не замерзала. Все просто — без насосов и механизмов — постоянно чистой альпийская вода. Раствопливаем обе печи, и уже через 10 минут становится совсем по-жизнелюбиво, весело потрескивают дрова, от печей пошел жар. Готовим ужин, жарим отбивные из привезенных полуфабрикатов, сыры, овощи, окорок и, конечно, 100 граммов за благополучное прибытие. Через час зажигаем 3 керосиновые лампы, глушим генератор и пьем пиво в экзотической обстановке при свете ламп и потрескивающих пещках. Обсуждаем варианты утренней охоты, решаем, что я в первую очередь должен отстрелять: хорошего самца серны (так как я никогда не охотился на эту таинственную и экзотическую козочку), а потом уже оленей и косуль. Еще раз осматриваю и прикладываюсь к винтовке, с которой

завтра буду охотиться. Это в нашем понимании одноствольная переломка с мощным нарезным стволом калибра 30. «Блазер» 30R — так называется это современнейшее охотничье оружие. Я сам специально выбрал из огромного арсенала Макса эту винтовку, всего один патрон — шансы у зверя увеличиваются, стрелять нужно аккуратно и по месту. «Элегантная и интеллигентная винтовка», — повторяет Макс. Сам он решил завтра свой карабин не брать, чтобы не было соблазна выстрелить самому, а предоставить возможность первого выстрела мне, как гостю.

Укладываемся спать, в хижине уже довольно тепло, и вот уже в половине шестого утра звенит будильник. Встаем быстро и весело, пьем чай и в 6.00 выходим из хижины. Поднимаемся вверх по горным тропам, по нетронутым снегу идем к дальней вышке, где могут быть серны. Еще темно, воздух очень чистый, но высота чувствуется. Макс — опытный охотник в горах, а для меня — уральского охотника горы всегда экзотика и, наверное, чрезмерное напряжение, так как уже через полчаса начинаю отставать, и Макс поджидает меня, опираясь на альпийский шток — обыкновенную палку, срубленную из рябины. Уменьшаем скорость, и примерно через час мы стоим возле огромного склона, изредка поросшего елями, уходящего вниз, где шумит река и с противоположной стороны в реку низвергается водопад. На кромке этого склона стоит охотничья вышка. Прежде чем подняться на вышку, внимательно осматриваем в бинокль склон, еще сумерки, но в бинокль видно все прекрасно. Никаких признаков жизни, тихое белое безмолвие. Поднимаемся на вышку и садимся. Для двоих человек места вполне достаточно, обзор прекрасный. Уже представляю, как я буду стрелять, где наиболее вероятно появление серн. Сидим абсолютно тихо, небольшой ветерок дует в лицо, вроде все как надо. Уже 8 часов утра, ничего нет, около 9 часов решили снимать и идти назад, видимо смена погоды сыграла свою роль, звери спустились ниже.

Приходим в хижину, переодеваемся. «Съездив в городок. Поговорим с друзьями, узнаем обстановку и обсудим план по вечерней охоте», — говорит Макс. Садимся в машину, и по пробитой вчера колеи машина уверенно катится вниз. Уже нет вчерашнего страха, 40—50 сантиметров от пропасти уже кажутся достаточным расстоянием. Возле въезда в городок встречаем друга и помощника Макса — Антония. Ему 68 лет, но он бодр, весел, и почти все охотничьи вышки в горах построил он сам, помогая друзьям. Он тоже готовился к нашей встрече и два дня контролировал ситуацию, на следующее утро он предложил новый вариант, где вчера видел серн. Завтрак, совмещенный с обедом, провели в небольшом ресторане возле нашей горы, где весь персонал принимал нас как родных, внимательно слушая рассказы Макса,

некоторые, наверное, не в первый раз, но всегда дружно смеясь и восторгаясь. После обеда заехали к другу Максa, владельцу гастхауза, ему 82 года, но он довольно энергичен и весел. Это, наверное, влияние целебного альпийского воздуха. Выгрузили ему ящик яблок — подарок из сада Максa, и снова в горы, к настоящей зиме. Внимательно осматриваем следы, крупный олень прошел в 40 метрах от нашей хижины, 4 серны прошли через дорогу ночью. Решили подняться насколько сможем вверх и осмотреть склоны. До вершины горы остается примерно 1,5 километра, но автомобиль идет очень тяжело, есть опасность сноса, несмотря на наличие цепей. Решили вернуться, с большим трудом развернулись и остановились. Начали осматриваться, на одном из склонов я увидел на снегу группу серн из 11 голов. Они стояли примерно в одном километре.

Вернулись в хижину, отдохнули и в 16 часов пошли по тропе вверх. Шли очень осторожно и медленно, снег, склоненные под тяжестью выпавшего мокрого снега кусты мешали нашему движению. Минут через 40 увидели в 150 метрах выше группу животных, внимательно осмотрелись и, поняв, что это три оленя — две самки и сеголеток, пошли дальше. Наша первоочередная задача — это крупный самец серны. Примерно через полтора часа нашего похода дошли до очередной вышки, возле самой вышки сверху вниз спустилась группа горных коз, следы совсем свежие. Просидев до темноты, пошли обратно вниз, обратно добрались гораздо быстрее по своим следам и готовой тропе.

Утром опять подъем, завели авто и поехали вниз. Сегодня решили проверить вариант на 1000 метров ниже. Оставили автомобиль возле дороги на небольшой площадке и стали подниматься. Здесь снега гораздо меньше, продвигаемся довольно быстро, уже появился опыт. Через 40 минут дошли до места, шли по большому лесу — сосны, ели, лиственницы, и вот открытый участок склона, уходящего под 45 градусов вверх. Когда-то здесь прошла лавина, повалив большие деревья, которые затем спилили и спустили вниз. Внизу этого лесоповала стояла наша вышка. Участок чистого от деревьев склона размером 250 метров длиной и 150 метров шириной был как на ладони. Сидим тихо, да и вокруг гробовая тишина. Справа слышал какие-то звуки, осторожно поворачиваю голову и вижу самку оленя с сеголетком. Они медленно поднимались вверх, кормились, внимательно осматривались и опять вверх. Расстояние до них примерно 80 метров, ветер был благоприятный для нас, да и сидели мы тихо. Минут через 15 они ушли, вскоре появилась еще одна молодая самка и ушла тем же маршрутом. Видимо, олени возвращались после кормежки вверх для дневного отдыха. Уже 8 часов утра — тихо, чуть поскрипывает таинственный лес.

Макс предлагает покурить, для него это целый процесс, он закручивает самокрутки из хорошего табака, а я продолжаю внимательно смотреть на пустынный косогор. Вдруг сверху из левого угла я увидел катящийся вниз небольшой камень, молча показал на него Максу и стал внимательно осматривать в бинокль левый угол, помня советы, что катящийся камень без зверя бывает редко. И вот под большой елью я заметил легкое движение, шевеление, что это — я пока не знал. Смотрю еще внимательнее, показывая знаками Максу, он тоже смотрит в бинокль, но пожимает недоуменно плечами. Опускаю бинокль, поднимаю снова, и вот наконец-то я вижу стоящего к нам задней частью зверя, через несколько секунд разглядел и рогатую голову мощного самца серны. Он был один и осторожно осматривался. Еще раз показываю Максу знаками, что там

Автор с добытой серной

хороший козел, но Макс опять не видит, ему закрывает обзор еще одна ель, стоящая прямо перед ним, а я сижу правее и вижу. Уже громким шепотом кричу: «Гэмз! Гэмз!». Гэмз по-немецки серна. И вот этот красавец, видимо услышав наши перепалки, решил проскочить открытый участок с угла на угол небольшими прыжками с камня на камень. «Стреляй! Быстрее!» — уже громко закричал Макс. А я уже держу в перекрестии оптики правую переднюю лопатку прыгающего зверя, спуск шнеллера не ощущается, мощный выстрел — и вижу уже только мелькающие ноги, лежащего на спине козла. Сердце радостно бьется, Макс обнимает меня, поздравляет, наверное, три секунды прошло от первого прыжка серны до выстрела. Заряжаю опять «Блазер» и с огромным удовольствием закручиваю самокрутку, лежащую передо мной. А Макс уже по сотовому телефону рассказывает Манфреду, сидящему

у себя в Мюнхенском бюро, как Владимир уже отстрелял капитального самца серны, разбавляя свой рассказ обычными для него шутками и прибаутками.

Лежащего от нас в двухстах метрах зверя уже не видно, опять тихо, как будто ничего и не было. Покурив, спускаемся с вышки и поднимаемся вверх, лавина хорошо поработала, везде пни, коряги, камни. Двести метров показались целой вечностью. Вот он — горный красавец, лежит перед нами. Выстрел получился классическим, четко по месту. Козел уже в зимнем одеянии, вылинял полностью, по размерам, как наша сибирская косуля. Быстро выпускаем внутренности и готовимся транспортировать тушу вниз к машине. Макс передает мне свой рюкзак, набрасывает на голову зверя веревку и начинаем спускаться вниз. Макс тянет веревку, а я лишь изредка помогаю ему, подправляя задние ноги зверя. На ровных участках Макс бросает наш трофей вниз, и он самостоятельно 15—20 метров катится. Операция по транспортировке альпийской серны до машины прошла довольно быстро и весело. Загрузившись в машину, поднимаемся вверх к нашей хижине. Немецкие охотники, в отличие от нас, привозят копытных целиком домой, в шкуру. Зверь должен около недели висеть, в шкуре без внутренностей, в холодильнике, тогда качество мяса становится совершенно другим — деликатесным. Потом уже туша разделяется полностью.

«У нас в хижине гость», — говорит Макс, показывая на след от машины, поднимающийся тоже вверх. Возле хижины стоит «Фиат»-4WD по размерам, как наша «Ока». Рядом стоит мужчина, одетый в классическую охотничью одежду с молодым ягдтерьером. «Привет, Йозеф! Что привело тебя к нам?» — спрашивает Макс. «Стреляли...» — как в известном фильме, отвечает он. Йозеф — профессиональный егерь, живет внизу в Бадгаштайне. Он занимается также охраной охотугодий. Услышав выстрел, он решил приехать и убедиться, все ли в порядке. Сердечно поздравляет меня: «Вайдмансхайль!» — «Вайдмансданк!» — должен отвечать я. Быстро выгружаем и подвешиваем серну, накрываем стол, и дальше все как у нас: поздравления, тосты, рассказы бывалых, удивленно-восторженные лица слушающих. Два часа застолья пролетели быстро. Йозеф собрался уезжать домой, завтра он обещал мне выписать настоящую охотничью карту серны, для транспортировки трофея в Россию, так как я возмужу домой череп с рогами и шкуру для таксидермических целей.

Решили сегодня сделать банный день. Растопили в сауне печь, залили воду, день прекрасный, яркое солнце, тепло, хотя вокруг лежит снег. Вынесли из хижины две раскладушки, хорошее красное вино и улеглись принимать солнечные ванны. Начал дремать, но Макс разбудил меня, сказав, что баня уже готова. Лежу в большой ван-

не, наполненной горячей водой и обильной пеной, с сигаретой в зубах. Ну чем не жизнь! Дверь открыта, кругом горы, покрытые снегом, лес, чистейший воздух и маленький кусочек цивилизации с потрескивающей печкой. После такого блаженства опять растягиваюсь на раскладушке с бокалом прохладного пива.

На охоту решили выходить сегодня в 17 часов. Посоветовавшись, решили, что я сегодня иду один на правую дальнюю вышку, а Макс вниз налево. Мы должны отстрелять сегодня двух оленей, молодых самцов или самок-одиночек или двух косуль. По проторенной тропе я быстро добираюсь до вышки, сажусь, устраиваюсь поудобней и замираю. Сегодня я один, должен внимательно смотреть и аккуратно стрелять. Через 15 минут вижу четырех серн, спускающихся вниз в долину. До них примерно 150 метров, внимательно смотрю в бинокль — самки с сеголетками, крупного козла нет, да и я должен ждать других. Через 5 минут они уже скрылись в кустарниках. Уже в сумерках эта же группа той же тропой поднялась обратно. Оленя я так и не увидел. Жаль, но охота есть охота. Иду назад уже в полной темноте. Макса еще нет, так как в хижине темно, запускаю генератор, растапливаю печи, переодеваюсь. Машины нет, Макс уехал вниз. Примерно через час слышу звук подъезжающей машины. По улыбающемуся и веселому Максусу понял, что он что-то отстрелял. «Владимир! Печь готова? Сегодня будем жарить оленью печенку», — радостно сообщил он. Уже в сумерках он отстрелял молодую самку, из группы в четыре головы. Подвесили оленуху рядом с серной. Сегодня был удачный день! Решили, что я готовлю ужин — печенку по русскому рецепту.

Наверное, многие охотники готовят печенку по своим рецептам, а мы готовим так. Печень нарезается порционными крупными кусками, посыпается солью и перцем. Разогреваем хорошо сковороду, нарезаем свиной шпик — и на сковороду, затем добавляем лук, когда шпик подтопится и начнет «шкварчать», укладываем печенку. Жарить нужно недолго, 2—3 минуты на одной стороне, затем на другой. Все! Готово! На тарелочку, посыпается луком. Готовится соус — грузинская аджика смешивается с майонезом «Провансаль». Все это я и проделал, аджику и майонез я привез с собой. Печень получилась розовая внутри, нежная, ароматная. 100 г традиционно присутствуют в этой рецептуре. Максусу, большому любителю охотничьей кулинарии и любителю все делать своими руками, рецепт понравился. Сидим за столом два часа, и после долгих обсуждений и обоюдного согласия решили завтра уезжать в Мюнхен. Набиваем полностью печи дровами и укладываемся спать. Утром просыпаюсь от позвякивания посуды на кухне, Макс уже моет посуду после вчерашнего застолья. Насколько он чистюля и любитель хозработ, можно написать отдельный рас-

сказ. Умываюсь и пытаюсь ему помочь, но он просит меня вытрясти на улице половики. Половики такие же, как у нас тут в деревнях, в Баварии это модно и традиционно. Макс уже моет полы, для меня это, конечно, удивительно, но я понял, почему было так чисто, когда мы приехали сюда в первый вечер. Самое главное — оставить после себя идеальный порядок и чистоту, ведь сюда приезжают друзья Макса одни, без него, а чистота и порядок — это лицо хозяина и честь мундира. Да и с друзей он требует оставлять хижину в надлежащем порядке, если кто-то нарушает эти традиции, больше здесь не охотится. Через два часа все готово, все загружено, пьем кофе и вниз. До свидания, прекрасная хижина!

Вниз спустились довольно быстро, заехали и попрощались с друзьями в Бадгасштайне и едем по автобану Зальцбург—Мюнхен. Зальцбург — из-

Этим трофеем завершилась охота

вестный в Австрии, да и в мире, город, родина Моцарта и т. д. Решили заехать в Зальцбург и часа два погулять по этому прекрасному городу. В южной части города находятся виллы известных в мире людей. Проезжаем мимо виллы известного тенора Паворотти, Арнольда Шварценегера. В центре города оставляем машину на стоянке и идем пешеходным маршрутом, тысячи туристов гуляют в центре, конечно, заходим в охотничий магазин, где Макс покупает себе шляпу из заячьего пуха, а мне в память о Зальцбурге охотничью толстовку. Заходим в кафе «Моцарт», где, как говорят, любил пить кофе этот известный композитор. Много интересного, но это отдельный рассказ, через два часа опять едем в сторону Мюнхена. Продвигаемся довольно быстро, звоним по дороге Манфреду, и вот он уже ждет нас возле дома. Я остаюсь у Манфреда, а завтра вечером Макс назначает у себя дома охотничий ужин с

друзьями. У него собирается 12 человек — его лучшие друзья-охотники.

Как я уже говорил ранее, Макс занимается охотой очень длительное время, поэтому у него возникли проблемы с размещением трофеев в жилом доме. Три года назад он построил рядом с домом охотничий дом. Это здание размером примерно 200 квадратных метров с большим залом, кухней и столовой на 20 человек. На стенах зала размещено около 500 трофеев косуль, 200 — серны, 100 — оленья и около десяти козла. Много различных трофеев из Африки, Канады, России, то есть настоящий музей охотничьих трофеев. Регулярно, два раза в месяц, здесь собираются друзья-охотники, готовятся охотничьи закуски, естественно, выпивают, обсуждают результаты прошедших охотничьих дней.

Вот и сегодня вечером мы собрались здесь. Осматриваем новые трофеи и садимся за стол. Первый тост Макс предлагает выпить за меня и объявляет меня действительным охотником за серной, с вручением специального значка с изображением головы серны и альпийского ледоруба, затем кратко рассказывает о прошедшей охоте. Все поздравляют меня, что, конечно, очень приятно.

Начались охотничьи рассказы, подобные нашим у костра, когда все уже немного навеселе и каждый спешит рассказать свое. Одна группа вернулась недавно из Венгрии, где они охотились на европейского оленя и кабана. Они привезли показать мощные красивые рога трех оленей. Другая группа вчера вернулась из Канады, где они охотились на лося и северного оленя — карибу, но они имеют только фотографии, так как трофеи придут месяцем позже. По середине нашего стола лежит готовый трофей мой серны, украшенный еловыми веточками. Макс часто готовит сам, особенно традиционные охотничьи блюда. Вот и сейчас он вносит и под восторженные возгласы нашей братии ставит на стол большой противень с половиной кабана, запеченного в духовке и залитого специальным соусом. Подают кнедли и холодный картофельный салат. Каждый получает по огромному куску молодой кабанятины с желто-коричневой хрустящей корочкой. Веселье, застолье, разговоры; четыре часа пролетели незаметно, все прощаются и разъезжаются по домам. Мы вчетвером еще час сидим и вспоминаем прошлые охоты, говорим о планах на будущее. Мне нужно через два дня вылетать домой, поэтому составляется срочный и первоочередной план на следующие дни. Мы с Манфредом решили еще раз побывать в Альпах, но уже в другой части Австрии — Инсбрук, Цинтенталь, Тироль — красивейших местах, но это тоже целый отдельный рассказ.

И вот опять аэропорт, меня провожают Макс и Манфред, быстро прохожу все таможенные процедуры, прощаюсь «со слезами на глазах».

До свидания, Германия!

Здравствуй, дорогая редакция! Трудно в письме высказать все те добрые слова, которые ваш коллектив заслужил по праву за свой многолетний, наверняка не легкий труд, переоценить который вряд ли возможно. Каждое слово в журнале, каждый штрих буквально проглатывается, и только потом «пробуется на вкус», перечитывается, откладывается в сознании. Читается все, даже состав редакционной коллегии, в котором с острой болью воспринимаются некоторые изменения (с октября 1999 режет глаз пустое место там, где должно быть напечатано — Ю. П. Язан). Нет больше Юрия Порфирьевича — больно! Даже выходные данные, даже число тиража, который, к сожалению, сокращается год от года. И приходят беспокойные мысли — что же дальше будет?

Но чтение заканчивается, и вот уже неизменная статья В. Шишкина, закрывающая журнал, с его прекрасными рисунками, создающая настроение радостного ожидания следующего номера. Открыл как-то четвертую страницу обложки и вдруг — шок, всплеск эмоций. Видишь динамику, напряжение момента, ощущаешь выброс адреналина, потеют ладони — ты весь там, с товарищами, с ружьем, оказываешься в до боли знакомой ситуации, когда медведь вот так же высунулся и пытается достать лапой твоего молодого, горячего кобеля. Конечно, это рисунок Бориса Игнатьева. Как хочется поставить его в рамку и на стену. Но как, ведь не поднимется рука резать журнал? Тем более, что на другой стороне изображены птицы В. Шишкина — их тоже хочется сохранить! Поэтому обращаюсь в редакцию с просьбой сделать в середине журнала вкладку для рисунков ваших художников, конкурсных фотографий. А чтобы операция была «бескровной», на противополож-

ной стороне лучше всего помещать рекламу.

На этом разрешите откланяться, позвольте пожелать творческих успехов, живите еще много раз по 45 лет. Всегда вам преданный читатель.

А. СОКОЛОВСКИЙ
Карелия

Здравствуй, уважаемые товарищи! Пишет вам житель Бурятии Курумканского района, поселка Майский Дмитрий Федорович. Вернее, пишу я — жена его Раиса Афанасьевна.

Муж с молодых лет выписывает ваш журнал «Охота и охотничье хозяйство». Сейчас он на пенсии, но с журналом не расстается. Вот только с его получением иногда возникают неприятности, которые здорово портят нам нервы. Точно не помню, но в 1994 или 1995 году нам до мая месяца не приносили ни одного журнала, говорили, что он не поступает на почту. Сколько сил и всякой нервной энергии пришлось нам перенести, чтобы выключить эти журналы, которые уже побывали в употреблении.

В 1996 году нам не принесли журнал за февраль, сказали, что не поступал. Все эти годы мы, конечно же, выписывали «Охоту и охотничье хозяйство», но в конце месяца приходилось ходить на почту, напоминать, звонить в район. Когда в 1999 году подошло время подписки, я написала журнал на год. Мне дали квитанцию с индексом, конечно, «Охоты и охотничье хозяйство», а в начале февраля нам принесли журнал за январь под названием «Охотник». Мы сразу на почту, звоним в район, нам отвечают, что деньги оформлены за журнал «Охотник», и на этом основании мы будем получать именно его. В районе конечно не стали выяснять, что все-таки написано.

Мой супруг очень расстроился, он многие годы постоянно выписывал ваш журнал, очень привязан к нему, все говорит, что не нужен ему этот «Охотник». На почте сказали, что целый квартал мы будем получать «Охотник», а потом уже «Охоту и

охотничье хозяйство». Мы получили три номера ненужного нам журнала. Но уже 16 мая, а журнала «Охота и охотничье хозяйство» все еще нет. Нам снова говорят, что не поступал.

Когда-то в нашем поселке ваш журнал многие выписывали, а сейчас только мой муж. Что нам делать? Мы пенсионеры, но на подписку всегда берегли деньги. Извините за беспокойство и по черк, пишет старый, больной человек. Спасибо, что делаете интересный журнал.

Р. А. ОЗЕРОВА
Бурятия

Здравствуй, уважаемая редакция! Ваш журнал я выписываю с апреля 1999 года. У меня уже появился любимый автор — это Алехин Игорь Иванович. И я был бы рад видеть его рассказы в журнале как можно чаще. Когда получаю очередной номер, сразу же смотрю оглавление, есть ли там Алехин. Мне его интересно читать еще и потому, что он — мой земляк.

В свои 16 лет я получил охотничий билет. Помог мне в этом А. Т. Головин, который работает в Тимашевском ООиР. Но в станице он у нас и как егерь — это очень хороший и порядочный человек. Мне очень повезло, что он — лучший друг моего отца. Спасибо Вам, Анатолий Тихонович, дай Вам бог здоровья, счастья и долгих лет жизни!

М. КРЫШКИН
Краснодарский кр.

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам будущий охотник, мне 17 лет. Написать вам меня подтолкнуло чувство благодарности. А знаете за что? Во-первых, за то, что вы есть, а во-вторых, за то, что напечатали фотографию моего дедушки Никитина Юрия Павловича на первой странице обложки в № 9 за 1993 год. Он сидит на земле с двумя гончими собаками.

Мой дедушка умер в июле 1993 года. Когда его не стало, если бы вы знали, как я по

нему скучал! И вот через два месяца вышел журнал с его фотографией. Вы не просто напечатали фотографию, вы увековечили дорогого мне человека в вашем журнале, ведь он разошелся по всей России, его увидят очень многие охотники. Мой дедушка был егерем, охотником, мастером своего дела, он останется в памяти тысяч охотников.

Я прочитал все ваши номера, начиная с 1990 года, теперь решил сам выписывать журнал. Охотником стану уже в четвертом или пятом поколении. Жду не дожидусь, когда исполнится 18, чтобы вступить в охотколлектив и купить себе ружье, о котором мечтаю с четырех лет. Обещаю, что напишу вам, когда это случится, чтобы поделиться своими ощущениями и радостью.

Желаю вашему журналу жить так же долго, как сама охота. Счастливо!

Ю. НИКИТИН
Ленинградская обл.

Здравствуй, дорогая редакция! Я никогда раньше не писал писем в журнал, хотя очень люблю читать его. Охотой увлекся еще с детства, и, кажется, на всю жизнь. Но уже год, как я не охочусь, потому что не могу, стал инвалидом после производственной травмы. Однако я надеюсь встать на ноги и снова пойти на охоту. За год, который я пролежал, успел перечитать журналы за 11 лет.

Собственных журналов у меня, правда, немного, но я достаю через других охотников. И когда я их читаю, забываю про все на свете, и про боль тоже! Читаю и вспоминаю свои охоты, мечтаю о новых. Узнал много нового, полезного, сделал выписки в свою записную книжку: где, в каком номере, про какую охоту написано.

Кроме этого, в библиотеке перечитал всю охотничью литературу: Аксакова, Тургенева, Ливеревского, Астафьева, Арсеньева и многих других писателей. Вот и все, что я хотел сказать.

А. ОГУРЦОВ
Архангельская обл.

Уважаемая редакция! По-сылаю вам фотографию, сделанную после удачной охоты. На ней мои сыновья — будущие охотники Сергей и Василий. Если она покажется вам интересной, опубликуйте ее на страницах моего любимого журнала, который я пишу с 1984 года.

А. АВРАМЕНКО
с. Поречное, Чувашия

Здравствуй, уважаемая редакция! Старейшему гончатнику, заводчику англо-русских гончих Секорину Николаю Александровичу исполнилось 60 лет. Я буду очень признателен и благодарен, если через журнал вы опубликуете мое поздравление.

Я не встречал еще людей, так фанатично преданных любимому делу — разведению англо-русских гончих. Это такое кропотливое и трудное дело, на которое надо положить не один десяток лет. Его высказывание: «Кто гончих не держал, тот горя не видал», по-моему, дает представление, что это за работа.

У него не раз крали знаменитых гончих, в том числе и Зарева 2708, имеющего полевые дипломы I, II, III степеней по зайцу-беляку. Но всегда их находил. То, что подчас не удавалось районному отделу

милиции, удавалось ему одному. Даже из Прибалтики возвращались его собаки, хотя на поиски уходило по 4—5 месяцев.

Не повезло Николаю Александровичу с первой женой — не разделяла она его увлечение охотой и англо-русскими гончими. Зато вторая супруга любит собак, наверное, не меньше самого Секорина. Но, к сожалению, часто приходилось ему расставаться со своими питомцами. Уж очень короток собачий век. Чтобы навсегда сохранить память, Николай Александрович хоронит их у одного геодезического знака.

Живет этот замечательный человек в г. Кириши Ленинградской области. Сам я охотой и собаками занимаюсь с 1988 года. Мне 38 лет, имею двух англо-русских гончих (выжлец и выжловка) и одного ягдтерьера-девочку.

М. МИНАЕВ
Тамбовская обл.

Добрый день, уважаемая редакция! Я регулярно пишу и читаю ваш журнал «Охота и охотничье хозяйство». В последнее время он стал интереснее, появились новые рубрики и оформление стало лучше. Однако есть, мне кажется, и недостатки.

Как вы освещаете, например, раздел «Письма читателей»? Получается, что ни егерь, то друг природы, а охотники — браконьеры. А на самом деле все наоборот. Взять хотя бы наш Тарногский район, на северо-востоке Вологодской области. Все сводится только лишь к личной наживе и обогащению за счет природы. Все делают вид, что борются с браконьерами. А забыл охотник, которого, кстати, все знают, документы, сразу в протокол. А волки? За последние пять-семь лет не организовано ни одной облавы, хотя желающих хоть отбавляй. Может, потому, что за волков нужно давать лицензии на отстрел лосей и кабанов? Ответ можете не писать, все равно ничего не измените.

И. ПОПОВ
Вологодская обл.

На снимке группа охотников, принимавших участие в облаве.

Уважаемая редакция! Активной охотой занимаюсь с 14 лет. Но время идет — в апреле мне исполнилось 70 лет. С грустью начинаю подумывать об, как говорят в авиации, «уменьшении оборотов». Расставаться с охотой и всем, что с ней связано, не хочется. Вот и решил написать вам об одном из эпизодов охотничьей жизни в нашем крае. И, конечно, хотелось бы увидеть заметку на страницах нашего журнала.

Боевые действия в сопределной со Ставрополем Чечней принесли беспокойство охотфауне. Волки спустились с гор на равнину. Руководством Управления охотхозяйства Ставропольского края прогнозировалось такое развитие ситуации и заранее готовилась встреча «гастролеров». И вот первый сигнал! Районным охотоведом Кочубеевского района СТРЕЛОВЫМ Александром Иннокентьевичем обнаружены следы волчьей стаи, состоящей предположительно из 11 особей.

Ранее сформированный отряд под руководством охотоведа Стрелова А. И. в срочном порядке выехал к месту предполагаемой дневки хищников.

Облава дала результаты — отстрелено четыре волка. Отличились Клименко А. И., Стрелов А. И., Еремин Н. В. (на фото в центре).

И. ГОВЯДОВСКИЙ,
Почетный член ВОО,
полковник

Фото И. Ефимова

« Будет брат »

Борис МИХАЙЛОВСКИЙ

Заключительная глава поэмы.
Охотники возвращаются домой после
неудачной коллективной охоты на ло-
сей.

От автора:

Все унылою гурьбой,
Недовольные судьбой,
Самой поздней электричкой
Возвращались домой.
Кто читал, а кто дремал.
Лишь один не унывал,
Подозрительно веселый
Трепотнею занимал.

Охотник:

«Вот такие пироги!
Что тут скажешь, мужики?
Неудачные охоты,
К сожаленью, нередки.
Почему в иные дни,
Что похмелию сродни,
Неудачи на охоте
Нас преследуют одни?
Как башкою ни крути
И мыслями ни верти,
Однозначного ответа
Хоть ты тресни — не найти.
Ходят слухи (не один) —
В Главохоте важный чин
Отступился, разбираясь
В этом множестве причин.
А ведь это не мур. —
И давно бы им пора
Систематику явления
Взять и выдать «на гора»
Иль, ВНИИОЗу поручив,
Разработать норматив.
(В этом темном деле можно
Черт-те что вписать в актив!)
Кто подумает тогда,
Что все это ерунда,
Раз научная основа
Будет явственно видна?
Это к слову, а пока,
Не валяя дурака,
Полагаю, что охота
Ни к чему для мужика.
Я на днях «АиФ» листал
И такое там узнал,
Что, когда прочел заметку,
Чуть со стула не упал.
Ведь не знали мы совсем
(Был статистик глух и нем),
Что мужик живет на свете
Меньше бабы лет на семь!
Ну, кажися, почему?
А раскинув по уму,
Лишь сейчас мне прояснило,
Что причина есть тому.

* Начало поэмы опубликовано в журнале
«Охота и охотничье хозяйство» в № 9 1989 г.

Вот возьмите хоть бы нас:
Пыл души сейчас угас,
А какой совсем недавно
Был охотничий экстаз!
Это вроде бы как бес
Ненароком в душу влез
И внутри всюду шурует,
Вызывая сильный стресс.
А при стрессе, сам сечешь,
Разве долго проживешь?
Вмиг чего-нибудь подхватишь
И все нервы растрясешь...
Говорят, любовь столь зла,
Что полюбишь и козла.
Ну а что неволи пуще?
Весь в охоте корень зла!
Эта истина до дна
С очевидностью видна,
Потому как на охоте
Нервотрепка лишь одна.
Я не знаю, как у вас,
У меня же всякий раз
В дни охоты треволнений
Пополняется запас.
От обиды хоть в запой!
Но удел всегда такой:
То в загон тебя отправят,
То на номер страховой.
А поскольку в том краю
За историю свою
Лоси вовсе не бывали —
Шансы сводятся к нулю.
Иль не ясно, почему —
(Может, некогда ему) —
Бригадир тебе доверит
Выбрать место самому.
Хорошо, колы угадал
И на верный номер встал,
Да к тому же не промазал
И лосей заповлевал.
А прошли они не тут?
Непременно носом ткнут —
Будто мог ты знать заранее,
Где те лоси перейдут.
Ну а если оплошал:
Зеванул иль не попал?
Иль подранил ненароком?
То — тогда вообще завал!
Не захочешь пить и есть,
Потому что вечер весь
Будешь слушать популярно
Объяснение — кто ты есть!
Ведь когда до темноты
Не добрал подранка ты,
А копыта лось откинул, —
То лицензии — кранты!
И при случае таком
Тебя вспомнят вечером,
Применив ненормативный
Обиходный лексикон...
И, конечно, был любой
В ситуации такой:
Когда ты стреляешь в лося
И соседний номер твой.

Здесь хоть лоб себе разбей
И клянись Вселенной всей,
Доказать ни в жизнь не сможешь
Свое право на трофей!..
Но на номере стрелок
Пусть замерз, но хоть не взмок.
Жизнь загонщика похуже,
Им бы стать не каждый смог.
Как солдату «на губе»,
«Повезло», считай, тебе,
Коль в загон тебя отправят —
Видно, трещина в судьбе!
И уж как тут ни крути,
А приходится идти
В рыхлый снег, по бурелому,
Без дороги, без пути.
Да не только дело в том,
Что идешь с большим трудом.
А закружишься, бывало,
Еле вылезешь потом.
Помню, как-то случай был:
Потерял ориентир!
Так уже в другом хозяйстве
Меня егерь прихватил.
(Капитальнейше прижал!
Еле штрафа избежал.)
Ну а коль, не ровен час,
Черт толкнул связаться вас
С рубкой мяса... Тут такого
Понасмотришься подчас!
С каждым разом мне ясней,
Что на свете нет вредней
И конфликтней обстановки,
Чем охота на лосей!..
Мой вам дружеский совет:
Дайте все себе обет —
Завязать совсем с охотой —
Проживете сотню лет!
Почему весь женский род
Дольше нашего живет
И в блаженстве процветает,
Коль статистика не врет?
Потому, как нас умней,
Прозорливей и хитрей.
И живут себе беспечно,
Без эмоций и страстей.
Нет чтоб в доме поскрести
И порядок навести,
К возвращению с охоты
Все, что нужно, припасти.
Где там! Прошлою зимой
Приезжаю чуть живой.
Так ведь нет чтоб за бутылкой
Сбежать к ужину самой.
Да еще, похоже, врет,
Что вела на днях подсчет
И как вроде себестоимость
На лосятину растет!
Получается у ней:
При накрутке даже всей
Купит мяса в магазине
И дешевле и верней.
Мол, считала без прикрас.
И лосятина у нас

НА ПРИВАЛЕ

По цене за лососину
 Может смахивать как раз.
 Ишь — «семейная пила»
 Калькуляцию ввела!
 Страсть к охоте — не учла!
 Тоже мне «домашний КРУ»!
 (А бутылок тех, не вру,
 Я на каждую поездку
 Всего пару и беру...) —
 И еще я не пойму —
 Для чего и почему
 Хочет вызвать Кашпировский
 Отвращение к вину?
 Вроде психотерапевт,
 А, похоже, толку нет,
 Раз дает такой беспечный
 И сомнительный совет.
 Ведь еще Омар Хайям,
 Как-то раз приняв «Агдам»,
 Не забыть про это дело
 Посоветовал и нам.
 Утверждал он, что вино
 Человечеству дано
 Для того, чтоб прояснило
 Мысль и Истину оно.
 (Не понятно, правда, мне —

Если Истина — в вине,
 Для чего тогда срубили
 Виноградники в стране?!
 И хотя, как говорят,
 Их рубили не подряд,
 Но бюджет недосчитался
 Миллиардов пятьдесят!
 Знать, не дешево оно —
 Виноградное вино!)
 Кто не знает, для чего
 На охоте пьют его,
 Популярно объясню —
 Нету фарта без него.
 Для невежд толкую суть:
 К ночи, прежде чем уснуть,
 Непременно хоть немного
 Нужно Лешему плеснуть.
 Остальное сам допей
 И в надежде на трофей
 Спи спокойно, твердо зная —
 Завтра будет все о'кей!
 И, конечно же, везде
 (На охоте, как нигде)
 Все от женщины зависит
 В нашей ветреной судьбе.
 Не понятно, в чем секрет,

Но уже немало лет
 Почему-то с ней связали
 Массу всяческих примет.
 Не берусь их перечесть,
 Хотя связь такая есть.
 О другом совсем моменте
 Помануть хотелось здесь.
 Чудеса! Ну как могли
 Так прохлопать мужики —
 Символ Мужества — Охоту
 И Дианой нарекли?!
 Здесь-то женщина при чем?
 Разве нет мужских имен?!
 (Что бы бабы ни коснулось,
 Нету логики ни в чем!)
 Так, уже который раз,
 Одурачивают нас...
 Нет, за слабой половиной
 Нужен, братцы, глаз да глаз..."

От автора

Дальше было, как в кино,
 Коль не нравится оно —
 Ничего никто не слушал,
 Так как спали все давно...

ЗАО Межобластная промышленная база охотничьих и рыболовных товаров «СОКОЛ» предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области оптовые и мелкооптовые партии товаров для охотников, рыболовов и туристов

- оптические прицелы различных модификаций, кронштейны
- бинокли в ассортименте
- патронташи, погоны ружейные
- чехлы для карабинов и ружей
- наборы для чистки оружия
- масло ружейное, щелочной состав
- устройства для снаряжения патронов
- пыжи войлочные, ДВП, полиэтиленовые
- дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
- запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
- рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)

- товары для животных (ошейники, поводки, намордники и т.д.)
- одежду камуфлированную для зимы и лета
- маскхалаты, противозащитные костюмы, обувь, головные уборы
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- рюкзаки, палатки, спальники
- лыжи охотничьи
- лодочные моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (лодки, сапоги, чучела птиц)
- средства защиты от насекомых
- литературу, топографические карты для охотников и рыболовов

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиатранспорт, ж/д контейнер

т/ф (095) 748-24-22, тел. (095) 527-81-38; внутренние тел. 81-38, 80-46

Адреса:

143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д.28, ЗАО промбаза «Сокол»

129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, подъезд 2, тел./факс (095) 284-01-44

ЗАО ПРЕДПРИЯТИЕ «ОБОРОНТЕХ»

предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области следующие товары

- дымный и бездымный охотничий порох
- капсули-воспламенители «Жевело», «Центробой», «КВ»
- гильзы металлические, бумажные, полиэтиленовые
- патроны охотничьи

- газовое, сигнальное и пневматическое оружие
- ножи охотничьи
- индивидуальные средства защиты
- сигнальные средства

Отгрузка пороха и патронов осуществляется при наличии лицензии на приобретение, разрешения на транспортировку, разрешения на право хранения и ношения оружия
 тел/факс (095) 527-70-31, тел. (095) 522-38-11, внутренние тел. 87-92, 89-15

Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д. 28

территория НИТИ ЗАО Предприятие «Оборонтех»

Обеспечиваем доставку порохов, патронов и капсул специальной связью

ДЁЖКИН В. В расчете на грядущие перемены	1
АНДРЕЕВ Е. Охота на барсука	4
КОРЫТИН С. Приманка на соболя	6
ОВОДОВ Н. Судьба снежного барана	10
КРАЕВ Н. Право охоты	12
ЧЕХЛЕНКОВ В. Неудачная охота	15
ЖИВОТЧЕНКО В. Анималистическая скульптура XIX — начала XX века	16
СОКОЛОВ Н. Заячья храбрость	18
ДУДКИН В. А правильны ли правила?	20
МАРКОВ Б. Вся жизнь с гончими	22
ГИБЕТ Л. 107-я Московская	24
ТАШИРЕВ И. «Братья Меркель» сегодня!	26
БЛЮМ М. Отечественные трехствольные и четырехствольные ружья	27
БЛЮМ М. Секреты пыжей	28
ПЕТРОВ Б. Про босого деда	30
БИКМУЛЛИН А. 48645	34
ШЕВЯКОВ Ю. Тринадцать осенних вальдшнепов	38
КОСТРОМИН В. В Австрийских Альпах	40
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	21, 29, 47
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

Фамилию автора статьи «Медвежий берлоги в Эстонии» (№ 6, 2000 г.) следует читать Савалле Ю.

На первой странице обложки: Лесная куница — представитель рода куниц, семейства куньих. Обитает на Кавказе и в Европейской России — до западных областей Сибири

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:
На дне киргизского ущелья

Фото А. Дигилевича

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 04.08.2000 г. Подписано к печати 07.09.2000 г.

Формат 84X108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 25220 экз. Заказ 1877. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

До настоящего времени **кряква** остается, вероятно, наиболее массовым объектом спортивной охоты. При этом данный вид по общей численности (более 8 млн. птиц в Евразии и не меньше в Сев. Америке) уверенно занимает первое место среди всех гусеобразных. Из настоящих речных уток кряква распространена наиболее широко: от южных тундр до полупустынных и горных ландшафтов. Освоили кряквы и городские биотопы, образовав здесь оседлые, размножающиеся популяции. Гнезда устраиваются и на типичных «утиных», заросших околоводных участках, и вдали от воды, в лесных угодьях, на деревьях, на чердаках зданий, заселяют искусственные гнездовья. Разнообразен рацион крякв: от растительных кормов до беспозвоночных, мелкой рыбешки, амфибий...

В брачном пере кряковой селезень представляет внушительное зрелище: птица весом до 2 кг, с переливающимися изумрудно-зеленым и темно-синим оперением головы, окаймленной белым ошейником, клюв желтый, грудь коричневая, брюхо светлое, спинная сторона светлая с продольной буроватой полосой, переходящей в черное надхвостье и хвост, края которого белые, а темные центральные рулевые перья загнуты вверх колечком, подхвостье черное, лапы ярко-оранжевые. Оперение самки покровительственной, охристо-мелкопегой окраски. Клюв оливковый с темными участками. У обоих полов зеркальце на крыле голубое с фиолетовым отливом, окаймленное по верхнему и нижнему краю черной и белой полосками. Полет быстрый, слышен характерный свист крыльев. Голос картавое кряканье, весной селезень свистит, хрипловато «жвкает». Разнообразны брачные демонстрации. Пары у кряквы могут быть довольно постоянными, хотя на время насиживания и пребывания с выводком самец покидает самку и перебирается в места линьки. В кладке, окруженной пухом, 9—13 белых с оливковым оттенком яиц. Инкубация 27—28 дней. Едва обсохнув, пегие пуховики покидают гнездо и устремляются за самкой к месту кормежки и спасения от опасностей — к воде. Главный враг кладок и утят — серая ворона, а также другие хищники.

В Забайкалье и на Дальнем Востоке гнездится у нас **черная кряква**, сходная по размерам и окраске с самкой обычной кряквы. Характерен двухцветный клюв: большая часть черной окраски, концевая — желтая, кончик ноготка черный. Брюхо темное. Зеркальце как у кряквы, но черные каймы шире, а белые уже или отсутствуют, края примыкающих трехстепенных маховых беловатые. Даже в брачный период селезень черной кряквы по окраске не слишком отличается от самки, что не типично для речных уток. Залеты черной кряквы возможны далеко за пределы гнездового ареала. Вероятно, численность дальневосточного подвида черной кряквы не превышает несколько десятков тысяч особей.

Отчасти сходна окраской оперения с самкой кряквы и **серая утка**, область распространения которой значительно перекрывается с ареалом кряквы, но серая утка не так далеко продвинулась на север. Брачное оперение селезня преимущественно серо-бурое с красивым струйчато-чешуйчатым рисунком, зеркальце белое, окаймленное по наружному и верхнему краю темными зонами, к верхней примыкает участок ржавчато-каштановых перьев. Клюв черный, лапы оранжево-желтые. Самка отличается белым зеркальцем, темным клювом с оранжево-розоватыми боковыми сторонами. Брюхо светлое. Черты размножения серой утки во многом сходны с таковыми у кряквы, заметно различаются брачные демонстрации. Полет легкий, с воды могут взлетать прямо вверх. Покрякивание несколько более высокое и резкое, чем у кряквы. Общая численность у нас серой утки немногим более 100 тыс. птиц. Как и кряквы, серые утки не только объекты охоты, но и расселения, особенно в Западной Европе.

В. ШИШКИН

НАШЕМУ ЖУРНАЛУ - 45 ЛЕТ!

Индекс: 70673. Цена 17 рублей

ISSN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство. 2000. № 10. 1—48